

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Факультет удмуртской филологии
Кафедра удмуртского языка и методики его преподавания

О. Б. СТРЕЛКОВА

Имена числительные удмуртского языка
История и типология

Монография

Ижевск

2013

УДК 811.511.131

ББК 81.664.1–212

С 842

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензент: кандидат филологических наук Л. М. Ившин

Научный редактор: доктор филологических наук, профессор

В. К. Кельмаков

Стрелкова О. Б.

С 842 Имена числительные удмуртского языка. История и типология: Монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 238 с.

ISBN 978-5-4312-0158-5

Предлагаемое вниманию читателей монографическое исследование посвящено рассмотрению грамматических особенностей имени числительного удмуртского языка, систематизации и изложению некоторых аспектов истории данной части речи с привлечением материалов родственных и неродственных языков. Работа предназначена для студентов, аспирантов филологических специальностей в качестве учебного пособия по грамматике удмуртского языка, для исследователей в области удмуртского и финно-угорского языкознания.

УДК 811.511.131

ББК 81.664.1–212

© О. Б. Стрелкова, 2013
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. Из истории фиксации и изучения имен числительных удмуртского языка	11
ГЛАВА 2. Об этимологии имен числительных удмуртского языка	28
2.1. <i>Одйг</i> ‘один’	29
2.2. <i>Кык</i> ‘два’	34
2.3. <i>Куинь</i> ‘три’	35
2.4. <i>Ньыль</i> ‘четыре’	36
2.5. <i>Вить</i> ‘пять’	37
2.6. <i>Куать</i> ‘шесть’	38
2.7. <i>Сизьым</i> ‘семь’	38
2.8. <i>Тямыс</i> ‘восемь’	38
2.9. <i>Укмыс</i> ‘девять’	42
2.10. <i>Дас</i> ‘десять’	43
2.11. <i>-мын, -мыс</i> и <i>-дон / -тон</i> в значении ‘десять’	44
2.12. Способы образования единиц второго и последующего десятков	45
2.13. <i>Кызь</i> ‘двадцать’	48

2.14. <i>Куамын</i> ‘тридцать’	49
2.15. <i>Ньыльдон</i> ‘сорок’	49
2.16. <i>Витьтон</i> ‘пятьдесят’	50
2.17. <i>Куатьтон</i> ‘шестьдесят’	50
2.18. <i>Сизьымдон</i> ‘семьдесят’	51
2.19. <i>Тямыстон</i> ‘восемьдесят’	51
2.20. <i>Укмыстон</i> ‘девяносто’	52
2.21. <i>Сю</i> ‘сто’	52
2.22. <i>Сюрс</i> ‘тысяча’	53
2.23. Нулевая множественность	54
ГЛАВА 3. Классификация имен числительных	58
3.1. Классификация имен числительных по морфологической структуре	58
3.2. Лексико-грамматическая классификация и морфология имени числительного	64
3.2.1. О лексико-грамматической классификации имен числительных	64
3.2.2. Собственно-количественные числительные.....	66
3.2.3. Числительные приблизительного значения	78
3.2.4. Дробные числительные	93
3.2.5. Собирательные числительные и счетно-личные местоимения	100
3.2.6. Порядковые числительные	111
3.2.6.1. О порядковых числительных	111

3.2.6.2. Порядковое числительное ‘первый’	113
3.2.6.3. Порядковое числительное ‘второй’	116
3.2.6.4. О суффиксах порядковых числительных	117
3.2.6.5. Особенности употребления порядковых числительных в удмуртском языке	119
3.2.7. Неопределенно-количественные слова – кванти- фикаторы	126
3.2.7.1. Выделение группы слов с неопределенно- количественным значением	126
3.2.7.2. О лексико-грамматической принадлежности слов с неопределенно-количественным значением	128
3.2.8. Межкатегориальные связи отнумеральных слов в удмуртском языке	136
3.2.8.1. Отнумеральные существительные	136
3.2.8.2. Отнумеральные прилагательные	142
3.2.8.3. Отнумеральные наречия	144
3.2.8.3.1. О разделительных числительных	144
3.2.8.3.2. Другие формы отнумеральных наречий	150
3.3. Имя числительное и категория числа	155
3.3.1. О реликтах двойственного числа в удмуртском языке	156
3.3.2. Категория числа имен числительных	160
ГЛАВА 4. Синтаксис имени числительного	164
4.1. О синтаксических функциях имен числительных удмуртского языка	164

4.1.1. Числительное в роли подлежащего	164
4.1.2. Числительное в роли сказуемого	166
4.1.3. Числительное в роли определения	167
4.1.4. Числительное в роли дополнения	170
4.1.5. Числительное в роли обстоятельства	170
4.1.6. Вводные слова	171
4.2. Числительное в составе сложного слова	172
4.3. О числе имени существительного в сочетании с числительным	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	192
ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	194
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	199
ПРИЛОЖЕНИЯ	216

ВВЕДЕНИЕ

Из года в год лингвистика как наука претерпевает изменения, пополняется знаниями, выходят в свет труды известных, а также только начинающих свою исследовательскую деятельность ученых. Следует отметить, что в последнее время в удмуртском языкознании уделяется достойное внимание рассмотрению проблем морфологии, но, к сожалению, среди опубликованных работ до сегодняшнего дня нет исследований, которые комплексно и всесторонне рассматривали бы имя числительное удмуртского языка. В работах разных лет как зарубежных, так и отечественных языковедов мы достаточно часто находим вкрапления информации об удмуртских числительных и значительно реже – целые главы и тематические статьи, посвященные рассмотрению проблем имени числительного (к примеру, можно назвать исследования таких ученых, как В. И. Алатырев, П. Н. Перевощиков, А. С. Бабинцев, В. К. Кельмаков, К. Е. Майтинская, Г. А. Ушаков, Л. Хонти, Р. Бартенс, Г. Орбан, Ф. И. Видеманн). Вместе с тем необходимо отметить, что во многих случаях авторы изданных трудов не учитывают особенности удмуртского языка как агглютинативного и опираются на грамматические традиции русского языкознания.

Язык очень сложен и многогранен. Он представляет собой сложнейшую систему, которая живет и изменяется по своим правилам и законам. И в этой многогранности различных значений существует система выражения количества и числа. Так как всякий отдельно взятый язык представляет собой нечто уникальное, соответственно, в каждом языковом сообществе установилась своя система выражения количества, в которой можно

обнаружить черты, близкие с иными родственными языками, и совершенно новые, существенно отличающиеся элементы.

Удмуртский язык, как один из представителей пермской группы финно-угорской семьи языков, сохранил немало общего с общефинно-угорской системой числительных и приобрел много новых черт в самостоятельный период своего развития.

Место числительных среди лексических средств выражения количества определяется их дистинктивными признаками. По способу обозначения количественных характеристик числительные относятся к словам наиболее обобщенной семантики. Оказывается очевидным, что реализация значения точного числа является прерогативой числительных.

Числительные зародились в глубокой древности. Они возникли, чтобы удовлетворить потребности людей в числовом представлении. Первоначально круг числовых представлений был очень узок, ограничен, а счет примитивен, постепенно эта система расширяется и усложняется.

Тот факт, что числительные до 6 в финно-угорских языках имеют достаточно заметные сходства, говорит о том, что данные числительные возникли ещё в прафинно-угорское время, когда финно-угры жили в единстве. По мнению исследователей, многие финно-угорские языки унаследовали от языка-основы девять числительных, обозначающих '1-6', '10', '20', '100' [Honti 1987: 135]. Однако скудный набор дошедших до нас числительных, как отмечает К. Е. Майтинская [1973: 211], еще не свидетельствует о том, что прафинно-угры не имели точного представления о промежуточных единицах, очевидно, они пользовались вспомогательными средствами для их выражения. Таким образом могли появляться «числительные», образуемые от случая к случаю и поэтому непостоянные по составу. Многое также зависело от того, какую значимость для быта имели промежуточные числовые понятия. Возможно, что число '100' для быта прафинно-угров имело бóльшую значимость, чем '15', '18', '25' и т. д.

Имя числительное удмуртского языка как знаменательная часть речи заслуживает пристального и детального рассмотрения с точки зрения этимологии, определения места в системе частей речи, выявления морфологических и синтаксических особенностей. Все это и предопределяет необходимость как теоретического, так и практического анализа имени числительного удмуртского языка. В данной работе большее внимание уделяется рассмотрению морфологических характеристик имени числительного, анализу отнумеральных слов и определению их частеречевого статуса. Образованные от числительных слова находятся в субординационной зависимости, образуют с ними лексический ряд, связующим центром для членов которого в плане выражения является корень числительного, а в плане содержания – сема числа. Все это вызывает проблемы в интерпретации слов отнумерального происхождения.

Источником исследования послужили художественные произведения удмуртских писателей разного периода, а также немногочисленные, но весьма интересные и ценные материалы ранних письменных памятников удмуртского языка.

В основе книги лежит кандидатская диссертация автора «Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте)», которая была защищена в 2009 году, таким образом, данная работа является результатом многолетних научных изысканий. Но исследование не получило бы своего воплощения в виде книги без помощи и поддержки сотрудников факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. Выражаю также отдельные слова благодарности кафедре финно-угроведения Туркуского университета (Финляндия) и лично проф. Сиркке Сааринен за предоставление возможности научных стажировок при подготовке кандидатской диссертации и монографии. Сердечная благодарность официальным оппонентам доктору филологических наук, профессору Е. А. Цы-

панову, кандидату филологических наук Л. Е. Кирилловой и рецензенту кандидату филологических наук Л. М. Ившину.

Особые слова благодарности и признательности хотелось бы выразить научному руководителю доктору филологических наук, профессору В. К. Кельмакову, который, не жалея времени и сил, на протяжении всей работы оказывал неоценимую профессиональную помощь мудрыми советами, идеями и критическими замечаниями.

ГЛАВА 1. Из истории фиксации и изучения имен числительных удмуртского языка

Имя числительное – это часть речи, обозначающая отвлеченное число (*куамын* ‘тридцать’, *вить* ‘пять’, *вить дасмос* ‘пять десятых’), количество предметов и явлений (*кык гурт* ‘две деревни’, *дас ар* ‘десять лет’) или порядок предметов и явлений по счету (*сизыметй корка* ‘седьмой дом’, *тямысэти толзэ* ‘восьмой месяц’).

В различных языковых системах принято по-разному рассматривать слова с семантикой количества. В финно-угорских языках имена числительные анализируются как особая знаменательная часть речи. В целом, в лексико-семантическом поле количества имен числительных выделяются количественные, дробные, неопределенно-количественные, приблизительного счета, собирательные (совместные, обобщительные), делительные (разделительные, распределительные), множительные (повторительные, кратные), временные (со значением типа ‘во второй раз’) числительные [Игнаева 1997: 9].

Несмотря на то, что нет трудов, посвященных всестороннему исследованию особенностей имени числительного удмуртского языка, имеет место быть фрагментарная характеристика этой лексико-семантической группы во многих работах, вышедших в свет еще до XX столетия. Имя числительное не оставалось в стороне от внимания ученых, что подчеркивается исследователями и других финно-угорских языков [Смолькина 2005: 68]. В данной главе исследования приводится обзор материалов по числительным удмуртского языка описательного и проблемного характера и оценка вопросов, которые рассматриваются зарубежными и отечественными лингвистами.

Появление первых сведений об удмуртских числительных можно отнести к началу XVIII века, когда отдельные лексемы данной части речи появляются в сравнительных словарях и списках слов как зарубежных, так и русских исследователей.

Так, среди удмуртских слов, собранных Ф. И. Страленбергом, мы находим девять числительных, от 1 до 10, кроме лексемы со значением ‘восемь’¹: *Attik* ‘один’, *Kyk* ‘два’, *Kyn* ‘три’, *Nell* ‘четыре’, *Witt* ‘пять’, *Katt* ‘шесть’, *Zfefem* ‘семь’, *Alnmans* ‘девять’, *Däs* ‘десять’. Приведенная в данном списке слов лексема *Ssemet* ‘восемь’, как отмечает Т. И. Тепляшина [1965: 26], по ошибке перенесено в удмуртскую колонку из марийского языка, в котором оно обозначает ‘семь’.

В материалах Г. Ф. Миллера представлены числительные от 1 до 12, десятки, сотни и тысячи, всего двадцать восемь числительных. В этих данных уже прослеживаются особенности образования наименований от 11 до 19 (*Дасъ-Одикъ* ‘одиннадцать’, *Дасъ-Кюкъ* ‘двенадцать’), десятков (*Кюсъ* ‘двадцать’, *Квамюнь* ‘тридцать’, *Нилль-Донъ* ‘сорок’, *Вить-Донъ* ‘пятьдесят’...), сочетаний десятков с единицами (*Кюсъ Одикъ* ‘двадцать один’), сотен (*Кюкъ-Ссу* ‘двести’), тысяч (*Кюкъ-Сурсъ* ‘две тысячи’).

Словари П. С. Палласа содержат числительные от 1 до 10, сто и тысяча. Эти же числительные представлены и в списках слов И. Е. Фишера.

Самый богатый материал по числительным удмуртского языка в работах исследователей этого периода мы находим в записках Д. Г. Мессершмидта. Им зафиксированы названия единиц от 1 до 10, десятки, сотни, тысячи, миллионы, представлены также и различные комбинации названий десятков и единиц, сотен и единиц – всего 63 наименования. Наибольший интерес

¹ Материалы памятников письменности представлены в приложении к данной работе.

Орфография и пунктуация примеров в работе приводятся в соответствии с источниками исследования.

вызывают формы типа *Schuna-dass-oddick* ‘сто одиннадцать’, *Schuna-dass-ogkmäss* ‘сто девятнадцать’. Формант *-na* в этих словах, по-видимому, является союзом *но* ‘и’, следовательно, эти числительные можно рассматривать как ‘сто и одиннадцать’, ‘сто и девятнадцать’. Названия миллионов, зафиксированные Д. Г. Мессершмидтом, представляют собой мультипликативные образования: *Schüre-Schürss* ‘миллион’ (букв. ‘тысяча тысяч’), *Ogkmesdan-Ogkmæs-Schüre-S-* ‘девяносто девять миллионов’ (букв. ‘девяносто девять тысяч тысяч’).

Ни один из вышеперечисленных ученых не дает каких-либо существенных грамматических сведений, характеризующих имя числительное, но ценность их материалов, конечно же, заключается в фиксации лексики, в том числе и числительных, удмуртского языка в том состоянии, в каком они были представлены в ту эпоху, что означает также и то, что мы имеем (хоть и неполный) материал для диахронического исследования имени числительного.

В первой грамматике удмуртского языка [Сочинения 1775: 40–41] уже дана небольшая грамматическая характеристика удмуртских числительных: «Имена числительныя въ вотскомъ разговорѣ чрезъ падежи не склоняются». Вероятно, этот вывод сделан из наблюдений сочетания числительных с существительными, связь между которыми в большинстве случаев осуществляется путем примыкания. В грамматику вошли числительные от 1 до 22, десятки, сотни и тысяча. Автор данной работы названия десятков, десятков с единицами достаточно последовательно, без исключений пишет слитно (*витьтѳнѳ* ‘пятьдесят’, *дасквѳнѳ* ‘тринадцать’, *кызьодыкъ* ‘двадцать один’), а названия сотен – раздельно (*кык сю* ‘двести’, *квинь сю* ‘триста’).

Интересные сведения о числительных можно найти в словаре З. Кротова [Кротовъ 1785], где представлены как количественные, так и порядковые числительные (*одыгѳти* ‘первый’, *одыгѳ* или *одыкъ* ‘один’, *нилѳтѳ* ‘четвертый’, *ниль* ‘четыре’). Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что некото-

рые порядковые числительные зафиксированы автором с выделительным суффиксом (*кыктетіэзь* ‘второй, другій’, *витетіэзь* ‘пятый’, *тямысэтіэзь* ‘восмій’). В то же время форма *кыкъ-тети* (без выделительного суффикса) отмечена со значением ‘въ другой разъ’. Некоторые числительные в словаре приведены с показателем родительного падежа (*укмысь. лэнь, сюрсь. лэнь*), что свидетельствует о том, что автор отмечал возможность имени числительного принимать формы косвенных падежей. Примечательно, что такие образования, как *квиньмо* ‘натри части’, *квинь поль* ‘трижды’, *ниль поль* ‘четырежды’, Захария Кротов относит к наречиям.

Анализируя особенности правописания, можем отметить, что в рассматриваемом словаре зафиксировано раздельное написание числительного с послелогоми (*одыгъ бере кыктетіэзь* ‘единъ после другого’, *ниль поль* ‘четырежды’, но *кватъ сьуполь* ‘шестьсот раз’), десятков с единицами (*дасъ одыкъ* ‘одинадцать’, *дасъ вить* ‘пятнадцать’), но в то же время *кызьодыкъ* ‘двадцать один’, *кызькыкъ* ‘двадцать два’; названий сотен (*квинь сю* ‘триста’, *ниль сю* ‘четыреста’).

Таким образом, мы не можем проследить единообразия в принципах написания числительных ни в словаре З. Кротова, ни в первой грамматике удмуртского языка.

Достаточно подробный материал о грамматических свойствах числительных представлен в грамматике М. Могилина [Могилинъ 1786: 73–75]. В этой работе мы находим информацию о склонении числительных по пяти падежам (даны формы именительного, родительного, дательного, винительного и творительного падежей). В форме винительного падежа числительные *кыкъ* ‘два’, *квинь* ‘три’, *вить* ‘пять’ маркированы выделительным суффиксом (*кыкъсэ, квиньзэ, витьсэ*).

Интересно то, что к именам числительным кроме слов, выражающих семантику точного количества, автор относит слова *воцягъ* или *вицягъ* ‘весь’, *воцякъіос* ‘все’ и здесь же знакомит с их склонением. По своим семантическим и грамматическим

признакам данные словоформы являются местоимениями. Впоследствии эти слова к именам числительным относит и Ф. И. Видеманн, называя группу подобных слов неопределенными числительными [Wiedemann 1851: 102].

В грамматике М. Могилина принято написание сочетания десятков с единицами через дефис (*дас-одыкъ* ‘одиннадцать’, *кызь-одыкъ* ‘двадцать один’). Название тысячи дается как *дасъпуй* и *сюрсь*, а ста тысяч – *сюрсь сю* (букв. ‘тысяча сто’). В каких-либо других работах и источниках форма *дасъпуй* нами больше не отмечена, хотя Ф. И. Видеманн также дает варианты числительных, содержащих лексему *пуј* ‘сто’: *кук s’u* (*кук пуј*) ‘двести’, *küjn’ s’u* (*küjn’ пуј*) ‘триста’, *wit’ s’urs* (*wit’don пуј*) ‘пять тысяч’ [Wiedemann 1851: 97].

Согласно представленным в грамматике М. Могилина материалам, количественные и порядковые числительные в удмуртском языке выражаются одинаково, какой-либо грамматический показатель порядкового числительного автором не прописан:

<i>одыкъ</i>	одинь, первый
<i>укмысь</i>	девять, девятый.

Из работ XIX века наиболее ценным для исследователей удмуртского языка является глава о числительных в грамматике Ф. И. Видеманна [Wiedemann 1851]. В целом, нужно отметить, что Ф. И. Видеманн дает достаточно глубокую характеристику удмуртским числительным, описывая каждую из восьми выделенных им групп. Классификация удмуртских числительных, состоящая из следующих разрядов: количественные, порядковые, дистрибутивные, собирательные, адвербиальные (или кратные, образованные с помощью послелога *pol* ‘раз’ от количественного числительного и со значением ‘в такой-то раз’ от порядковых числительных: *кыктätiЩä* ‘во второй раз’), мультипликативные (с послелогом *полэс*, *мында*), дробные, неопределенные [Wiedemann 1847: 88–95] – напоминает предложенную им классификацию числительных марийского языка. Автор

грамматики также отмечает возможность употребления существительного с именем числительным как в форме единственного, так и в форме множественного числа: *otyn so ulyz nil'don nunal* 'там он прожил сорок дней'; *das odyg dyschets'kys'jos тунузу Galilejaä* 'одиннадцать учеников пошли в Галилею' [Wiedemann 1851: 96].

Другая группа источников XIX века, предоставляющих нам материалы о числительных, – это различные издания, служащие руководством к изучению удмуртского языка: азбуки, буквари, переводные евангелия. Как раз из них мы можем почерпнуть сведения о различных случаях употребления имен числительных того времени. Ценность таких памятников письменности заключается в том, что имя числительное не фиксируется изолированно, а в составе полных предложений. Например, нами отмечен один из способов выражения приблизительного значения – с помощью суффикса *-ос (-ёс)*, который присоединяется к числительному (т. е. имя числительное используется с маркером множественного числа): *квaмын'гюсь* 'около тридцати' [АзбукаГ 1847: 83]. В подобных изданиях также обнаруживаются довольно своеобразные формы употребления, например: *вить сю сюрс* 'пять тысяч' (букв. 'пятьсот тысяч'); *увазнырысь* 'первый', букв. 'раннепервый' [АзбукаГ 1847: 17, 112] или *азнырысь* что в буквальном переводе означает 'переднепервый' [ЕвангелиеС 1847: 165].

Подробные грамматические сведения об удмуртских числительных представлены в школьных грамматиках и учебниках удмуртского языка начала XX века. Как и в русском языке, авторы подразделяют удмуртские числительные на количественные и порядковые, выражающие количество и порядок предметов при их счете. При рассмотрении материалов учебных пособий очевидным оказывается тот факт, что исследователи задумываются об иной возможности классификации удмуртских числительных.

П. Глезденев в «Краткой грамматике языка народа удмурт» выделяет среди количественных числительных дробные (*жыны* ‘половина’, *черик* ‘четверть’, *осьмука* ‘осьмуха’), собирательные (*куиьнамы* ‘трое мы’, *куиьнады* ‘трое вы’, *куиьназы* ‘трое они’, или со словом *кузя*: *кык кузя* ‘двое’, *куиь кузя* ‘трое’ и т. д.) [Глезденев 1921: 26–27]. Такую же классификацию предлагают в своих работах И. В. Яковлев [1927: 32–33] и П. Н. Перовщиков [1948: 423].

П. Глезденев отмечает употребление слов *мын*, *дон*, *тон* вместо *дас* ‘десять’ при образовании названий десятков и дает им этимологическое пояснение: «*Мын* слово коми-морт (зырян), означает плату, цену; *дун* (дон, тон) – слово удмурт, означает оно – тоже плату или цену» [Глезденев 1921: 27].

Достаточно ценным в этой работе оказывается замечание, что имена числительные склоняются только тогда, когда при них нет имен существительных, а при именах существительных, как и прилагательные, не склоняются. Эта мысль в дальнейшем повторяется в ряде учебников этого периода [Яковлев 1927: 33; Жуйков 1933: 74; Поздеева 1939: 66].

Несмотря на схожесть преподносимой исследователями того времени информации, нельзя не отметить некоторые ценные и интересные замечания в работах разных ученых. Так, в грамматике П. Глезденева отмечено присоединение числительными притяжательного суффикса (*одиге* ‘один мой’, *одиged* ‘один твой’, *одигез* ‘один его’), таким образом, в исследованиях по удмуртскому языку выделяется еще одна категория имени числительного – притяжательности.

Несколько иную и весьма своеобразную классификацию числительных предлагает Г. Е. Верещагин в «Руководстве к изучению Вотского языка» [Удмурт 1924: 50–54]. Кроме количественных и порядковых имен числительных, в данной работе выделены еще две группы: местные и товарищеские числительные. Указано, что «местные числительные показывают число мест предметов» [Удмурт 1924: 51] и то, что, в отличие от поряд-

ковых числительных, которые образуются с помощью «послесловий *-етйез* или *-этйез*», местные образуются с помощью «окончаний *-тэти* и *-метй*» (*Бусыын кыктэти анаэ*. ‘В поле в двух местах полосы (у меня)’. *Юэд киземын дасэти*. ‘Хлеба посеяно (у тебя) в десяти местах’. *Пудоэ ветлэ кыктэти*. ‘Скот (у меня) ходит в двух (местах)’). (Здесь, вероятно, требуется небольшой комментарий относительно неверного определения «окончания», т. к. употребление *-тэти* и *-метй* наблюдается только с *кык* ‘два’ и *куинь* ‘три’, инициальный согласный данных показателей исторически является частью корня (см. подробнее 2.2. и 2.3.). Местные числительные рассматриваются отдельной группой также С. П. Жуйковым [1933: 75].

В разряд товарищеских Г. Верещагиным определены числительные, обозначающие «общее число лиц в товариществе, или часть участников. При них всегда подразумеваются лица и оканчиваются на *намы* (1 лицо), *нады* (2 лица) и *назы* (3 лица) множественное число» [Удморт 1924: 51]. Указано, что «товарищеские числительные принимают еще формы количественных-товарищеских» (*одйгез* ‘один (из товарищества)’, *кыкез* ‘двое (из товарищества)’, *квинез* ‘трое (из товарищества)’ и т. д.). Таким образом, проанализировав информацию, мы можем отметить, что предыдущие исследователи группу «товарищеских» числительных лишь называли по-другому – собирательными. А вторая группа рассмотренных Г. Верещагиным числительных представляет собой количественные числительные с выделительно-указательным суффиксом.

Особо следует отметить замечание Г. Верещагина об образовании наречий от числительных с помощью «частичек *ёй, ой, той*»: *одйгой* ‘в продолжение одного дня’, *кыктой* ‘в продолжение двух дней’.

В работе Г. Верещагина представлено склонение порядковых числительных, продемонстрированы двадцать четыре падежные формы сочетания *кыктэтиэз (витетйэз) пиэ* ‘второй (пятый) сын (мой)’. При этом во всех падежах изменяются лишь

формы существительного, а числительное остается неизменным (*кыктэтійээ пиэлэн* ‘второго сына (моего)’), кроме винительного и ценительного падежей (*витетійээ тиме* ‘пятого сына (моего)’, *витетійээ тиме вылтій карисько* ‘пятого сына (моего) ценю выше’). Неточности в склонении числительных исходят, как отмечает В. К. Кельмаков [2004: 51], из неверного подхода Г. Верещагина к определению падежей – смешению морфологического уровня системы языка с синтаксическим и лексическим уровнями. Действительно, большинство падежных форм представляют собой сочетание существительных с послелогом, числительное же выступает в качестве определения, связь с определяемым словом осуществляется путем примыкания.

В грамматике А. И. Емельянова отражены и диалектные варианты некоторых числительных: *odig, og, oik* – наречие бесермян, наречие Слободского уезда – *один* [1927: 153–157].

В грамматике И. В. Яковлева (а затем в учебнике П. Д. Горехова [1929: 141]) мы находим информацию о возможности образования прилагательных от имен числительных с помощью суффикса *-о*: *укмыс-о кутэ пöсьтійэ, сизыым-о кут кутано луиз, ог дас-о эше вань* [Яковлев 1927: 32–37]. В данном контексте нужно выделить последнее сочетание, так как оно представляет собой числительное приблизительного счета, образованное с помощью омонимичного суффикса, а не прилагательное.

Ценным для нас оказывается примечание И. В. Яковлева о том, что числительные не употребляются во множественном числе, таким образом, он отрицает наличие категории числа имен числительных. И здесь же автор отмечает, что лишь при счете десятками, сотнями, тысячами возможно использование форм *дас’ёс, сюос, сюрс’ёс*.

Центральное место числительные и меры измерения занимают в работе «*Öжыт дышетскем’ёслы лыд’яськыны дышетскон книга*» [Анцыферов, Корольков 1931]. Конечно, в ней не рассматриваются грамматические особенности имени числительного как знаменательной части речи, но в этом пособии пред-

ставлен богатый материал о возможностях выражения числовых значений различными средствами удмуртского языка. Для обозначения дробей авторы вводят термин *векчим лыд'ёс*, который не закрепился в удмуртском языкознании.

С. П. Жуйков [1933; 1937] в учебниках по удмуртскому языку впервые обращается к вопросу о синтаксических функциях, отмечает возможность числительного выступать в роли всех членов предложения: подлежащее (*дас кыклы люкиське* 'десять делится на два'), сказуемое (*кыкпол кык – ньыль* 'дважды два – четыре'), определение (*туннэ дас кыкетй число* 'сегодня двенадцатое число'), дополнение (*дасэз кыклы люконо* 'десять нужно разделить на два'), обстоятельство (*мон туннэ ичи ужай* 'я сегодня мало поработал').

А. С. Бабинцев в статье «Морфология сярсысь» [1937: 27–28] предлагает внести некоторые коррективы в интерпретацию имен числительных удмуртского языка. По мнению автора, не следует выделять в отдельную группу местные числительные, как это делалось раньше. Для этого, утверждает А. С. Бабинцев, существуют местные падежи. Таким образом, выдвигается предложение о разделении числительных на четыре группы: количественные, порядковые, собирательные и личные. Этой классификации впоследствии достаточно последовательно придерживаются составители многих учебных пособий по удмуртскому языку [Поздеева 1939: 65; УКДЮ 1938: 48; Горбушин 1941:59].

Особое внимание А. С. Бабинцев уделяет правописанию числительных, указывая, что при написании порядковых числительных цифрами необходимо добавление к последним через дефис окончания, так как в противном случае при чтении допускается ошибка – произношение без окончания (*17 октябре* – *дас сизьым октябре*). Последующие работы [Поздеева 1951: 116; Правила 1954: 43], к сожалению, игнорируют данное предложение. Этот вопрос остается актуальным и на современном этапе развития правил правописания удмуртского языка, в частности, В. К. Кельмаков, рассматривая новые орфографические правила,

выделяет ряд спорных положений в своде, касающихся правописания имен числительных [Кельмаков 2008: 41–44].

В следующих рассматриваемых работах – грамматических очерках удмуртского языка, включенных в «Удмуртско-русский словарь» и «Русско-удмуртский словарь» [Перевощиков 1948: 422–425; Перевощиков 1956: 1312] – собирательные и личные числительные объединены в одну общую группу – собирательно-личные (*кыкнамы* ‘мы вдвоем’, *ныльнады* ‘вы четвером’, *вить кузя* ‘впятером’), но отдельно анализируются дробные числительные. (Следует отметить, что форма *вить кузя* ‘впятером’ является сочетанием числительного с послелогом и, бесспорно, выражает значение собирательности, но включение автором этих конструкций в разряд собирательно-личных в данном случае, на наш взгляд, является ошибкой, т. к. они не выражают лица).

В грамматических очерках П. Н. Перевощикова кроме лексико-грамматической классификации имени числительного представлена также классификация их по составу – деление числительных на простые (*одӱг* ‘один’, *дас* ‘десять’, *укмыстон* ‘девяносто’, *сюрс* ‘тысяча’), состоящие из одного корня, и составные (*дас кык* ‘двенадцать’, *сю дас кык* ‘сто двенадцать’), состоящие из нескольких слов.

А. А. Поздеева в учебниках удмуртского языка вносит поправки в данную классификацию, выделяя уже три группы числительных по составу, добавляя группу сложных (*ныльдон* ‘сорок’, *укмыстон* ‘девяносто’) [1951: 109]. Такая же классификация впоследствии дана и в научной грамматике удмуртского языка [ГСУЯ 1962: 152], и в грамматическом очерке удмуртского языка В. И. Алатырева [1983: 573], в современных же школьных учебниках вновь выделены лишь простые и составные [Никольская, Тараканов 1992: 91; Журавлева 2005: 76].

В учебнике удмуртского языка (который претерпел большое количество переизданий и долгое время был основным школьным учебным пособием) А. А. Поздеева дает полное склонение имен числительных: добавляются соответственный и на-

правительный падежи, которых не было в предыдущих работах. Отдельным параграфом рассматривается сочетание числительного с послелогоми: *кузя, чошен* употребляются для образования собирательных числительных, *ёрос* – числительных приблизительного счета. Нужно отметить, что в данной работе числительные приблизительного счета, дробные и собирательные отнесены к разновидностям количественных (как впоследствии и в ГСУЯ [1962: 148]). Кроме того, автор указывает на функционирование имен числительных с предлогами: *быдэн вить тетрадь* ‘по пять тетрадей’, *котыр кык яблок* ‘по два яблока’.

Впервые отдельной главой А. А. Поздеева рассматривает образование числительных. Ею выделено несколько способов образования числительных приблизительного счета: а) путем употребления двух числительных (*кык-куинь нунал* ‘два-три дня’, *сизьым-тямыс килограмм* ‘семь-восемь килограммов’); б) с помощью суффиксов *-о (-ё)* (*дасо нунал* ‘около десяти дней’, *тямыстоно пуд* ‘около восьмидесяти пудов’, *кызё нунал* ‘около двадцати дней’); в) с помощью слова *ог* и путем присоединения формообразующего суффикса *-о (-ё)* (*ог дасо уй* ‘около десяти ночей’, *ог кызё мурт* ‘около двадцати человек’); г) с помощью послелога *ёрос* (*кык сю ёрос* ‘около двухсот’).

В статье В. И. Алатырева «Удмурт числительнойёслэн историзы» [1957: 52–61] системно изложены история и этимология числительных от 1 до 10, названий десятков, сто и тысяча, рассмотрены наречные формы *кыктой* ‘в течение двух суток’, *куиньмой* ‘в течение трех суток’, восходящие, как отмечено исследователем, к словосочетаниям *кыкты уй* ‘две ночи’, *куиньмы уй* ‘три ночи’.

В «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 158], в которой раздел о числительных написан В. И. Алатыревым, представлен еще один, не отмечаемый ранее, способ образования числительных приблизительного счета: *ог витьтоно ёрос* ‘около пятидесяти’, *ог кызё мында* ‘около двадцати’ –

сочетание числительного, обладающего суффиксом *-o* (*-ĕ*), со словами *og* (препозитивно), *ĕros*, *мында* (постпозитивно).

Среди количественных числительных в научной грамматике представлена еще одна группа – собирательно-разделительные числительные. В этой группе рассматриваются повторно и парно употребленные количественные числительные в форме творительного падежа: *кыкен-кыкен кошкызы* ‘по двое ушли’, *оген-кыкен потйзы* ‘по одному-по двое вышли’. По грамматическим признакам, на наш взгляд, эти формы числительных можно интерпретировать как наречия. Такого мнения придерживается и Г. А. Ушаков [1988: 69].

Анализируя грамматические признаки собирательно-личных числительных, авторы грамматики отмечают, что «количественные числительные, употребляясь с аффиксом *-на-* и притяжательными суффиксами, одновременно выражают количество и лицо, т. е. прономинализуются. Однако <...> семантика числительных в них весьма весома» [ГСУЯ 1962: 159]. Составители данного научного издания также обращают внимание на слова-квантификаторы типа *трос*, *уно*, *данак* ‘много’, *ĕжыт* ‘мало’, и по аналогии с русским языком называют их неопределенно-количественными словами (в отличие от них, числительные приблизительного счета обозначают более или менее определенное количество). Таким образом, частеречевой статус подобных слов остается неопределенным.

Как уже было сказано выше, в грамматике по составу выделены три группы числительных. В примечании рассматриваются числительные *тямыс* ‘восемь’, *укмыс* ‘девять’, *кызь* ‘двадцать’, *куамын* ‘тридцать’, которые в современном сознании говорящих осмысливаются как простые, но исторически являются сложными образованиями [ГСУЯ 1962: 152].

Г. А. Ушаков рассматривает удмуртские числительные в сопоставлении с русскими [1982: 72–79]. Следует отметить, что основной грамматический материал о числительных удмуртского языка, представленный Г. А. Ушаковым, не противоречит по-

ложениям научной грамматики [ГСУЯ 1962]. Рассматривая числительные в сопоставительном аспекте, исследователь приходит к выводу, что «русские и удмуртские числительные аналогичны по семантике, но различны по морфологическим характеристикам», например: удмуртские числительные могут приобретать лично-притяжательные суффиксы и иметь выделительно-указательные суффиксы (*vited* ‘твои пять’, *куинетйез* ‘тот третий’). Сходными являются классификации русских и удмуртских числительных по семантике: количественные, собирательные и порядковые, а среди количественных автор еще выделяет собственно-количественные, дробные, неопределенно-количественные и числительные приблизительного счета. Но, по мнению исследователя, в отличие от русского, в удмуртском языке не представлены сложные имена числительные. Ранее относимые к сложным *ньильдон*, *витьтон*... *укмыстон* Г. А. Ушаков считает целесообразным рассматривать как простые, т. к. в настоящее время семантическая связь между *дон* (*тон*) и *дун* ‘цена’ утеряна. В. И. Алатырев в «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка» к «Удмуртско-русскому словарю» [1983: 573] называет эту группу числительных диахронически сложными (этот термин сохранен и в новой редакции грамматического очерка «Удмуртско-русского словаря» [2008: 844]).

В. И. Алатырев [1983: 573–575] исключает одну из групп числительных, выделяемую в предшествующих работах. Исследователь отрицает существование собирательно-личных числительных, а формы с аффиксом *-на-* и лично-притяжательным суффиксом рассматривает в разделе «Местоимение».

В. К. Кельмаков [1984: 18–23] подробно изучает вопрос о структуре числительных, начиная с обзора материалов первой грамматики удмуртского языка (1775). Анализ орфографии числительных, по мнению ученого, показывает, что составитель грамматики выделял простые (*одыкъ* ‘один’, *ниль* ‘четыре’, *кйамысь* ‘восемь’, *сьорсь* ‘тысяча’), составные (*кыкъ сю* ‘двести’, *квинь сю* ‘триста’), также и группу сложных, куда им отнесены

числительные типа «название десятка + название единицы»: *дасъодыкъ* ‘одиннадцать’, *дасъвить* ‘пятнадцать’, *кызьодыкъ* ‘двадцать один’. В. К. Кельмаков отмечает, что автор грамматики считает названия десятков простыми (судя по написанию, т. к. после предполагаемых первых компонентов сложных слов *кiамыс-* ‘восемь’ и *укмыс-* ‘девять’ отсутствует *ъ*: *кiамустонъ* ‘восемьдесят’, *укмыстонъ* ‘девяносто’).

Анализируя классификацию имен числительных по структуре, В. К. Кельмаков предлагает рассматривать в качестве сложных числительные со значением приблизительного счета, образованные путем сочетания двух числительных: *куинь-нъыль* ‘три-четыре’, *кызь-куамын* ‘двадцать-тридцать’. (По мнению М. К. Каракуловой, Б. И. Каракулова [2001: 99], в удмуртском языке в группе сложных числительных можно рассматривать только числительные приблизительного счета этого типа). По орфографическим правилам удмуртского языка данные формы, как сложные слова сочинительного типа, пишутся через дефис. Но в рассматриваемом случае сложным словом могут оказываться лишь части числительных приблизительного счета – сочетание конечного члена первого составного числительного с начальным членом второго составного числительного: *витьтон* *вить-витьтон* *куать* ‘пятьдесят пять-пятьдесят шесть’, *сизъымдон* *куинь-сизъымдон* *нъыль* ‘семьдесят три-семьдесят четыре’... Также, по мнению В. К. Кельмакова, сложными, возможно, являются названия сотен (*кыксю* ‘двести’, *куиньсю* ‘триста’, *тямыссю* ‘восемьсот’) и тысячей (*витьсюрс* ‘пять тысяч’, *кыксюрс* ‘две тысячи’). Таким образом, вопрос о структуре имен числительных остается недостаточно разработанным и неразрешенным и на сегодняшний день, требующим более глубокого и детального изучения.

Если рассмотреть работы, которые используются в качестве учебников удмуртского языка по морфологии в школьной практике в настоящее время [Никольская, Тараканов 1992; Журавлева 2005], то можно отметить, что в них среди количес-

твенных числительных выделены группы собственно-количественных, дробных, числительных приблизительного значения, собирательных, хотя в последнее время принято говорить о счетно-личных местоимениях (*кыкнамы ужаськом* 'мы оба работаем', *куиньназы кошкызы* 'они все трое ушли'). Вероятно, это сделано с целью упрощения восприятия материала школьниками, ведь в данных отнумеральных словоформах семантика числительных весьма ярко выражена. Непонятной является причина отсутствия образцов и особенностей склонения числительных в новом учебнике «Анай кыл» [Журавлева 2005]. Не отмечено здесь также и использование числительного с предлогом и послелогом, хотя в упражнениях даны случаи их употребления как пример сочетания предлога и послелого с существительным.

В «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка», включенном в новый «Удмуртско-русский словарь» [2008], в качестве собирательных числительных отмечены формы *кык кузя* 'вдвоём', *ныльнаяз коркан* 'во всех четырёх домах', и отдельным параграфом рассматриваются счётно-личные местоимения, образованные от числительных.

Среди работ зарубежных исследователей последних десятилетий нельзя оставить без внимания труды Л. Хонти, который рассматривает имена числительные уральских языков, их этимологию, историю. Важное место занимает его монография «Die Grundzahlwörter der Uralischen Sprachen» [Honti 1993], в которой ведется анализ возникновения и развития различных форм числительных в языках уральской семьи. В работах Л. Хонти представлен богатый материал и по удмуртскому языку.

Таким образом, анализ работ по морфологии удмуртского языка, представленных на сегодняшний день², делает очевид-

² Раздел об именах числительных в новой морфологии удмуртского языка «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» (2011) написан автором, и сведения, представленные в этой работе, существенно не отличаются от основных положений Главы 3 данного исследования.

ным, что спорными и требующими более полного и глубокого осмысления являются следующие вопросы:

1) классификация имен числительных, выделение их рядов с учетом особенностей грамматического строя удмуртского языка и грамматических форм самих числительных;

2) структура числительных удмуртского языка;

3) сочетаемость имен числительных с именами существительными и другими субстантивированными словами;

4) случаи употребления количественных числительных вместо порядковых;

5) лексико-грамматические характеризующие слов-квантификаторов типа *уно*, *трос*, *данак* 'много', *ичи*, *ӧжыт* 'мало'; и др.

ГЛАВА 2. Об этимологии имен числительных удмуртского языка

Развитие имен числительных в каждом языке проходит свой собственный путь. Как отмечает Л. И. Кочеткова [2003: 31], из-за частого употребления или быстрого счета звуковая форма числительных может сокращаться: чем чаще слово встречается, тем легче оно подвергается незакономерному сокращению. У тех числительных, которые употребляются чаще, более короткая форма.

В истории финно-угроведения на основе этимологии общих числительных, их строения, высказывались мнения о возможности существования в уральском и финно-угорском языках шестиричной, семиричной, двенадцатиричной и т. п. систем. В последнее время этот спор разрешился в пользу десятичной системы финно-угорских имен числительных, что подтверждается формами, реконструируемыми для финно-угорского и самодийского языков-основ [Хонти 2003: 176; Honti 1990: 108].

Охарактеризуем каждое числительное до десяти удмуртского и других финно-угорских языков, ибо они являются базовыми для образования других форм числительных и единиц более высокого порядка. Именно числительные до десяти оказываются наиболее часто употребляемыми. Если рассмотреть современные финно-угорские языки, распространенные на территории Российской Федерации, то картина в использовании своих числительных оказывается такой, что, к примеру, лишь до десяти считают на родном языке носители современного коми-пермяцкого языка [Кривошекова-Гантман 1956 (по: Кривошекова-Гантман 2006: 32)], такая же тенденция наблюдается, к примеру, и в вепском [Зайцева 1981: 165]. Начиная с десяти, счет в этих

языках ведется уже с помощью числительных, заимствованных из русского языка.

Удмуртский язык обладает полным набором собственных лексических единиц, но нельзя не отметить, что в последнее время довольно часто употребляются русские числительные и различные счетные конструкции не только в речи молодого, но и старшего поколения, к примеру, в случаях выражения даты, возраста человека и т. д., особенно это заметно в северных диалектах удмуртского языка, например: сч. *два-циэт' трэт'-т'эй мартэ* 'двадцать третьего марта'; *мынам вал акэ д'эвэт'-сот фторо-ва го-да*. 'У меня была тетья [тысяча] девятьсот второго года [рождения]' [Карпова 2005: 71].

2.1. *Одйг* 'один'

Одйг, *ог* 'один' – *Oddick* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 46, 156)]; *Attik* [Strahlenberg 1730]; *Одыкъ* [Сочинения 1775: 40]; *одыгъ, одыкъ* [Кротовъ 1785: 153]; *одыкъ* [Могилинь 1786: 60]; *Отыкъ* [Палласъ 1789: 476–477]; *одикъ* [Миллеръ 1791: 99]; *одыгъ* [ЕвангелиеГ 1847: 24]; *одигъ, одыгъ* [АзбукаС 1847: 23]; *одыгъ* [ЕвангелиеС 1847: 17]; *ог, одуг* [Wiedemann 1851: 97]; *одыкъ* [Лыззонъ 1867: 15]; *ог, одиг, одик* [Священная история 1877: 3]; *одик, ок, одиг, ог* [Гавриловъ 1880: 7, 8]; *одик* [Букварь 1882: 30]; *ог, одиг J; ок, одик K* [Aminoff 1896: 38]; *ог, ок, оди3g* (Sar., Mal.), Jel. *odig*, Kaz. *odik* [Munkácsi 1896: 66]; *ог G J MU U; одиг G M J MU U; одиG, од4g G; одик MU U; оиг B* [Wichmann 1987: 181] – кп. *ötik*, кз. *ömu, ömuk* < общеперм. **atik* < раннепермск. **stik* || мар. *ik, iktə(t)* | фин. *yksi ~ yhte-* | саам. *ok'tâ, âk'tâ* | эрз. *v'e, v'ejk'e* | мокш. *ifk'e* | хант. *it* | манс. *ääkwä, äk* = доперм. **ükte* > *stik-* > *stik* [КЭСК 1970: 212]; **FP**, ? **FU** **ikte (ükte)* [Rédei 1988a: 81]; **FU** **ike, üke* [Honti 1993: 75].

Таким образом, числительное *odüg* ‘один’ находит лексические соответствия во многих финно-угорских языках и относится к группе слов финно-угорского происхождения.

Числительное ‘один’ во многих языках обнаруживает возможность перехода в другие части речи, семантически выражая при этом некоторую неопределенность, как отмечают исследователи, «the numeral ‘one’ becomes a marker for singular-indefinite nouns»³ [Givón 1981: 35]. С одной стороны, оно может квалифицироваться как артикль, как, к примеру, в английском языке неопределенный артикль имеет отнумеральное происхождение: *a (an) < *one* [Givón 1981: 35]. Франц. *un ~ une*, нем. *ein ~ eine* также используются в качестве неопределенного артикля, числительного и местоимения [Эрнитс 1973: 169].

Если же рассмотреть финно-угорские языки, то числительное ‘один’ полностью переходит в функцию артикля в венгерском языке: «The indefinite article *egy* is identical with the numeral ‘one’»⁴ [Kenesei 1998: 94].

В других языках уральской семьи в некоторых случаях ‘один’ может рассматриваться как неопределенное местоимение, такого мнения, к примеру, придерживаются исследователи мордовских языков: *вейке ломань ёвтнесь / фкя ломань азондсь* ‘один (какой-то) человек рассказывал’ [ГМЯ 1980: 247]. Возможность перехода числительного *yksi* ‘один’ в неопределенное местоимение отмечается в финском языке, где в подобных случаях его можно заменить эквивалентным по значению неопределенным местоимением *eräs* ‘некто, некий, один’ [Leino 1993: 249]. Одним из числа неопределенных местоимений является *üks* ‘один’ в эстонском языке: *Üks käis sind siin otsimas.* ‘Один [некто] ходил тебя искать’ [Pajusalu 2004: 15]; в разговорном финском языке: *Gunilla, üks tyhmä akka joka on äidin entisii*

³ «Числительное ‘один’ становится определением к неопределенным именам в единственном числе».

⁴ «Неопределенный артикль *egy* является идентичным числительному ‘один’».

kavereita, haki mut koulusta [ISK 2005: 732]. ‘Гунилла, одна глуповатая тетка, старая знакомая мамы, забрала меня из школы’. Так же и в селькупском языке в аналогичных ситуациях рассматривают выполнение числительным ‘один’ роли неопределенного артикля или неопределенного местоимения: *Okk2r qup ella mad’ona kʃajamba akoček kʃatpad tab’ek*. ‘Один человек жил, в лес ходил, белок немного убивал’ [Беккер 1995: 145].

В тюркских языках среди количественных определительных сочетаний особую группу «занимают сочетания, в которых определение выражено числительным *bir* ‘один’. Кроме обычной семантики этого определения единичности предмета или явления, определение *bir* ‘один’ носит оттенок неопределенности. Таким образом, содержание, например, такого сочетания, как каракалп. *bir kisi*, заключается в том, что здесь подчеркивается не только единичность предмета ‘один человек’, но и его неопределенность ‘один какой-то человек’, ‘некто’, ср. следующие примеры: *bir qarry* ‘какой-то старик’, *bir sandyq* ‘какой-то сундук’ (*soɣnan qajtyp baratyrsa bir qarry nahan bir sandyqty arqalaj barajatqanyn kōrdi* ‘затем, когда он возвращался обратно, то увидел, что какой-то старик несет какой-то большой сундук’)» [Баскаков 2006: 143]. Или же, к примеру, в мунджанском языке: *Šan da yū jay kə yū josp da yū mırɣa ǎlǎf jəhón xūt, fərbá čiyi, zaxmi*. ‘Пошел в одно место, а там одна лошадь на лугу; травы ест много, а не поправляется, вся в ранах’. *Žə qati žə yū žinkikin da yū jay nyóstyəm viyá*. ‘Сидел я в одном месте с одной женщиной’ [Грюнберг 1987: 188]. В данном случае исследователями также подчеркивается выполнение числительным ‘один’ функции артикля.

В современном удмуртском языке форма *odüg* ‘один’ также может быть одинаково использована для выражения как числа предметов мысли в количестве одного, так и для указания на неопределенный предмет, явление, субъект действия. Например, рассмотрим ряд предложений: *Odüg tusyťmysь sisykyny no odüg lunem* улын улыны быгато шат соос (Р. Валишин. Төл

гурезь. 58). ‘Из одной миски есть и под одной крышей жить разве могут они’. **Одйг ыж** *басьтымон уксё люкано* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 42). ‘Нужно собрать столько денег, чтобы было достаточно на покупку одной овцы’. *Отысь одйг ниосмурт, кык нылкышноос потйзы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 21). ‘Оттуда вышли один мужчина, две женщины’. В приведенных выше примерах *одйг* выражает конкретное количество – один, это количество может быть противопоставлено двум, трем, множеству себе подобных предметов, таким образом, в данных случаях идет указание именно на единичность, и эта **количественная характеристика** оказывается **важной** в рассматриваемом контексте.

Проанализируем следующий ряд примеров, имеющих данную форму: **Одйг адями** *мыным туж бадзым йыркурен кошкиз улонысь* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 37). ‘Один человек ушел из жизни с большой обидой на меня’. *Соку тодмоез шуиз, алигес, пе, одйг коммерческой фирма кылдйз но отчы, офисазы, утылскись кулэ шуыса кылй вал* (Г. Перовощиков. Сюлэмтэм дунне. 33). ‘Тогда знакомая сказала, недавно-де одна коммерческая фирма образовалась, и слышала она о том, что туда, в офис, требовалась уборщица’. **Одйг воргорон** *кяз подносэн коньдон бичаз* (С. Самсонов. Дыдыкхёс бус пёлы уг йыромо. 105). ‘Один мужчина с подносом в руках собирал деньги’. В этих случаях важно не количество предметов, явлений, действующих лиц, а именно то, что речь идет о неопределенной единице из множества подобных, в частности, весьма свободно можно осуществить замену на слова со значением ‘некий’, ‘какой-то’. Хотя можно отметить небольшую разницу в семантике: неопределенные местоимения *кыче ке* ‘какой-то’, *кудйз ке* ‘некоторый’ выражают совершенно незнакомый предмет, явление, тогда как *одйг* может быть использовано в таких случаях, когда говорящий знает, но намеренно не сообщает о них. Подобное же отличие исследователи отмечают и в финском языке: «Kun nimetään jostakin

joukosta yksilö, joka ei jää kuulijalle tuntemattomaksi, voidaan käyttää joko *yksi-* tai *eräs-* sanaa»⁵ [Ikola 2000: 52].

Исходя из этого, на наш взгляд, можно и в удмуртском языке в аналогичных случаях квалифицировать форму *odüg* ‘один, некий, какой-то’ как неопределенное местоимение, таким образом, наблюдается переход: имя числительное → местоимение.

Путь перехода числительного ‘один’ в функцию неопределенного артикля / неопределенного местоимения Т. Гивон рассматривает следующим образом: «The gradual scale aside, what one sees here is a progression that may be summarized as:

quantification > referentiality/ denotation > genericity/ connotation»⁶ [Givón 1981: 49].

Энн Эрнитс [1973: 172], рассматривая этот вопрос, придерживается того мнения, что функция неопределенности у числительного ‘один’ вторична, т. е. она развивалась из понятия ‘один’, а не наоборот.

В русистике исследователями также отмечается значение ‘какой-то, некий’ и слово *один* называется счетно-местоименным в конструкциях типа *в один прекрасный день, один из гостей* [РЯ 1997: 627].

В целом, рассматриваемое явление перехода числительного ‘один’ в категорию артиклей Т. Гивон отмечает как типологически общий для различных языковых семей: «Such a development is attested independently in Germanic, Romance, Mandarin, Sherpa, Hungarian, Neo-Aramaic, Persian, Turkish and various Amerindian and Austronesian languages»⁷ [Givón 1981: 35].

⁵ «Когда называется из какой-то группы лицо, которое не остается неизвестным собеседнику, можно использовать слова *yksi* ‘один’ или *eräs* ‘некий’».

⁶ «Постепенное изменение может быть обозначено как последовательность: количественность > относительность > коннотация».

⁷ «Такое развитие засвидетельствовано независимо в германских, романских, мандаринском, венгерском, новоарамейском, персидском, турецком и в разных американо-индейских и австронезийских языках».

2.2. Кык ‘два’

Кык ‘два’ – бес., кукм., татш., круф., кркм. *кѣк*, бавл. *кѣк* – *Kyik* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Кук* [Strahlenberg 1730]; *kük* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 166)]; *Кыкъ* [Сочинения 1775: 40]; *кыкъ* [Кротовъ 1785: 109]; *кыкъ* [Могилинь 1786: 60]; *Кыкъ* [Палласъ 1789: 476–477]; *кюкъ* [Миллеръ 1791: 99]; *кыкъ* [ЕвангелиеГ 1847: 29]; *кыкъ* [АзбукаС 1847: 50]; *кыкъ* [ЕвангелиеС 1847: 9]; *кук* [Wiedemann 1851: 97]; *кыкъ* [Лыдзонъ 1867: 15]; *кык* [Священная история 1877: 8]; *кык* [Гавриловъ 1880: 6]; *кык* [Букварь 1882: 30]; *кук* J; *kök* K [Aminoff 1896: 38]; *к13к*, Kaz. *ke3k* (*к13кт-*, *к13к-*) [Munkácsi 1896: 147]; *к4к* G B U; *к2к* M J MU; *к4кт-* U; *к2кт-* M J; *к2к-* J [Wichmann 1987: 109] – к. *кык* < позднее общеп. **к8к* || мар. *кок* | эрз. *кавто* | мокш. *кафта* | фин. *kaksi* ~ *kahte-* | манс. *kit* | хант. *kzt* | венг. *két* ~ *kettő* = доперм. **käktə-* > раннеобщеп. **kakt-* (этот гласный *a* сохранился в **kačjamis* > *күкја-т2с* ‘восемь’, первоначально обозначавшем ‘два до десяти’) > позднеобщеп. **к8к* [КЭСК 1970: 151]; FU **kakta* ~ *käktä* [Rédei 1988a: 118]; U **käktä* [Honti 1993: 84].

Числительное *кык* ‘два’, имеющее финно-угорское происхождение, в пермских языках выступает с узким гласным *ы*. Сужение широких нелабиализованных гласных 1-го слога финно-угорского корня, по мнению ученых, обусловлено отпадением конечных гласных основы [Кельмаков 2003а: 203].

При образовании порядкового числительного ‘второй’, наречия со значением ‘в течение двух дней’, формы переходного падежа от числительного ‘два’ и других его производных в современном удмуртском языке обнаруживается утраченный ранее согласный *-т-*: **Кыктой** *čоже озы зорыны турттыса улйз, куазь тӧлоен-а, мар-а ӧз зоры* (М. Петров. *Зардон азын*. 117). ‘В течение двух дней была такая погода, что собирается дождь, но, видимо, из-за ветра дождя не было’. *Нырысь спектаклязы мынй – кельшиз гинэ. Кыктэтйяз ветлй – сюлэмме бордаз кыс-кыз* (Е. Самсонов. *Зор бере*. 3). ‘Пошел на первый спектакль –

довольно понравился. Сходил на второй – мое сердце притянул к себе’. *Тодійсько на, кызыы со [Володя] спортфакысь Лаишевский кыктоослэн Валераенызы керетӱз, керетэм гинэ өвӧл, бордаз жугиськыны но мерске вал* (С. Матвеев. Шузи. 63). ‘Помню еще, как он [Володя] поссорился с Валерой [одним] из двойни Лаишевских со спортфака, не только поссорился, но и драться к нему лез’. *Кыктоос сое [Лелиез] воксё пачкатӱзы* (Л. Нянькина. Ваёбыж кар. 64). ‘Двойняшки ее [Лели] совсем зажали’.

2.3. Куинь ‘три’

Куинь ‘три’ – кркм., кукм., канл. *кен’* [Кельмаков 1977: 46, Насибуллин 1977: 80]; нч. *квин’* [Кельмаков 2006: 77]; отд. юж. *кун’* [Кельмаков 2006: 77]; бес. *кип’* [Тепляшина 1970: 68]; – *Кууп* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Куп* [Strahlenberg 1730]; *Квинь* [Сочинения 1775: 40]; *квинь* [Кротовъ 1785: 81]; *квинь* [Могилинь 1786: 60]; *Квинь* [Палласъ 1789: 476–477]; *квинь* [Миллеръ 1791: 99]; *квинь* [ЕвангелиеГ 1847: 88]; *квинь* [АзбукаС 1847: 30]; *квинь* [ЕвангелиеС 1847: 88]; *купн’* [Wiedemann 1851: 97]; *квинь* [Лыздонъ 1867: 15]; *кюу* [Священная история 1877: 9]; *кюН* [Гавриловъ 1880:3]; *кюу* [Букварь 1882: 30]; *küiñ, kuiñ* [Aminoff 1896: 38]; *kwiñ, Kaz. küñ (kwiñt-, küñt-)* [Munkácsi 1896: 236]; *кухиñ G B M J MU U; kuN J; ku’N U* [Wichmann 1987: 142] – к. *куим* < общеп. **kЫjм* и **қон’т-* < **қол’т-* || мар. *кум, кумыт* | эрз. *колмо* | фин. *kolme* | саам. *golb’mâ* | манс. *kür’т* | хант. *хӧлӧт* | венг. *három* = доперм. **kolme-* [КЭСК 1970: 128]; **FU** **kolme (kulme)* [Rédei 1988a: 174]; **FU** **kolme* [Honti 1993: 90].

Числительное финно-угорского происхождения **kolme* в результате отпадения конечного гласного и упрощения консонантной группы в пермских языках приобрело односложную структуру.

В некоторых производных формах числительного *куи́нь* ‘три’ в современном удмуртском языке также обнаруживается сочетание *-н'м-*: *Нюлэскы пырон дорын ик сюрес куйнь пала вай-яське: огез нюлэс дуртй кошке, мукетыз, нюлэскы пырем бере-гес ик, паллянэ коже, куйньметйез шонерак мынэ* (М. Петров. *Зардон азын.* 32). ‘У самого входа в лес дорога расходится на три стороны: одна идёт вдоль леса, другая почти сразу после входа в лес сворачивает налево, третья идёт прямо’. *Огез – конюх, кыкетйез – учётчик, куйньметйез – кладовщик, ньылетйез – фермалэн заведующиез* (Т. Архипов. *Лудзи шур дурын.* 120). ‘Один – конюх, второй – учётчик, третий – кладовщик, четвертый – заведующий фермой’. *Куйнь тракторьёс куйньмой чоже дас тямыс гектар гыриллям* (Т. Архипов. *Лудзи шур дурын.* 257). ‘Три трактора за три дня вспахали, оказывается, восемнадцать гектаров’.

2.4. *Ньыль* ‘четыре’

Ньыль ‘четыре’ – кркм. *н'ил'* [Кельмаков 1977: 46]; кукм., круф. *н'ел'* [Кельмаков 1977: 56; Насибуллин 1978: 104] – *Nyil* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Nell* [Strahlenberg 1730]; *nill* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 167)]; *Ниль* [Сочинения 1775: 40]; *ниль* [Кротовъ 1785: 146]; *ниль* [Могилинъ 1786: 60]; *ниль* [Палласъ 1789: 476–477]; *ниль* [Миллеръ 1791: 99]; *ниль* [ЕвангелиеГ 1847: 119]; *ниль* [АзбукаС 1847: 71]; *ниль* [ЕвангелиеС 1847: 119]; *nil'* [Wiedemann 1851: 97]; *ниль* [Лыздзонъ 1867: 15]; *нюк* [Священная история 1877: 9]; *нюл* [Гавриловъ 1880: 22]; *нюк* [Букварь 1882: 30]; *ñuL J*; *ñüL K* [Aminoff 1896: 38]; *ñu3L*, *Jel. ñiL*; *Kaz. ñüL* [Munkácsi 1896: 528]; *ñuuL G MU U*; *ñuoðL G*; *ñ2L M J MU*; *ñiL U* [Wichmann 1987: 179] – кз. *нэль*, кя. *н'у-л'* < общеп. **n'ol'* || мар. *ныл*, эрз. *n'il'e* | мокш. *n'il'n* | фин. *neljä* | кар. *n'ellä* | саам. *njael'lje* | венг. *négy* | манс. *n'ila* | хант. *n'älä* = доперм. **nel'ä* > **n'el'ä* (эта фаза развития

сохранилась в коми слове *нелямьн* 'сорок') > праперм. **n'Ыл'* [КЭСК 1970: 189]; FU **ńelja (neljä)* [Rédei 1988a: 315]; FU **neljä (?*ńeljä)* [Honti 1993: 92].

Числительное финно-угорского происхождения в результате отпадения конечного гласного основы в пермских языках также приобрело односложную структуру.

2.5. *Вить* 'пять'

Вить 'пять' – кр. *вич* [Насибуллин 1978: 104] – *Huit* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Witt* [Strahlenberg 1730]; *wît* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 168)]; *Віть* [Сочиненія 1775: 40]; *вить* [Кротовъ 1785: 26]; *вить* [Могилинъ 1786: 60]; *вить* [Палласъ 1789: 476–477]; *вить* [Миллеръ 1791: 99]; *вить* [ЕвангеліеГ 1847: 107]; *вить* [АзбукаС 1847: 120]; *вить* [ЕвангеліеС 1847: 107]; *wit'* [Wiedemann 1851: 97]; *вить* [Лыдзонъ 1867: 15]; *вим* [Священная история 1877: 30]; *виТ* [Гавриловъ 1880: 23]; *вим* [Букварь 1882: 30]; *viT* [Aminoff 1896: 38]; *viT* [Munkácsi 1896: 669]; *viT G B M J MU U* [Wichmann 1987: 317] – к. *vim* < **vit* (*t'* из *t* под влиянием предшествующего *i*) < общеперм. **vit-* || мар. *вич*, морд. *veme* | фин. *viisi (viite-)* | эст. *viis* | саам. *viotta* | манс. *nt* | хант. *&ét* | венг. *öt* = доперм. **witte-* или **wite-* [КЭСК 1970: 58]; FU **witte* [Rédei 1988a: 577]; FU **wite*, **witte* [Honti 1993: 93].

Числительное *вить* 'пять' также находит лексические соответствия во многих финно-угорских языках и относится к группе слов финно-угорского происхождения. Утратив конечный гласный основы, в пермских языках числительное оказалось односложным.

2.6. Куать ‘шесть’

Куать ‘шесть’ – кр. куач [Насибуллин 1978: 104] – *Qââdt* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Katt* [Strahlenberg 1730]; *kwat* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 169)]; *Куать* [Сочинения 1775: 40]; *кватъ, куать* [Кротовъ 1785: 80]; *кватъ* [Могилинъ 1786: 60]; *куать* [Палласъ 1789: 476–477]; *кватъ* [Миллеръ 1791: 99]; *кватъ* [ЕвангеліеГ 1847: 64]; *кватъ* [АзбукаС 1847: 17]; *кватъ* [ЕвангеліеС 1847: 126]; *kwat'* [Wiedemann 1851: 97]; *кватъ* [Лыздонъ 1867: 15]; *куат* [Священная история 1877: 13]; *куаТ* [Гавриловъ 1880: 41]; *куат* [Букварь 1882: 30]; *kwaT* [Aminoff 1896: 38]; *kwaT* [Munkácsi 1896: 232]; *k&aT G B M MU U* [Wichmann 1987: 142] – к. *kwâit* < общеперм. **kwat'* || мар. *куд* | эрз. *кото* | мокш. *кота* | фин. *kuusi (kuute-)* | саам. *guttâ* | манс. *kat* | хант. *χот* | венг. *hat* = доперм. **kûte-*.

В общепермском языке после *k-* выработалось лабиализованное *w (&)*, под влиянием которого гласный звук расширился: **kute-* > **kwute-* > **kwat'* [КЭСК 1970: 119]; **FU** **kutte* [Rédei 1988a: 225]; **FU** **kutte*, **kute* [Honti 1993: 99].

2.7. Сизьым ‘семь’

Сизьым ‘семь’ – кр. *с'из'ъм* [Насибуллин 1978: 104]; кукм., татш. *с'из'ъм*, бавл. *с'из'ъм* – *Schishim* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Zfefem* [Strahlenberg 1730]; *sisim* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 169)]; *Сизымъ* [Сочинения 1775: 40]; *сизымъ* [Кротовъ 1785: 197]; *сизымъ* [Могилинъ 1786: 60]; *Сизымъ* [Палласъ 1789: 476–477]; *сисимъ* [Миллеръ 1791: 99]; *сизимъ* [ЕвангеліеГ 1847: 118]; *сизимъ* [АзбукаС 1847: 28]; *сизимъ* [ЕвангеліеС 1847: 118]; *siЩim* [Wiedemann 1851: 97]; *сизимъ* [Лыздонъ 1867: 15]; *џижым* [Священная история 1877: 9]; *џижым* [Гавриловъ 1880: 61]; *џижъм* [Букварь 1882: 30]; *śizym J*; *śizōm K* [Aminoff 1896: 38]; *śizi3m*, Jel., Mal. *śizim*; Kaz. *śize3m*,

šizem [Munkácsi 1896: 456]; *šiz4m* G B U; *šiz2m* M J MU [Wichmann 1987: 236] – к. *сизим* < общеп. *s'iz'im* || мар. *шым* | морд. *сисем* | фин. *seitsemän* | саам. *čiečča, čieWâ* = доперм. **s'eŋč'emä*; общеп. **i* < доперм. **e* под влиянием соседних палатальных согласных.

Заимствовано из индоевропейского языка славяно-балтийского типа в общефинно-пермкий период [КЭСК 1970: 255]; **ФР** **še'ćetä* [Rédei 19886: 773]; **ФР** **šejćcem* [Honti 1993: 100].

2.8. Тямыс ‘восемь’

Тямыс ‘восемь’ – круф. *чамыш* [Насибуллин 1978: 104]; кукм., татш. *т'амъс*, бавл. *т'амъс* – *Tjæmess* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Ssemet* [Strahlenberg 1730]⁸; *kikjâmas* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 170)]; *Кіа́мысь* [Сочинения 1775: 40]; *тямысь* [Кротовъ 1785: 229]; *тямысь* [Могилинъ 1786: 60]; *тямысь* [АзбукаС 1847: 125]; *Кіямісь* [Палласъ 1789: 476–477]; *кикьямасъ* [Миллеръ 1791: 99]; *t'amys* [Wiedemann 1851: 97]; *тямысь* [Лыздзонъ 1867: 15]; *ѳамыс, тямыс* [Священная история 1877: 113, 149]; *ѳамыс* [Букварь 1882: 30]; *t'amys* J; *t'amōs* K [Aminoff 1896: 38]; *Tami3s*, Kaz. *Tame3s* [Munkácsi 1896: 409]; *Tâm4s*, *T@am4s* G; *Tòàm2s* M MU; *Tòam2s* J; *Tòam4s* U (< **k2kjà-m2s*) [Wichmann 1987: 271] < **kjam2s* < **k2kjam2s* – к. *кòкъямыс* < общеп. **k8kjamis* [КЭСК 1970: 140].

Слово состоит из двух частей, первая из которых представляет числительное *кык* ‘два’, второе – *-мыс* ‘десять’, вытесненное впоследствии иранским заимствованием *дас*. Таким образом, рассматриваемая форма означает ‘два до десяти’. Палатализованное *т'* в начале слова в удмуртском языке, по утвер-

⁸ Как отмечает Т. И. Тепляшина [1965: 26], слово по ошибке перенесено в удмуртскую колонку из марийского языка, в котором оно обозначает ‘семь’.

ждению Б. А. Серебренникова [1963: 222], могло появиться из сочетания *tʃ*, чему предшествовала форма *kʃjamys*, возникшая в быстрой речи.

Исследователями выделяется в данном числительном и три компонента: *kuk-ja-mys*. Б. А. Серебренников [1963: 221] отмечает, что происхождение *-ja* не ясно, возможно, это окончание какого-то местного падежа. Р. Бартенс рассматривает данный формант как показатель соответственного падежа («*ja voi olla adverbialisijan pääte*»⁹) [Bartens 2000: 143], Л. Хонти склонен считать, что это словообразовательный суффикс, с помощью которого образуются существительные от имен числительных [Honti 1993: 158]. Он же отмечает, что в общепермскую эпоху данное числительное имело вид **k2kja-m2n(з)ś* ‘два [отсутствует] из десяти’ [Honti 1988: 174]. Здесь последний компонент представляет суффикс элатива, который после заимствования числительного *das* ‘десять’, по аналогии с ним, утрачивает палатальность, т. к. числительные представляют весьма замкнутую, упорядоченную систему. Этот же период в пермских языках характеризуется достаточно последовательной денализацией, что могло коснуться и рассматриваемого элемента: **m2ns > m2s* [Honti 1988: 173].

Субтрактивная (вычитающая) конструкция для выражения числительного ‘восемь’ оказывается весьма распространенной моделью в уральских языках: манс. *nalālow* < праманс. **nalā-low* < праоб.-уг. **ñēlz-lōy*; хант. *ñīwə*; *ñīləy* < прахант. **ñīləy* < праоб.-уг. **ñēlz-lōy*; венг. *nyolc* < правенг. **ñol-tizē* [Хонти 2003: 177]; селькуп. *Aitʃtatköt* < *Aitty taty köt* ‘два отсутствует десять’ [Быконя 1995а: 66].

К. Е. Майтинская [1973: 213] отметила типологическое сходство числительных ‘восемь’ и ‘девять’ в финно-угорских языках, которое заключается в том, что: а) в качестве второго компонента в них используются слова, выражающие числовое понятие ‘10’; однако по ветвям финно-угорских языков употре-

⁹ *ja* может быть показателем соответственного падежа – адвербиала.

бляются слова разного происхождения, не имеющие тождественную прафинно-угорскую этимологию; б) в качестве первого компонента выступают слова общевинно-угорского происхождения: у числительных, выражающих '8' – это слово со значением '2', у числительных, выражающих '9' – это слово со значением '1'. Исходя из этого, можно признать справедливость замечания Габора Орбана о том, что понятие числа '10' у финно-угров формировалась раньше, чем понятие '8' и '9' [Orbán 1932: 52].

Фин. *kahdeksan* | кар. *kaheksa(n)* | лив. *kaheksa* | вепс. *kahtsa(n)* | эст. *kaheksa* | саам. *gavce, gak'ce* | морд. *kavkso, kavksa* | мар. *kändäka(ə)* рассматриваются как соединение **kakta* (>**kakte* >*kahte* 'два') + **e-k-sä-n* (данная форма присутствует также в числительном 'девять'), где *e-* – основа отрицательного глагола, *-k-* – модальный суффикс, *-sä* – показатель третьего лица единственного числа, *-n* – формант двойственного числа. Отсюда первоначальное значение – 'два отсутствуют' [SSA1 1992: 271]. Исходя из другой точки зрения, этимологию числительного 'восемь' можно связать с числительным 'десять': **kakta* + **deksam* (< индоевр. **dek'Ю*) [Koivulehto 1999: 224; Parpola 2002: 138].

В ненецком языке числительное 'восемь' образуется мультипликативным путем, по схеме «дважды четыре»: *сидндет* (*сидя* 'два', *тет* 'четыре') [Куприянова 1961: 89].

Рассматривая происхождение числительного 'восемь' в тюркских языках, исследователи также приходят к заключению, что древняя форма **s-äki-z* оказывается сложной по структуре, состоящей из элементов *s* (ср. монг. *ese* 'нет') и обозначения числительного 'два' [СИГТЯ 1988: 170].

Субтрактивная конструкция оказывается весьма распространенной в языках различных типов, так, к примеру, Д. Хурфорд отмечает эту особенность, характеризуя числительные 'восемь' и 'девять' и в языках Папуа Новой Гвинеи [Hurford 1987: 87].

2.9. Укмыс ‘девять’

Укмыс ‘девять’ – крэф. *укмыш* [Насибуллин 1978: 104]; кукм., татш. *укмыс*, бавл. *укмыс* – *Ogkmaes, Odkmes, Ogkmäss* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Alnmans* [Strahlenberg 1730]; *Укмысь* [Сочинения 1775: 40]; *укмысь* [Кротовъ 1785: 238]; *укмысь* [Могилинь 1786: 60]; *Укмысь* [Палласъ 1789: 476–477]; *укмысь* [Миллеръ 1791: 99]; *укмысь* [ЕвангелиеГ 1847: 136]; *укмысь* [АзбукаС 1847: 46]; *укмысь* [ЕвангелиеС 1847: 136]; *уктус* [Wiedemann 1851: 97]; *укмысь* [Лыздзонъ 1867: 15]; *укмыс* [Священная история 1877: 84]; *укмыс* [Гавриловъ 1880: 15]; *укмыс* [Букварь 1882: 30]; *уктус J*; *уктõs K* [Aminoff 1896: 38]; *уктi3s*, Kaz. *укте3s* [Munkácsi 1896: 83]; *uk-m4s G U*; *2k-m2s M*; *uk-m2s J MU*; *uk'-m2s*, *ug'-m2s*, *uG-m2s MU* [Wichmann 1987: 181] – к. *õкмыс* < общеп. **Ē⁰kmδs* < **akmδs* < раннеобщеп. **8kmδs* [КЭСК 1970: 211]. Так же, как и числительное ‘восемь’, состоит из двух частей, в целом, полученное значение трактуется как ‘один до десяти, десять без одного’. Хонти Ласло реконструирует для общепермского периода следующую форму: **ak-m2n(z)š* ‘один [отсутствует] из десяти’ [Honti 1988: 174] (см. 2.8.).

Субтрактивная конструкция для выражения числительного ‘девять’ представлена и в других языках: манс. *antālow* < праманс. **Anttāl-loy* < **Ant-tāl-loy* ‘десять без стороны (= без крайнего пальца, т. е. мизинца)’; венг. *kilenc* < правенг. **kilen-tizĕ* [Хонти 2003: 177]; селькуп. *ukkyr-ca-kõt* ‘один отсутствует десять’ [Кузнецова 1980: 285].

Фин. *yhdeksän* | кар. *yheksän* | лив. *üheksä(n)* | вепс. *ühtsan* | эст. *üheksa* | саам. *ovce* | морд. *vejkse* | мар. *әндекАә* рассматриваются как соединение **üktä* (>**ükte* >*ühte* ‘один’) + **e-k-sä-n* [SSA3 2000: 488] (см. 2.8.).

В энецком и ненецком языках подобные конструкции числительного ‘девять’ потеряли в своем составе числительное ‘один’: нен. *kāšemju* ‘девять’ состоит из причастия отрицатель-

ного глагола *kašā-* ‘едва не..., чуть не...’ и числительного *ju* ‘десять’ и первоначально означало ‘едва не десять, чуть не десять’; в основе энецкого числительного *êsâ, nêsâ* ‘девять’ лежит отрицательный глагол уральского происхождения *несь*, первоначальное значение его могло быть ‘одного не хватает, одного нет’ [Honti 1996: 126].

С выражением значения ‘один (палец) не загнут, один палец остался, один (палец) до пяти на другой руке’ связывают этимологию числительного ‘девять’ и в тюркских языках [СИГТЯ 1988: 171], в современном киргизском, к примеру, *biri käm on* (букв. ‘без одного десять’) ‘девять’.

2.10. Дас ‘десять’

Дас ‘десять’ – кр. *даш* [Насибуллин 1978: 104] – *Dass* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Däs* [Strahlenberg 1730]; *doss* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 171)]; *Дасъ* [Сочинения 1775: 40]; *дасъ* [Кротовъ 1785: 45]; *дасъ* [Могилинь 1786: 60]; *Дасъ* [Палласъ 1789: 476–477]; *дасъ* [Миллеръ 1791: 99]; *дасъ* [ЕвангелиеГ 1847: 4]; *дасъ* [АзбукаС 1847: 157]; *дасъ* [ЕвангелиеС 1847: 20]; *das* [Wiedemann 1851: 97]; *дасъ* [Льдзонъ 1867: 15]; *дас* [Священная история 1877: 12]; *дас* [Букварь 1882: 30]; *das* [Aminoff 1896: 38]; *das* [Munkácsi 1896: 388]; *das* G B SI M J MU U [Wichmann 1987: 30] – к. *дас* < общеп. **das*. Перм. < ир., ср. осет. *däs*, авест. *dasa* [КЭСК 1970: 87].

Числительное *дас* для обозначения десятка заимствовано пермскими языками относительно поздно. В финно-угорском языке-основе имелись и другие слова, называющие десяток. Они сохранили свои рефлексy в современных пермских языках (см. подробнее 2.8.; 2.9.; 2.11.)

2.11. -мын, -мыс и -дон / -тон в значении ‘десять’

FU *mɛnɔ

Удм. -m2n: *kwam2n* ‘тридцать’ | к. -m2n: *kom2n* ‘тридцать’ < общеп. *m2n(ɛ) [Honti 1988: 172] | манс. -*mən*, -*pən*, -*man*, -*pan*: *näl̄mən*, *naliman* ‘сорок’; *ätpən*, *atpan* ‘пятьдесят’ | венг. -*van*, -*ven*: *ötven* ‘пятьдесят’, *hatvan* ‘шестьдесят’ [Honti 1993: 117].

Габор Орбан рассматривает образование данного компонента от *gemen*, *kemen*, *kymmen*: “A felsorok rokon nyelvekben tehát szintén összetétel a *negyven*, *ötven*, *hatvan* stb.; az összetétel előtagja itt is a 4, 5, 6... 9, a tizet jelentő elem pedig a *mən*, *pən*, *m2n*. S aligha csalódunk, ha a vogul összetételeknek *mən*, *pən*, *zürjén* votják *m2n* tagjait a magyar *ven*, *van* szóval, ezt pedig a *gemen*, *kemen*, *kymmen*-nel azonosnak tartjuk”¹⁰ [Orbán 1932: 56]. Современные же формы в венгерском языке, по его мнению, возникли вследствие следующих изменений: **negy-gemen* > **negy-geven* > **negy-gven* > *negy-ven*.

Как было указано выше, значение десяти восходит также и к варианту **m2ns* > *m2s*, который в современном удмуртском языке реализуется в лексемах *тямыс* ‘восемь’ и *укмыс* ‘девять’ (см. подробнее 2.8.; 2.9.).

Кроме этого в удмуртском языке для выражения десятка в числительных ‘сорок – девяносто’ в сочетании с названием единицы используется форма -дон/ -тон: *ньлььдон* ‘сорок’, *витьтон* ‘пятьдесят’, *куатьтон* ‘шестьдесят’, *сизьымдон* ‘семьдесят’, *тямыстон* ‘восемьдесят’, *укмыстон* ‘девянносто’. Вероятно, данный компонент числительных происходит от слова *дун* (к. *дон*) ‘цена, стоимость’ < общеп. **dən* || манс. *tin* | хант. *tin* ‘цена’ [КЭСК 1970: 95; Wichmann 1914: 91].

¹⁰ «В перечисленных родственных языках, следовательно, также сложные слова ‘сорок’, ‘пятьдесят’, ‘шестьдесят’ и др.; первая часть сложного слова здесь 4, 5, 6... 9, ‘десять’ означает элемент *mən*, *pən*, *m2n*. И едва ли ошибемся, что части сложных слов вогульского *mən*, *pən*, зырянского и удмуртского *m2n* с венгерским словом *ven*, *van* идентичны с *gemen*, *kemen*, *kymmen*».

2.12. Способы образования единиц второго и следующих десятков

Единицы второго десятка в пермских языках образуются по схеме “*дас* ‘десять’ + единица” – это так называемый регрессионный способ, сочленяющий наименования единиц с наименованием десятка предыдущей ступени: удм. *дас одӱг* ‘одинадцать’, *дас кык* ‘двенадцать’, *дас куинь* ‘тринадцать’; коми *дас ӧтик* ‘одинадцать’, *дас кык* ‘двенадцать’, *дас куим* ‘тринадцать’ [СКЯ 1955: 186]. Этот же способ используется и в образовании единиц высшего порядка: удм. *кызь куинь* ‘двадцать три’, *ныльдон куать* ‘сорок шесть’, *сизьымдон тямыс* ‘семьдесят восемь’; коми *кызь куим* ‘двадцать три’, *комын кык* ‘тридцать два’.

В диалектах возможно соединение посредством сочинительного союза *но* ‘и’: нч. *дас но кык* ‘двенадцать’, *сиз’ымдас но укмыс* ‘семьдесят и девять’ [Тепляшина 1970: 176]; такие случаи отмечены и в памятниках письменности: *Schuna-dass-oddick* ‘сто одинадцать’, *Schúna-Kjÿishe-oddick* ‘сто двадцать один’ [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 157)]. Такое же явление характерно и коми диалектам, к примеру, в печорском диалекте исследователи отмечают образование составных числительных больше семидесяти по подобной модели, когда «между десятками и единицами, а также между сотнями и десятками вставляется союз *да*»: *с’из’имдас да ӧт’ук* ‘семьдесят один’, *с’из’имдас да вит* ‘семьдесят пять’, *с’о да комын* ‘сто тридцать’ [Сахарова, Сельков, Колегова 1976: 31]; в ижемском диалекте: *кыкс’о да н’ол’* ‘двести четыре’ [Сахарова, Сельков 1976: 63]; в вымском диалекте: *Ӧни мэным с’из’имдас да вит ар*. ‘Теперь мне семьдесят пять лет’ [Жилина 1998: 89].

Если рассмотреть систему выражения единиц второго десятка в других финно-угорских языках, то можно отметить, что здесь представлены различные способы. Так, к примеру, в венгерском языке представлен так называемый **локативный** способ оформления числительных внутри десятка: *tizenegy* ‘одинад-

дцать' (десяток + падежный суффикс + единица) [Хонти 2003: 178]; подобное же образование встречается в мансийском языке: *cām-xuip-лов* 'семнадцать' (букв. 'семь, лежащее на десяти') [Дмитриева 2005: 51].

Нечто подобное можно отметить и в селькупском языке, где возможно вовлечение в словообразовательный процесс послелогов *tat* 'около, рядом', *qöigen* 'около': *sett'atket* 'двенадцать' с внутренней формой 'два около десять', *tetti qöigen köt* 'четырнадцать'. Предполагается, что в селькупском языке эта модель появилась под влиянием структуры русского языка, в котором этот тип представляет систему числительных второго десятка с предлогом 'на' [Быконя 1995б: 296].

Для образования единиц второго и следующих десятков финно-угорские языки используют в основном **аддитивный** способ (сложение), который бывает трех типов:

а) регредиентный, сочленяющий наименования единиц с наименованием десятка предыдущей ступени: мар. *луатиктым* 'одиннадцать', букв. 'десять и один', [СМЯ 1961: 122]; манс. *χus ja aka* 'двадцать один'; хант. *χos ij* 'двадцать один' [Хонти 2003: 178]; селькуп. *Aittsar ej ukkyr* 'двадцать один', *muktsar ej muktyt* 'шестьдесят шесть', в этой конструкции *ej* – соединительный союз 'и' [Кузнецова 1980: 286].

Этот тип, как было отмечено выше, представлен и в пермских языках. В мордовских языках названия единиц выступают с суффиксом древнего мордовского суффикса совместного падежа, или комитатива, который имел вид **γo* [Серебренников 1967: 115]. Соответственно, числительные от одиннадцати до девятнадцати в мордовских языках образуются по схеме «десять с одним», «десять с двумя» и т. д.: эрз. *kevejkeje*, мокш. *kefkija* 'одиннадцать', эрз. *kemgavtovo*, мокш. *kemgavtäva* 'двенадцать';

б) ингридиентный, называющий целый десяток, содержащий единицу: манс. *mõt low ñalow ~ mõt lowән ñalow* 'восемнадцать' ('восемь второго десятка ~ восемь во второй десяток'); хант. *kimät joŋ ñitä* 'восемнадцать' ('восемь второго десятка')

[Хонти 2003: 178]; фин. *kaksitoista* ‘двенадцать’ [Honti 1987: 141]; этот способ ранее был более распространенным в финском языке: *yksikolmatta* ‘двадцать один’ (букв. ‘один третьего десятка’) [ISK 2005: 757]. Такая система счета, судя по памятникам письменности, была характерна тюркскому праязыку: **bir jägirmi* ‘одиннадцать’, **äki jägirmi* ‘двенадцать’ и т. п. [СИГТЯ 1988: 179]. Данная система постепенно подверглась перестройке;

в) прогредидентный, сочленяющий названия единиц с названием десятка следующей ступени: манс. *vāt nupыл аква* ‘двадцать один’ (букв. ‘один в направлении тридцати’) [Дмитриева 2005: 51].

Выделяется еще **субтрактивный** (вычитающий) способ, который, к примеру, представлен в восточно-хантыйских диалектах: *ějzr-kolzmoj* ‘двадцать девять (30 без 1)’ [Хонти 2003: 178].

Субтрактивный способ в хантыйском языке используется и для номинации последнего круглого десятка перед сотнями – девяносто, и последней круглой сотни перед тысячами – девяносто: *ějzr-sat* ‘девяносто (100 без 1 [десятка])’, *ějzr-t’örzs* ‘девяносто (1000 без 1 [сотни])’ [Хонти 2003: 178].

Данный способ представлен в некоторых тюркских языках, к примеру: киргиз. *biri kām toqson* (букв. ‘без одного девяносто’) ‘восемьдесят девять’; туркмен. *bir ket qurq* (букв. ‘без одного сорок’) ‘тридцать девять’; узб. *uč kām jetmuA* (‘без трех семьдесят’) ‘шестьдесят семь’ [СИГТЯ 1988: 182].

Для выражения круглых десятков (так же как и сотен) в финно-угорских языках в основном используется мультипликативная (умножающая) конструкция: мар. *шымлу* ‘семьдесят’, *вичиүдö* ‘пятьсот’ [СМЯ 1961: 122]; морд. м. *niLgemañ* ‘сорок’, *kodgemañ* ‘шестьдесят’ (в эрзянском языке при мультипликации первый компонент выступает в инструктивной форме: *nileñ-gemeñ* ‘сорок’, *kavksoñgemeñ* ‘восемьдесят’) [Серебрянников 1967: 118]; манс. *naliman* ‘сорок’, *atpan* ‘пятьдесят’, *atsāt* ‘пятьсот’ [Ромбандеева 1973: 92]; нен. *тет ю* ‘сорок’, *сидя юр* ‘две-

сти' [Куприянова 1961: 90]; хант. *вэ́тjöу* 'пятьдесят', *вэ́тсам* 'пятьсот' [Терешкин 1961: 60].

Своеобразные принципы образования названий круглых десятков выявляются в памятниках письменности и современных диалектах селькупского языка – по схеме 'название единицы + название двадцати': *nakt-Atar* 'тридцать', *oqərčangwel-Ataru* 'девяносто' ('двадцать' в подобных случаях выступает в значении десяти) [Быкомя 1996: 205].

2.13. *Кызь* 'двадцать'

Кызь 'двадцать' – *къз''* [Насибуллин 1978: 104]; кукм., татш. *къз'*; бавл. *къиз'* – *Kjüishe* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Кызь* [Сочинения 1775: 40]; *кызь* [Кротовъ 1785: 108]; *кызь* [Могилинь 1786: 60]; *кюсь* [Миллеръ 1791: 99]; *кызь* [АзбукаС 1847: 126]; *küjЩ* [Wiedemann 1851: 97]; *кызь* [Лыдзонъ 1867: 15]; *кыжс* [Священная история 1877: 16]; *кыжс* [Букварь 1882: 30]; *күз' J*; *кôз' K* [Aminoff 1896: 38]; *ki3ž*, Kaz. *ke3ž* [Munkácsi 1896: 156]; *k4ž G*; *k2ž M J MU*; *kuž U* [Wichmann 1987: 118] – к. *кызь* < общеп. **k8z'* [КЭСК 1970: 150] || морд. *комсь* | хант. *kos*, *χus*, *χos* | манс. *kos*, *χos*, *χus* | венг. *húsz* < **FU** **kušz* [Honti 1993: 127]; **FU** **kušz* (*koje-čz*) [Rédei 1988a: 224].

Исследователи высказывают различные мнения относительно происхождения финно-угорского числительного 'двадцать'. Так, в основном опираясь на морд. *комсь* (*koms'*, *koməs'*), современную форму можно расчленить на два элемента *кы-зь* < **ко-мысь*, что должно было обозначать 'два десятка'. Первая часть (*ко-*), по данному предположению, представляла собой усеченную форму от числительного 'два', а вторая усеченная форма *-зь* (*s'* < **ms'* < **mēs'*) обозначала 'десять' [КЭСК 1970: 150; Серебрянников 1963: 223].

Согласно другой точке зрения, рассматриваемая форма числительного происходит от слова со значением 'человек, муж-

чина', что первоначально выражало количество пальцев на руках и ногах, ср. селькуп. *kāsa* 'мужчина', кам. *k'uza* 'человек' [Майтинская 1979: 174].

Третья точка зрения на проблему происхождения числительного 'двадцать' принадлежит К. Редей и свидетельствует в пользу его восприятия как круглого числа. Сегодняшнее значение, по мнению исследователя, могло возникнуть в современных языках через значение 'ein Packen aus zwanzig Stück, Bündel, z.B. zwanzig Eichhörnchenfelle oder Fische' в поздний финно-угорский период [Rédei 1988a: 224].

2.14. Куамын 'тридцать'

Куамын 'тридцать' – кукм., круф., татш. *кўамън*, бавл. *кўамън* – *Qvâten* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Куамынъ* [Сочинения 1775: 40]; *квамынъ*, *куамынъ* [Кротовъ 1785: 79]; *квамынъ* [Могилинъ 1786: 61]; *квामюнъ* [Миллеръ 1791: 99]; *квамынъ* [ЕвангелиеГ 1847: 92]; *квамынъ* [АзбукаС 1847: 105]; *квамынъ* [ЕвангелиеС 1847: 92]; *kwatun* [Wiedemann 1851: 97]; *квамынъ* [Лыздонъ 1867: 15]; *куамын* [Священная история 1877: 24]; *куамын* [Гавриловъ 1880: 72]; *куамын* [Букварь 1882: 30]; *kwatun J*; *kwatõn K* [Aminoff 1896: 39]; *kwatı3n*, Kaz. *kwate3n* [Munkácsi 1896: 234]; *k&at4n* [Wichmann 1987: 142] – к. *комын* < общеп. **kwɪmin* (*кЫ-тін* 'три десятка', где *кЫ-* выступает в усеченной форме названия числа 'три'), ср. к. *коймод* и *мында* [КЭСК 1970: 132] (см. 2.3; 2.11.).

2.15. Ньыльдон 'сорок'

Ньыльдон 'сорок' – круф. *н'ел'дон* [Насибуллин 1978: 104] – *Nyıldan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Нильдонъ* [Сочинения 1775: 40]; *ниль дасъ*, *нилдонъ* [Кротовъ 1785: 146];

нильдѡнь [Могилинь 1786: 61]; *ниль-донь* [Миллерь 1791: 99]; *нильдонь* [ЕвангеліеГ 1847: 15]; *нильдонь* [АзбукаС 1847: 55]; *нильдонь* [ЕвангеліеС 1847: 15]; *nil'don* [Wiedemann 1851: 97]; *нильдонь* [Лыдзонь 1867: 15]; *нюкдон* [Священная история 1877: 9]; *нюлдон* [Гавриловъ 1880: 54]; *нюкдон* [Букварь 1882: 30]; *ñül'don* [Aminoff 1896: 39]; *ñi3Ldon, ñiLdon, ñüLdon* [Munkácsi 1896: 528]; *ñuL-don* G B MU; *ñuòL-don* G; *ñ2L-don* M J MU; *ñiL-don* U [Wichmann 1987: 179] (см. 2.4; 2.11.).

2.16. *Витьтон* ‘пятьдесят’

Витьтон ‘пятьдесят’ – круф. *вичтон* [Насибуллин 1978: 105] – *Huit-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Витьтѡнь* [Сочиненія 1775: 40]; *виттѡнь* [Кротовъ 1785: 26]; *виттѡнь* [Могилинь 1786: 61]; *витьдонь* [Миллерь 1791: 99]; *витьтонь* [ЕвангеліеГ 1847: 46]; *wit'don* [Wiedemann 1851: 97]; *витьтонь* [Лыдзонь 1867: 15]; *виѣтон* [Священная история 1877: 88]; *виѣтон* [Букварь 1882: 30]; *vit'ton* [Aminoff 1896: 39]; *viTton* [Munkácsi 1896: 669]; *viTton* B M J MU U; *viTTON* MU [Wichmann 1987: 317] (см. 2.5; 2.11.).

2.17. *Куатьтон* ‘шестьдесят’

Куатьтон ‘шестьдесят’ – круф. *кўачтон* [Насибуллин 1978: 105] – *Qâât-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Куатьтѡнь* [Сочиненія 1775: 40]; *кваттѡнь, квать дасъ* [Кротовъ 1785: 80]; *кваттѡнь* [Могилинь 1786: 61]; *кватьдонь* [Миллерь 1791: 99]; *кваттонь, кватьтонь* [ЕвангеліеГ 1847: 92]; *кватьтонь* [ЕвангеліеС 1847: 92]; *kwat'don* [Wiedemann 1851: 97]; *кватьтонь* [Лыдзонь 1867: 15]; *куаѣтон* [Гавриловъ 1880: 72]; *куаѣтон* [Букварь 1882: 30]; *kwat'ton* [Aminoff 1896: 39]; *kwaTton*

[Munkácsi 1896: 232]; *k&aTton* G MU; *k&aTton* M U [Wichmann 1987: 142] (см. 2.6; 2.11.).

2.18. Сизьымдон ‘семьдесят’

Сизьымдон ‘семьдесят’ – круф. *с'из'ьмдон* [Насибуллин 1978: 105]; кукм., татш. *с'из'ьмдон*; бавл. *с'из'ьмдон* – *Schishim-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Сизимь-донъ* [Сочинения 1775: 40]; *сизимьдонъ* [Кротовъ 1785: 198]; *сизимьдонъ* [Могилинъ 1786: 61]; *сизимь донъ* [Миллеръ 1791: 99]; *сизимдонъ* [ЕвангелиеГ 1847: 139]; *сизимдонъ* [АзбукаС 1847: 73]; *siЩimdon* [Wiedemann 1851: 97]; *сизимъ тонъ* [Льдзонъ 1867: 15]; *џижьымдон* [Священная история 1877: 52]; *џижьымдон*, *џижьём-дон* [Гавриловъ 1880: 24, 68]; *џижьёмдон* [Букварь 1882: 30]; *šizymdon* Vj.; *šizōmdon* K [Aminoff 1896: 39]; *šizi3mdon*, *šizimdon*, *šizimdas* [Munkácsi 1896: 456]; *šiz4m-don* G U; *šiz2m-don* M J MU [Wichmann 1987: 236] (см. 2.7; 2.11.).

2.19. Тямыстон ‘восемьдесят’

Тямыстон ‘восемьдесят’ – круф. *чамъштон* [Насибуллин 1978: 105]; кукм., татш. *т'амъстон*; бавл. *т'амьстон* – *Tjæmæss-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Кіамустонъ* [Сочинения 1775: 41]; *тямысдась*, *тямыстонъ* [Кротовъ 1785: 229]; *тямысьтонъ* [Могилинъ 1786: 61]; *кикъ-ямасъ-донъ* [Миллеръ 1791: 99]; *t'amysdon* [Wiedemann 1851: 97]; *тямысь тонъ* [Льдзонъ 1867: 15]; *џамыстон*, *тямыстон* [Священная история 1877: 73]; *тямыстон* [Букварь 1882: 30]; *t'amyston* Vj.; *t'amōston* K [Aminoff 1896: 39]; *Tami3ston*, *Tame3ston* [Munkácsi 1896: 409]; *T@am4s-ton* G; *Tòàm2s-ton* M; *Tòamis-ton* MU; *Tòam4s-ton* U [Wichmann 1987: 271] (см. 2.8.; 2.11.).

2.20. Укмыстон ‘девяносто’

Укмыстон ‘девяносто’ – кр. укмыштон [Насибуллин 1978: 105]; кукм., татш. укмыстон; бавл. укмыстон – *Ogkmæss-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Укмыстонъ* [Сочинения 1775: 41]; *укмыстѡнь* [Кротовъ 1785: 238]; *укмысѣтонъ* [Могилинъ 1786: 61]; *укмюссь-донъ* [Миллер 1791: 99]; *укмыстонъ* [АзбукаС 1847: 73]; *укмыстонъ* [ЕвангелиеГ 1847: 136]; *укмыстонъ* [ЕвангелиеС 1847: 136]; *ukmysdon* [Wiedemann 1851: 97]; *укмысѣ тонъ* [Лыздонъ 1867: 15]; *укмыстон* [Букварь 1882: 30]; *ukmyston V.*; *ukmōston K* [Aminoff 1896: 39]; *ukmī3ston*, Kaz. *ukme3ston* [Munkácsi 1896: 83]; *uk-m4s-ton G U*; *2k-m2s-ton M*; *uk-m2s-ton*, *uG-m2s-ton MU* [Wichmann 1987: 181] (см. 2.9.; 2.11.).

2.21. Сю ‘сто’

Сю ‘сто’ – кр. с’у [Насибуллин 1978: 105] – *Schú* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Сю* [Сочинения 1775: 41]; *сю* [Кротовъ 1785: 209]; *сю* [Могилинъ 1786: 61]; *Сью* [Палласъ 1789: 476–477]; *ссу* [Миллеръ 1791: 99]; *сю* [АзбукаС 1847: 73]; *сiо*, *сю* [ЕвангелиеГ 1847: 92]; *сю* [ЕвангелиеС 1847: 92]; *s’u* [Wiedemann 1851: 97]; *сю* [Лыздонъ 1867: 15]; *сү*, *су* [Священная история 1877: 19, 89]; *су* [Гавриловъ 1880: 51]; *су* [Букварь 1882: 30]; *śu* [Aminoff 1896: 39]; *śu*, Kaz. *śü* [Munkácsi 1896: 468]; *śu G M J*; *śu B M J MU U* [Wichmann 1987: 238] – к. *сĕ* < общеп. **s’BI* || мар. *шүдö* | мокш. *сяда* | эрз. *сядо* | фин. *sata* | саам. *čuoŧte* | венг. *száz* | хант. *sōt*, *sāt* | манс. *sāt* = доперм. **s’ata* [КЭСК 1970: 252]; **FU** **śata* [Honti 1993: 124; Redei 1988: 467]. Ф.-у. < арийск. ср. др.-инд. *Satá-m*, авест. *satəm* < праарийск. **A’atá-m* < индоевр. **kHótó-m* ‘сто’.

Остальные названия сотен образуются последовательно путем сочетания названия чисел первого десятка с *сю* ‘сто’ – мультипликативным способом: *кык сю* ‘двести’, *куинь сю* ‘триста’, *нбыль сю* ‘четыреста’, *вить сю* ‘пятьсот’, *куать сю* ‘шестьсот’, *сизьым сю* ‘семьсот’, *тямыс сю* ‘восемьсот’, *укмыс сю* ‘девятьсот’.

Значение числа ‘сто’ в уральских языках может быть передано и другими способами, например: селькуп. *ködungöt* ‘десять раз десять’ [Беккер 1995: 140].

В современном удмуртском языке никаких отклонений в способе образования названий сотен не наблюдается, но если обратиться к письменным источникам XVIII–XIX веков, то мы обнаруживаем употребление лексемы *пуй* со значением ‘сто’: *кук риж* ‘двести’, *küjn’ риж* ‘триста’, *wit’don риж* ‘пять тысяч’, *букв.* ‘пятьдесят сотен’ [Wiedemann 1851: 97]; *дасъпуй* ‘тысяча’, *букв.* ‘десять сотен’ [Могилин 1786: 61].

2.22. *Сюрс* ‘тысяча’

Сюрс ‘тысяча’ – круф. *с’уръс* [Насибуллин 1978: 105] – *Schüürss* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 157)]; *surss* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 171)]; *Сюрсь* [Сочинения 1775: 41]; *сюрсь* [Кротовъ 1785: 211]; *дасъпуй, сМрсъ* [Могилинъ 1786: 61]; *сурсь* [Миллеръ 1791: 99]; *сюрсь* [АзбукаС 1847: 50]; *сюрсь* [ЕвангелиеГ 1847: 108]; *сюрсь* [ЕвангелиеС 1847: 121]; *Сьюрсь* [Палласъ 1789: 476–477]; *s’urs* [Wiedemann 1851: 97]; *сюрсь* [Лыздзонъ 1867: 15]; *çурыс* [Священная история 1877: 38]; *çурыс* [Гавриловъ 1880: 23]; *çурыс* [Букварь 1882: 30]; *šurys Vj.*; *šurös K* [Aminoff 1896: 39]; *šurs* [Munkácsi 1896: 475]; *šurs G M J U*; *šurs G B M MU*; *šur2s MU* [Wichmann 1987: 142] – к. *сюрс* < общеп. **s’urs* | хант. *t’öräs, t’äräs, šöräs* | манс. *Aatärä, Aotär, sötäre, sötära* < ?**FU** **šasra* > **šarsa* [Honti 1993: 126].

< арийск., ср. др.-инд. *sahásra*, авест. *hazanra-*, среднеперс. *hazār* ‘тысяча’; праарийская форма **ǵhasra-* [КЭСК 1970: 275].

В материалах Д. Г. Мессершмидта формы числительных ‘тысяча сто’ – ‘тысяча девятьсот’ образованы мультипликативным способом, обозначающим количество сотен: *Dass-oddick-Schu* ‘тысяча сто’ (букв. ‘одинадцать сотен’), *Dass-Kyik-Schú* ‘тысяча двести’ (букв. ‘двенадцать сотен’), *Dass-ogkmæss-Schu* ‘тысяча девятьсот’ (букв. ‘девятнадцать сотен’). Это, безусловно, свидетельствует о более позднем заимствовании числительного *сюрс* ‘тысяча’ по сравнению с числительным *сю* ‘сто’, таким образом, в языке шло выражение больших количеств уже имеющимися лексическими средствами. Зафиксированные Д. Г. Мессершмидтом формы можно считать рефлексамии такого использования.

Для обозначения миллиона, миллиарда в финно-угорских языках используются заимствования, хотя изредка можно встретить и собственные формы: хант. *нэмлку тарэс* (букв. ‘безымянная тысяча’) [Терешкин 1961: 61]. В удмуртском языке используются русские заимствования, но в тех же материалах Д. Г. Мессершмидта вновь зафиксирована мультипликативная форма *Schüre-Schúrss* ‘миллион’ (букв. ‘тысяча тысяч’).

2.23. Нулевая множественность

Рассматривая поле количественности, исследователи выделяют среди всего прочего нулевую множественность, которая обозначает полное отсутствие чего-либо [Игнаева 2005: 72]. “... the numeral system is based on counting, and counting begins with ‘one’, we do not count a set without members. However, it is

worth starting since a linguistic extension of the numeral system to include ‘zero’ is no logically excluded”¹¹ [Greenberg 1978: 255].

Как именно выражение полного отсутствия реализуется в современном удмуртском языке?

Прежде всего, необходимо отметить, что чаще всего отсутствие чего-либо, кого-либо, какого-либо признака в удмуртском языке выражается посредством отрицательных местоимений *нокин* (*но*) ‘никто’, *номыр* (*но*) ‘ничто’, *нокыче* (*но*) ‘никакой’, глагол-сказуемое в составе таких предложений выступает в отрицательной форме: *Эстыны нокыче гуръёс кулэ öвöл: пöсь ву шунтэ* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 9). ‘Топить никаких печей не нужно: горячая вода греет’. *Бен мазэ тон тодйськод солэсь? Номырзэ но уд тодйськы. Симфонической произведений гожъяз, дыр* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 6). ‘А что ты у него знаешь? Ничего не знаешь. Симфонические произведения писал, наверное’. *Кема учкид мон шоры, номыр öд вазыы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 95). ‘Долго смотрел ты на меня, ничего не сказал’. Наряду с ними широкое распространение получили конструкции, содержащие числительное *одйг* ‘один’ + частица *но*, глагол-сказуемое в таких предложениях также приобретает отрицательную форму: *Кыкетий нуналзэ ни одйг гучык но ымаз уг поны* (С. Самсонов. Дыдыкыёс бус пöлы уг йыромо. 48). ‘Уже второй день ни одного глотка в рот не берет’. *Мытэмъёсыз [ужъёс] трос но, оgez но йылаз-пумаз вуттымтэ на* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 17). ‘Начатых [дел] много, но ни одно еще не доведено до конца’. *Озы ке но, одйgez но пыдес йылысьтыз уг султы* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 55). ‘Несмотря на это, ни один не встает с колен’.

В коми языке в системе выражения отсутствия и нулевого множества представлены аналогичные средства: *Некод эз вич-*

¹¹ «Система числительных базируется на счете, и счет начинается с ‘одного’, мы не считаем без членов [системы]. Однако следовало бы начать с лингвистического включения ‘нуля’ в нумеральную систему, что не является лишенным логики».

чысь челядьёс. ‘Никто не ждал ребят’. *Нинём* миянлы оз ло. ‘Ничего нам не будет’. *Өти шайт абу*. ‘Ни одного рубля нет’ (букв. ‘одного рубля нет’). *Кыв ни джын* оз шу. ‘Ни слова не говорит’ (букв. ‘Слова ни половины не говорит’).

Выражение нулевого множества, отсутствия какого-либо предмета, признака с использованием числительного ‘один’ – весьма распространенное явление в различных языках: мар. *Ик үдыржат уке*. ‘Ни одной дочери нет’. *Ик мутымат ок пелеште*. ‘Ни одного слова не промолвит’ [Игнаева 2005: 72]; тат. *Әнкәсенең җавапларлы анны бер дә канәгатләндерми*. ‘Ответы матери ее нисколько (ничуть, совсем) не удовлетворяют’ [СТЛЯ 1969: 179].

Со значением ‘один’ в удмуртском языке в подобных случаях также используется слово *пал* ‘непарный, одинокий, один из пары’, вся структура предложения при этом остается такой же, как если бы использовалось числительное *одӱг* ‘один’: *Пал кыл но уг верало – басьто* (С. Самсонов. Дыдыкӱёс бус пӱлы уг йыромо. 64). ‘Ни одного слова не говорят – берут’. *Кема гинэ соос ӱс борды мыд-мыд пал ласянь кутӱськыса сьлӱзы, пал кыл но поттылытэк, ог-огзы шорысь синӱссэс вошьятэк* (П. Чернов. Тулысысен сӱзьылозь. 63). ‘Довольно долго стояли они, держась за дверь с обеих сторон, ни слова не говоря, не сводя друг с друга глаз’. *Писарьлэн пал кыл но верамез уг луы, сокем кышказ* (М. Петров. Вуж Мултан. 54). ‘Писарь ни слова не в состоянии сказать, настолько испугался’. *Гожто ай шуиз но, пал чур но ӱз ысты покчи Королед* (С. Самсонов. Агбай. 360). ‘Сказал, что напишет, и ни строчки не прислал младший Король’.

В то же время отсутствие объектов, их нулевое количество может и в удмуртском языке выражаться посредством русских заимствований *ноль*, *нуль*, глагол-сказуемое в таком случае не выступает в отрицательной форме: *Коллективамы вить Лена, ньыль Оля, куинь Таня, кык Сергей, одӱг Васса, ноль Сидор* (Удмурт дунне, 27-тӱ март, 2009, 14). ‘В нашем коллективе пять Лен, четыре Оли, три Тани, два Сергея, одна Васса, ноль Сидо-

ров'. Валамон ини, юисьёслы, уже потасьтэмьёслы соку ик **нуль** пуктйськом (С. Самсонов. Агбай. 328). 'Понятно уже, пьяницам, не выходящим на работу, сразу же ставим нуль'. Малы люкетын дасоос интыын **нуль** пуктэмын [Анцыферов, Корольков 1931: 57]. 'Почему в частном вместо десятков поставлен нуль'. Иське, отчы вуэмдылэн КПД-эз – **ноль** (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 86). 'Таким образом, КПД вашей поездки туда – нуль'. Иське, обкомлэн нырысетй секретарезлэн малпанэз тон понна – **ноль** (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 35). 'Значит, мнение первого секретаря обкома для тебя – нуль'.

В последнее время **ноль** / **нуль** наряду с удмуртскими числительными достаточно широко используется средствами массовой информации, рекламодателями – при обозначении адреса, индексов, телефонных номеров, в прогнозах синоптиков.

Ноль / **нуль** – в русский язык, вероятно, проникло через нем. *Null* из ит. *nulla* 'ничто': лат. *nullus*. Форма на *-о* скорее всего отражает краткое нем. *и* [Фасмер 1971: 81].

Выражение нулевого множества с помощью лексемы **ноль** / **нуль** – уже довольно позднее явление в финно-угорских языках, происходит независимо друг от друга заимствование из индоевропейских языков, и слово практически не меняет своего фонетического оформления, например, в финском языке: "Sanaa *nolla* käytetään numeraalin tapaan lähinnä lämpöasteita, prosentteja ja hintoja ilmaistaessa, joskus leikillisesti: *Lämpötila oli nolla astetta*"¹² [ISK 2005: 754].

Таким образом, в удмуртском языке нулевое множество выражается как с помощью собственных лексических средств (местоимений, числительного *одӱг* (*но*) '(ни) один'), так и посредством заимствования из русского **ноль** / **нуль**.

¹² «Слово *ноль* используется подобно числительным при обозначении температуры, процентов, цен и иногда шутливо: *Температура была ноль градусов*».

ГЛАВА 3. Классификация имен числительных

К классификации имен числительных можно подойти с разных точек зрения: определения их частеречевых особенностей и рассмотрения морфологического состава каждого числительного.

Анализ литературы по морфологии удмуртского языка показал, что исследователями-удмуртоведами вслед за русской лингвистической традицией числительные рассматриваются как самостоятельная часть речи на основе их семантических особенностей с выделением отдельных лексико-грамматических групп (см. подробнее: Глава 1). Однако при интерпретации различных форм внутри отдельной части речи не учитываются многие нюансы. Кроме этого, нет единого мнения и относительно состава числительных. В связи с этим мы попытаемся пересмотреть уже имеющиеся классификации имен числительных и внесем в них некоторые коррективы.

3.1. Классификация имен числительных по морфологической структуре

Вопрос о морфологической структуре числительных удмуртского языка, как уже отмечалось, представляет особый интерес для исследователей (в частности, здесь можно отметить работы В. И. Алатырева, В. К. Кельмакова, Г. А. Ушакова), и до сегодняшнего дня идут разночтения в классификации числительных по их составу (см. подробнее: Глава 1.).

Рассматривая числительные уральских языков по их структуре, Л. Хонти выделяет среди них три группы [Honti 1987: 133]¹³: **kantasanat** – основные числительные, состоящие из одного корня, служащие базой для образования числительных разного порядка; **johdokset** – производные, образованные от числительных первой группы с помощью какого-либо словообразовательного показателя (но в целом они являются простыми, ибо содержат в себе лишь один корень с вещественным (точнее, количественным) значением); **yhdyssanat** – сложные слова, образованные от числительных первой и второй групп, но их структура и компоненты оказываются вполне ясными.

Опираясь на точку зрения Л. Хонти [1987: 133] и учитывая особенности удмуртских числительных, на наш взгляд, было бы правильным и в удмуртском языке числительные по составу разделить на три группы:

1. Простые числительные (основные, служащие основой для образования других имен числительных, состоящие из одного корня с количественной семантикой). Среди простых числительных могут быть производные, образованные от простых с помощью какого-либо словообразовательного суффикса. В качестве таковых аффиксов в современном удмуртском языке можно рассматривать *-мын*, *-мыс*, *-дон* / *-тон*, некогда выступавшие в самостоятельном лексическом значении как отдельное слово ‘десять’, но уже утратившие эту функцию, употребляющиеся с числительными, обозначающими десятки – *куамын* ‘тридцать’, *ныльдон* ‘сорок’, *витьтон* ‘пятьдесят’ (см. подробнее: 2.11.); суффикс *-мос*, служащий для образования дробных числительных: *дасмос* ‘(одна) десятая’, *куиньмос* ‘(одна) тре-

¹³ «Jo ensi silmäyksellä on selvä, että nykykielissä jotkut lukusanat – tosin harvat – sisältävät vain yhden morfeemin, esim. sm. *kolme*, unk. *három* ‘3’, *húsz* ‘20’. Toiseen ryhmään kuuluvissa sanoissa vartalon perässä on johdin, esim. unk. *öt-ven* ‘50’, *hat-van* ‘60’ tai ainakin johtimeksi tulkittava aines, esim. *-c* lukusanassa unk. *nyol-c* ‘8’. Kolmannen ja suurimman ryhmän muodostavat lukusanayhdistelmät, joiden rakenne ja komponentit ovat useimmiten selvät, esim. sm. *sata yksi*, unk. *száz-egy* ‘101’» [Honti 1987: 136].

тья'; суффикс *-о* (*-ё*) числительных приблизительного значения: *дасо* 'около десяти'; производными по своей структуре являются и числительные *тямыс* 'восемь' и *укмыс* 'девять' (см. 2.8. и 2.9.), но в современном удмуртском языке значения частей данных слов оказываются размытыми и представляется целесообразным рассматривать эти слова как простые.

II. Сложные числительные, образованные путем сочетания простых и производных лексических единиц: *дас куать* 'шестнадцать', *тямыстон вить* 'восемьдесят пять', *вить-куать* 'пятнадцать'

Данные числительные рассматривались исследователями удмуртского языка как составные, выделение такой группы, на наш взгляд, идет под воздействием традиций русского языкознания, где составными называют числительные, которые «состоят из нескольких слов (двух или более), каждое из которых само является простым или сложным числительным: *двадцать пять*, *восемьсот тридцать восемь*» [РГ 1980: 574].

Рассматриваемые удмуртские числительные обладают всеми чертами, характеризующими сложные слова – композиты:

1. Элементы каждого числительного представляют собой одно целостное лексическое значение – какое-либо конкретное количество: *кызь вить* 'двадцать пять', *сю кык* 'сто два'.

2. Сложным словам характерен «фиксированный порядок компонентов, изменение которого ведет к изменению значения сложного слова» [ЯЗ 1998: 469], невозможно также и отсутствие какого-либо из элементов, эта черта весьма наглядна: *сю куинь* 'сто три' и *куинь сю* 'триста'; *сюрс вить* 'тысяча пять' и *вить сюрс* 'пять тысяч'.

3. В сложных словах выделяется одно главное ударение, что, в принципе, также характерно рассматриваемым числительным, в которых последний компонент произносится с большей силой (обладает главным ударением), нежели другие, имеющие вспомогательное ударение: *сизьымдон тямыс* 'семьдесят восемь', *кык сю укмыстон вить* 'двести девяносто пять'.

4. Числительные, рассматриваемые ранее как составные, при склонении, образовании новых форм и новых слов ведут себя как одно слово, суффиксации подвергается лишь последний компонент, это также характерно сложным словам, которые, «как и простые, имеют единственный грамматический показатель при словоизменении» [ЯЗ 1998: 469], так, к примеру: *дас вить* ‘пятнадцать’, *дас витей* ‘пятнадцатый’, *дас витьёс* ‘примерно пятнадцать’, *дас витьысь* ‘из пятнадцати’ и т. п. В данном случае, безусловно, следует отметить, что подобные конструкции можно рассматривать и как словосочетания, в которых связь между компонентами осуществляется путём примыкания, как, к примеру, в сочетаниях *виль книга* ‘новая книга’, *виль книгаос* ‘новые книги’, *виль книгаысь* ‘из новой книги’ и т. п. Здесь суффиксации также подвергается только последний компонент, но отношения можно охарактеризовать как «определитель + определяемое», кроме того, в подобных случаях возможна перестановка слов, атрибут может принять выделительно-указательный суффикс (*вильысьтыз книгаысь* ‘из новой книги’), таким образом, спаянность между такими компонентами оказывается менее устойчивой, по сравнению с составляющими имен числительных. В отличие от словосочетаний, связь в которых осуществляется путем примыкания, в числительном не выделяется главное и зависимое слово, нельзя поставить вопрос от одного слова к другому.

5. Каждое числительное целостно выступает в предложении в качестве одного члена предложения, компоненты не могут выступать самостоятельно, выражая количество по отдельности: *Татын кызь вить адями*. ‘Здесь двадцать пять человек’.

Такие формы числительных рассматриваются как сложные и в тюркских языках, исследователями в особенности подчеркивается та черта, что при склонении данных числительных по падежам, при образовании новых форм изменениям подвергается только последняя часть, например, в башкирском языке: *бер мең тугыл й|л кырк биш* ‘тысяча девятьсот сорок пять’, *бер мең тугыл*

й|/ кырк биштең ‘тысяча девятьсот сорока пяти’, бер мең тугыл
й|/ кырк бишкк ‘тысяча девятьсот сорока пяти’ и т. д. [Дмитриев
1948: 92].

В финском языке числительные, имеющие традиционно слитное правописание, менее похожи на сложные, чем так называемые составные числительные удмуртского языка. Числительные в финском языке имеют обыкновение полностью изменяться, согласовываться с определяемым существительным – при этом каждая часть сложного слова принимает необходимые формообразующие (и словообразующие) суффиксы: *kolmetuhatta kaksisataaviisikymmentäneljä* ‘три тысячи двести пятьдесят четыре’, *kolmentuhannen kahdensadanviidenkymmenenneljän* ‘трех тысяч двухсот пятидесяти четырех’ [Ikola 2000: 44]. Таким же типом склонения обладают и числительные русского языка, где «в составных количественных числительных при склонении изменяется каждое слово» [РЯ 1997: 627]: *двумстам сорока восьми, четырехсот двадцати семи* и т. п. В удмуртском же языке, как уже отмечалось, лишь последнее слово приобретает падежные, притяжательные суффиксы; при образовании порядковых числительных, дробных числительных, наречий наблюдается такая же картина.

Компоненты сложного числительного могут находиться в разных отношениях по отношению друг к другу. Среди сложно-сочиненных числительных в удмуртском языке можно выделить несколько видов:

1) аддитивное соединение десятков и единиц, сотен и десятков и т. д.: *дас вить* ‘пятнадцать’, *сизьымдон куать* ‘семьдесят шесть’, *сю куинь* ‘сто три’;

2) мультипликативное образование названий сотен, тысяч: *кык сю* ‘двести’, *куать сюрс* ‘шесть тысяч’;

3) комбинация равноправных компонентов аппроксимативных конструкций: *вить-куать* ‘пять-шесть’, *сизьымдон-тямыстон* ‘семьдесят-восемьдесят’, *нылӧ-витьӧ* ‘около четырех-пяти’;

4) особые случаи сочетания существительного с числительным: *нунал-кык* ‘день-два, несколько дней’, *ар-кык* ‘год-два, несколько лет’. Подобные конструкции рассматриваются в качестве сложных слов и в коми языке: *кыв-мӧд* ‘несколько слов’, *лун-мӧд* ‘несколько дней’ [Зимин 1981: 28].

III. Составные числительные. Такую группу также вполне можно выделить, но в качестве составных рассматривать числительные, состоящие из слов разных категорий. К примеру, дробные числительные, типа *кык но куинь дасмос* ‘две и три десятых’ – целая часть дроби присоединяется к десятичной посредством союза *но* ‘и’. В целом, в единстве данная конструкция выражает конкретное количество. В этой же группе можно рассматривать числительные приблизительного счета, которые в своем составе могут содержать предлог *ог* ‘примерно’, а также послелоги с аппроксимативным значением: *ог дасо* ‘около десяти’, *куамын пала* ‘около тридцати’.

Таким образом, классифицируя числительные удмуртского языка по их морфологической структуре, можно выделить три группы:

1) простые, состоящие из одного корня или имеющие какой-либо суффикс: *кык* ‘два’, *куинь* ‘три’, *нбыльдон* ‘сорок’, *куатетӧ* ‘шестой’;

2) сложные, состоящие из двух и более основ: *куамын нбыль* ‘тридцать четыре’, *кык сю укмыстон куать* ‘двести девяносто шесть’, *вить-куать* ‘пять-шесть’;

3) составные, содержащие в своей структуре слова разных категорий: *куать но жсыны* ‘шесть с половиной’, *витьтон ёрос* ‘около пяти-десяти’.

3.2. Лексико-грамматическая классификация и морфология имен числительных

3.2.1. О лексико-грамматической классификации имен числительных

Проблеме идентификации частей речи в различных языках посвящено немало лингвистических работ, и все же очень многие вопросы, касающиеся выделения тех или иных лексико-грамматических групп слов, до сих пор остаются спорными. Не является исключением и удмуртский язык, в котором до сегодняшнего дня остается масса неразрешенных, требующих более детального и тщательного изучения, вопросов, касающихся классификации частей речи. Имя числительное как знаменательная часть речи, имеющая весьма яркую особенность – семантическое выражение числа, казалось бы, не должна вызывать каких-либо сомнений и противоречий, но тем не менее ставит перед исследователями ряд вопросов о принадлежности различных словоформ к той или иной лексико-грамматической группе.

Вопрос об отнесении слова к соответствующей части речи представляет трудности хотя бы потому, что, выполняя различные функции в предложении, некоторые слова оказываются способными переходить из одной части речи в другую. Так, для удмуртского языка весьма характерны, к примеру, переход прилагательное – наречие, прилагательное – существительное: *Жӧк вылын чебер* (прил.) *сяськаос*. ‘На столе красивые цветы’. *Чужектэм куаръёс чебер* (нар.) *бергаса усё*. ‘Пожелтевшие листья падают, красиво кружась’. *Тулыс* (сущ.) *вуиз*. ‘Пришла весна’. *Тулыс* (прил.) *нуналъёс шуныт ваизы*. ‘Весенние дни принесли тепло’.

Удмуртские языковеды, как и исследователи многих других языков народов России, подверглись достаточно сильному влиянию традиций русского языкознания, что во многом сказалось и в подходах к классификации частей речи национальных языков. Что касается числительных, то о наличии подобной проблемы можно судить и по тюркским языкам, где «предметно-ко-

личественные имена, т. е. имена числительные, <...> в некоторых грамматиках по заимствованной, утвердившейся в русской грамматике, традиции часто разносятся по различным именным частям речи» [Баскаков 1979: 51]. Таким образом, особенности каждого языка, его внутренняя структура, история не всегда учитывались языковедами.

К классификации слов по частям речи традиционно следует подходить с трех точек зрения: 1) семантической (учитывая основное лексическое значение); 2) морфологической, словообразовательной (рассматривая систему грамматических значений, их выражение, возможность образования новых словоформ); 3) синтаксической (принимая во внимание роль в предложении и словосочетании). Как подчеркивают исследователи, «в каждой из частей речи, которые следует рассматривать как сложные лексико-грамматические ряды слов, характеризующиеся специфическими морфологическими признаками, кроме лексико-грамматических категорий существуют категории, связанные с реализацией данной части речи в словосочетании или предложении, т. е. с функцией каждого слова в предложении или словосочетании, также обладающие особыми специфическими для каждой категории формами» [Баскаков 1979: 55].

Проблема идентификации количественных слов и определение их частеречевого статуса поднималась и в исследованиях близкородственного коми языка. В частности, Г. В. Федюнева, рассматривая местоимения и числительные, подчеркивает следующие особенности: «наличие в составе числительных и местоимений разнородных по своему грамматическому оформлению слов, использование специфических критериев для выделения этих частей речи, их относительная зависимость от основных частей речи» [Федюнева 1990: 32], в связи с этим коми местоимения и числительные выделяются в разряд неосновных. Среди ведущих характеристик числительных, вслед за В. И. Лыткиным, подчеркивается наличие специфических грамматических категорий порядковости и совместности. В удмурт-

ском языке, безусловно, можно отметить много общего, но в то же время оказывается очевидным, что морфология имени числительного имеет существенные отличия.

Опираясь на перечисленные принципы выделения частей речи, мы попытаемся проанализировать систему слов, выражающих количественное значение, а также отнумеральные слова, и определим их место в классификации частей речи удмуртского языка. Вместе с тем в данном разделе мы подробно рассмотрим морфологические характеристики всех выделяемых нами разрядов числительных с учетом их межкатегориальных связей.

3.2.2. Собственно-количественные числительные

Выделяя разряд собственно-количественных числительных в отдельную группу, мы руководствуемся тем, что формы данной группы в семантическом отношении не несут в себе каких-либо дополнительных значений, кроме количественных. Это – числительные, которые служат основой для образования других разрядов как количественных, так и порядковых числительных; а также от них с помощью различных средств формируются и слова, относящиеся к другим частям речи.

В удмуртском языке собственно-количественные числительные имеют достаточно интересные грамматические особенности и признаки, которые могут, с одной стороны, сближать их с именем прилагательным, с другой стороны, с именем существительным. Это исходит из того, что в одних случаях имена числительные могут употребляться как слова абстрактного счета, в отвлечении от конкретного счета, иначе говоря, вне своего сочетания с существительным, или замещая его (*одӱг* ‘один’, *кык* ‘два’, *дас* ‘десять’, *сю* ‘сто’), в других случаях они могут употребляться как слова конкретного счета в связи с определяемым именем существительным (*кык уй* ‘две ночи’, *дас копейка* ‘десять копеек’, *сю адями* ‘сто человек’). Эта же особенность от-

мечается исследователями и по отношению к коми языкам в различных работах, подчеркивающих, что «числительные в коми языке по своим грамматическим признакам могут обнаруживать некое сплетение особенностей имен существительных и имен прилагательных» [Бубрих 1949: 95; Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 34)].

Таким образом, среди основных признаков имени числительного удмуртского языка мы можем выделить несколько ведущих черт.

1. Числительные, как и имена прилагательные, сочетаются с именем существительным (являясь к нему определением) путем примыкания, например: *Дас тямьс егит куараос нуназе пӧсен чалмытскем урамъёсыз сайкатӱзы* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 20). 'Восемнадцать молодых голосов разбудили притихшие от дневной жары улицы'. *Кӧня ке улыса, кык бадӱым чемаданъёсын пыриз Ямаев* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 151). 'Немного спустя, с двумя большими чемоданами вошел Ямаев' (букв. 'с два большой чемоданами'). *Капка ӧс вӧлак усътӱськиз но, улычае, юр-яр карыса, куинь пичи пиос потӱзы* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музеймы. 10). 'Ворота распахнулись настежь, и на улицу с гомоном вышли три мальчика'. *Надежда Алексеевалы горд сэреге куинь жӱдӱкӱсты огинэ карыса пуктыны юртӱзы, пуконъёс дасязы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 165). 'Помогли Надежде Алексеевне поставить вместе в красном уголке три стола, приготовили стулья'.

2. Имена числительные, как и прилагательные, в определенной функции могут употребляться с выделительными суффиксами -эз (-ез). В этом случае они согласуются с определяемыми существительными в падеже, согласования в числе не наблюдается, несмотря на то, что имя существительное может приобретать показатель множественного числа: *Одӱгаз гужем нуналэ Саша институтлэн азбараз пуктэм скамья вылын татчы лыктэм врачӱсты возмаса нукиз* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 97). 'В один из летних дней Саша сидел на поставленной

во дворе института скамейке, ожидая приехавших сюда врачей'. **Куинез укноез** ульчае, шунды жсужан пала учке, кыкез лымишор пала, кыкез азбаре, пуксись шунды шоры (Г. Перевошиков. Йыбыртгы музеймы. 27). 'Три его окна смотрят на улицу, на восток, два – на юг, два – во двор, на заходящее солнце'. **Кыказ ик интыосы** быдэн кык кузя партизанъёсты келязы (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 74). 'В оба места отправили по два партизана'. Романов ыль бетонэ лёгиськиз но соку ик выиз. **Одйгзэ пыдзэ** кыске, мукетсэ – сир кадь лякиське (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 163). 'Романов наступил в сырой бетон и сразу утонул. Одну ногу тянет, другую – прилипает, как смола'.

3. Количественные числительные, обозначающие отвлеченные числа, употребляющиеся вне сочетания с именем существительным, склоняются по падежам, как имена существительные, принимая формы как субъектно-объектных, так и местных падежей, а формы с выделительно-указательным суффиксом – как прилагательное, маркированное соответствующим показателем:

Им.	<i>дас кык</i>	<i>дас кыкез</i>
Вин.	<i>дас кыкез</i>	<i>дас кыксэ</i>
Род.	<i>дас кыклэн</i>	<i>дас кыкезлэн</i>
Раздел.	<i>дас кыклэсь</i>	<i>дас кыкезлэсь</i>
Дат.	<i>дас кыклы</i>	<i>дас кыкезлы</i>
Лиш.	<i>дас кыктэк</i>	<i>дас кыкезтэк</i>
Твор.	<i>дас кыкен</i>	<i>дас кыкеныз</i>
Соотв.	<i>дас кыкъя</i>	<i>дас кыкезъя</i>
Местн.	<i>дас кыкын</i>	<i>дас кыказ</i>
Входн.	<i>дас кыке</i>	<i>дас кыказ</i>
Исходн.	<i>дас кыкысь</i>	<i>дас кыкысьтыз</i>
Отдал.	<i>дас кыкысен</i>	<i>дас кыкысеныз</i>
Перех.	<i>дас кыкетй</i>	<i>дас кыкетйз</i>
Предельн.	<i>дас кыкозь</i>	<i>дас кыкозяз</i>
Направ.	<i>дас кыклань</i>	<i>дас кыкезлань</i>

В числительных, состоящих из нескольких корневых морфем, по падежам изменяется только последний компонент.

Данная особенность – употребление вне какой-либо связи с именем существительным и изменение по падежам – ещё не означает субстантивации имен числительных, ибо они своим содержанием количественной семантики сохраняют своё собственное самостоятельное значение слова. Существенным является и то, что, выступая изолированно, числительное подразумевает наличие какого-либо предмета, явления.

Возможность имени числительного выступать во всех формах падежной системы удмуртского языка продемонстрируем на примерах, извлеченных из художественных произведений:

Именительный: *Музьем одйг ук, ваньмы одйг музьем вылын улйськомы* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 153). ‘Земля же одна, все на одной земле живем’. *Отйяз сюресэз [Сазоновлэн] одйг – выльысь Сибире* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 146). ‘Дальше у него [Сазонова] дорога одна – снова в Сибирь’. *Пересьёслэн верамзы кадь ук: одйгез герыен, сизыьмез пуньыен* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 193). ‘Как сказанное предками: один с сошкой, семеро с ложкой’. *Куд-огезлэн сюлэмез оло кык, лэся: одйгез палэнысь адямиосын вераськон но чеберьяськон понна, нош мукетыз – гуртын, семья куспын улон понна* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 182). ‘У некоторых, видимо, сердца два: одно для разговоров с посторонними людьми и красноречия, а другое – для жизни дома, в семье’. Именительный падеж числительного (а также и основная форма) – это тот вариант числительного, который выступает в качестве подлежащего, сказуемого и, учитывая то, что связь между числительным и существительным в большинстве случаев осуществляется путём примыкания, это также и словоформа числительного-определения.

Винительный: *Ачиз со таза воргорон, куатьтон арес луоз-а, уз-а, нош учкид ке шораз, тямыстон но сётод* (Г. Красильников. Пыртоc. 370). ‘Сам он здоровый мужчина, шесть-

десять лет ему уже есть или нет, но если посмотришь на него, и восемьдесят дашь'. *Мон выльсытыз вылаз куиньзэ ик укноосыз эскери* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 15). 'Я друг за другом обследовал все три окна'. *Одйгзэ вераса ум быдтйське, мукетаз тэтчиськом* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 334). 'Не договариваем одно, перескакиваем на другое'; *Нош Эля куатьтон поттйз* (Р. Валишин. Төл гурезь. 45). 'А Эля получила шестьдесят'. *Чапак соин ик эшио огзэ тузйзы на* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 11). 'Именно поэтому выдворили еще одного'. *Армие кошкыкум, кыксэ мерitto* (Е. Загребин. Тулыс зор. 9). 'Уходя в армию, посажу два'. Винительный падеж числительного, как и у других имен, может быть как маркированным, так и без показателя. Падежный формант чаще присутствует у атрибутивного числительного, имеющего выделительно-указательный суффикс.

Родительный: *Куинезлэн-а, ньылезлэн-а сяна, Лысо Гурезь ёросысь колхозьёслэн кынарзы со выллемгес ик* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылзозь. 103). 'Состояние колхозов района Лысо Гурезь, кроме как у трех или четырех, примерно такое же'. *Озыен, кыклэн огез: яке ваньмыз яратйсь адямиос ог-огзэс кыдёкысен шоддо, яке, уг ке, мыным сыче шоддон анаелэсь выжиз, луоз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 69). 'Таким образом, одно из двух: или все любящие люди чувствуют друг друга издалека, или, если нет, мне такое чувство, вероятно, перешло от матери'.

Разделительный: *Куамынлэсь уно аръёс ортчизы ни со дырысен, нош синмыз [Тутыгышлэн] лэчыт на вылэм* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 90). 'Больше тридцати лет уже прошло с тех пор, а глаз у нее [Павлины] еще, оказывается, острый'. *Кыкезлэсь пумъёссэ вёлыса, йылсаса музейе мертчыто* (Р. Валишин. Төл гурезь. 54). 'Концы двух, подточив и заострив, забивают в землю'. *Ну, эшио куатьтонлэсь ортчем көня ке мййиос вань на* (Р. Валишин. Төл гурезь. 94). 'Ну, есть еще несколько стариков старше шестидесяти'.

Дательный: *Куамынэз дас витьлы уноям ке, со луэ ньыль но эсыны манет* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 110). ‘Если умножим тридцать на пятнадцать, это будет четыре с половиной рубля’. *Коркалэн пушкыз висьетэн кыклы люкемын* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 19). ‘Дом разделен перегородкой на две комнаты’. *Бёрысь кыклы пилиськоно, кесяськоно мылкыдын кошкыз [Онди]* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 15). ‘Затем ушел [Онди] с желанием разорваться надвое и раскричаться’. *Бератаз Пильын шуэ со лыктэм муртъёс пöлысь одйгезлы* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 15). ‘Позднее Филипп говорит одному из пришедших’.

Творительный: *Улэп адями уз дырты коросэ выдыны, котькуд нуналыз борды кыкеныз ик киосыныз эсабырскоз* (Е. Афонин. Йырмурт. 32). ‘Живой человек не поторопится лечь в гроб, за каждый свой день будет хвататься обеими руками’. *Заводэ кариськемез бере, ар но ортчытэк, куатеныз интые, сизыменыз станокен ужаны кутскем [Паля]* (П. Чернов. Дор. 132). ‘После того, как устроился [Паля] на завод, не прошел и год, начал работать на семи станках, вместо шести’. *Мон огеныз но кыкеныз вераськыны кутски* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 226). ‘Я начал разговаривать с одним и с двумя’. В удмуртском языке форма числительного в творительном падеже является достаточно широко распространенной, но по своим лексико-грамматическим признакам, а также учитывая синтаксическую роль в предложении, является целесообразным квалифицировать такие формы как наречия (см. 3.2.8.3.1.).

Лишительный: *Часме учки но – осто, дастэк дас* (Е. Панфилова. Мумы. 34). ‘Посмотрела на часы – боже, без десяти десять’. *Асьме сямен со луэ: одйг ньыльмостэк дас* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 20). ‘По-нашему, это получается: без одной четверти десять’. *Кык ни будэтыса вылысь, огезтэк но кылёмы-а, мар-а ини* (В. Садовников. Кошкизы но – öз берытске. 11). ‘Вырастив двух сыновей, видимо, останемся что ли уж без единого’. *Кош, кош, ёрмем лул! Дас*

одйгтэк эн ик пыра (Г. Перевощикова. Гужем лымы.8). ‘Уйди, надоедливый! И не заходи раньше одиннадцати’.

Соответственный: *Мынам куинь экзаменэ вал, кык-езья «вить» басьтй*. ‘У меня было три экзамена, по двум получила «пятерки»’.

Местный: *Вазьниме нош август пумын, ньыльдон куиньын, нокыче ивортэк быриз* [Михаил Антонович] *шуыса, бумага вуиз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 124). ‘А в Вазьним в конце августа, в сорок третьем, пришла бумага о том, что пропал [Михаил Антонович] без вести’. *Куиняз ик скал гидын паспортизация лэсьтйзы, буяллызы-тупатъязы, липетьёссэ вьльдызы* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007). ‘Во всех трех коровниках провели паспортизацию, провели покраску, ремонт, крыши обновили’.

Входный: *Вож аллеяостй кема ик ём мынэ, улыно-вылыно из коркаос пёлысь одйгаз пырим* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 153). ‘Недолго шли по зеленым аллеям, зашли в один из двухэтажных каменных домов’. *Огаз гинэ пыраме ёвёл – пересь Парок доры* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 217). ‘Только в один я не заходил – к старику Пароку’. *Отын куать часэ собрание ётиськод ке, куате ик люкасько, нош татын тямьсэ ке кулэ, куате шуыса ётча* (Т. Архипов. Лудэй шур дурын-2. 73). ‘Если там приглашаешь на собрание к шести, в шесть и приходят, а здесь, если нужно к восьми, приглашай к шести’. *Борд-доре ошем часлэсь дас кыке вуись стрелказэ адъемез бере, егит кышномурт черсэмысь дугдйз* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 106). ‘Молодая женщина после того, как увидела подходящую к двенадцати стрелку настенных часов, перестала прясть’.

Исходный: *Экономика удысын йыружъёсын нюръяськонъя ёзын ужасьёс туэ февраль толэзе одйгысьтыз гаражысь бадъым ватос шедьтйзы* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007). ‘Работники отдела по борьбе с экономическими преступлениями в феврале этого года в одном гараже нашли большой клад’. *Ведь чисто пёсьтэмын-шалтырамын [тракторъёс], кык-куиньысь*

одйг каремын (Г. Перовошиков. Сюлэмтэм дунне. 118). ‘Ведь все [тракторы] развалившиеся, из двух-трех собран один’. *Час кыкысь выжем ни вылэм* (П. Чернов. Дор. 225). ‘Время, оказывается, уже было больше двух’ (букв. ‘перешло из двух’). *Нош Павел Игнатъевич тодэ – куатьтонысь кемалась потэмын ини [Савелий Никифорович]* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 13). ‘Но Павел Игнатъевич знает – давно перевалило за шестьдесят [Савелию Никифоровичу]’.

Отдалительный: *Виль микрорайонысь коркалэн квадрат метр дуныз али куамын сюрсысен куамын сизьым сюрс манетозь* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007). ‘Стоимость одного квадратного метра в доме в новом микрорайоне сейчас от тридцати до тридцати семи тысяч рублей’. *Тон кадь инспекторъёс милемлы лыдъязы гектарлы быдэ дас вить центнер ю октыны – ми дасысен дас кыкозь кутсамы* (Г. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 68). ‘Такие инспекторы, как ты, нам насчитали собрать с гектара по пятнадцать центнеров зерна – мы намолотили от десяти до двенадцати’.

Переходный: *Трос лыдзи ни, нош тонэ кызыы валаны кулэ, одйгетй но гожтэмын өвёл ук* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 52). ‘Много уже перечитал, но как тебя понимать, ведь ни в одном месте не написано’. *Вуметй-куаметй бугыръяз [Прозоров]* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 126). ‘В пяти-шести местах порылся [Прозоров]’. *Тьфу, алама адыми, одйг ымыныз кыкетй куртчыны турттэ* (Г. Красильников. Вуж юрт. 262). ‘Тьфу, дурной человек, одним ртом пытается откусить в двух местах’. *Фронтысь вуэм туж дуно бумагаез Шабалин, одйгетй но куасалтытэк (патрет погмаськыны медам шедьы мара), пуш кисыяз укыр жикытэн понйз* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 137). ‘Очень дорогую бумагу, прибывшую с фронта, Шабалин, не согнув ни в одном месте (кабы портрет не помялся), очень аккуратно положил во внутренний карман’. Необходимо проводить грань между формой имени числитель-

ного в переходном падеже и являющейся омонимичной с ней формой порядкового числительного (см. подробнее 3.2.6.5.).

Направительный: *Омыр малы ке кыче ке кырыжамын // Вот потод йырыныд одйглань // Но луод малы ке мукетаз палдурын* (Инвожо, 5-6, 2007). ‘Что-то воздух какой-то кривой // Так вот выйдешь в одном направленьи // А уходишь в другом направленьи’.

Предельный: *Дасозь лыдзисько но берлань берытскисько. Собере озьы вуисько кызёзь, куамынозь* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 195). ‘Считаю до десяти и возвращаюсь назад. Затем так дохожу до двадцати, до тридцати’. *Гурын куинь зонаез: котькудаз температураез но пёртэм – нырысыз, кылсярысь, тямысю градус, нош куинетйяз зонаын сюрс ньыль сюозь но вуэ* (Н. Самсонов. Агбай. 243). ‘В печке три зоны: в каждой и температура разная – в первой, например, восемьсот градусов, а в третьей зоне и до тысячи четырехсот доходит’. *Крестьян нылпиос, пе, сё одно приказчик уз луэ, сюозь лыдьяны дышизы ке, тырмоз* (М. Петров. Вуж Мултан. 12). ‘Крестьянские дети-де все равно не станут приказчиками, научатся считать до ста, и достаточно’.

4. В некоторых случаях возможно использование числительного с притяжательным суффиксом: *Уть-ай, кемалась ньыльдондэ выжид ини, нош аслад йёнала семьяед но ёвёл – нылыд гинэ, чоркак одйг нылыд гинэ* (Г. Перевошиков. Гужем лымы. 13). ‘Смотри-ка, ты уже давно перешел четвертый десяток, а у тебя и семьи нормальной нет – только дочь, только одна единственная дочь’. *Куамын куиням гинэ мынйсько, нош мыным нокин но витьтонлэсь ёжыт уз сёты* (М. Петров. Вуж Мултан. 121). ‘Мне идет только тридцать третий год (букв. ‘иду в мои тридцать три’), но никто не даст мне меньше пятидесяти’. *Тямыстон витям ветлийсько* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 167). ‘Мне восемьдесят пятый год’ (букв. ‘хожу в моих восьмидесяти пяти’).

5. Подобно существительным, имена числительные могут выступать в сочетании с послелогоми: *Ма но уг шуо, оgez бёрсыы мукетыз секытэсь кыльёс кысьтйсько* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 71). ‘Чего только не говорят, один за другим сыплются тяжелые слова’. *Пырон баллмы ньылдон пöлысь куамын куинь ке вал, мынам куамын куать люкаськиз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 190). ‘Если наш проходной балл был тридцать три из сорока, то у меня набралось тридцать шесть’.

Чаще всего послелогои с числительными используются в общепринятых значениях, для выражения пространственно-временных отношений. Но некоторые из них служат также для образования аппроксимативных и собирательных числительных (см. подробнее: 3.2.3.; 3.2.5.).

С другой стороны, свойством считаемости, подобно предметам, обладают и действия (считаемость действия может подтверждаться наличием однократных и многократных глаголов), а конкретизация количества путем указания на действие (при счете действий) как раз и может передаваться сочетаниями типа числительное + послелог [Игнаева 1996б: 80]. В удмуртском языке для этого используется послелог *пол* ‘раз’: *Смена бырытозь, соос кык пол вис каризы, кык пол тамак кыскизы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 34). ‘До окончания смены они дважды делали перерыв, дважды перекурили’. *Зэм, арняяз кык-куинь пол солы, юри Нюраезлы шуыса, мамаез одйг зенелик йöл басьяллыз на* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 17). ‘Правда, в неделю два-три раза ей, специально для своей Нюры, мама еще покупала одну бутылку молока’.

Имена числительные в удмуртском языке могут выступать также и с предлогами *быдэн, котыр* ‘по’: *Нош али солэн [Кималэн] погоньёсыз вылын – пичиесь гинэ быдэн куинь кизилиос* (М. Петров. Зардон азын. 14). ‘А сейчас на его [Тимофея] погонах – по три маленьких звездочки’. *Чуказезы кыкысьтыз ик бригадаосысь сезыы бусые быдэн дасо мурт кусоосын потйзы* (М. Петров. Зардон азын. 105). ‘На завтрашний день из обеих

бригад на овсяное поле вышли примерно по десятку человек с косами'. *Вай-ко, кайгырыса пукытозь, быдэн одйг-кык чарка кымалтом но, оло, капчигес луоз* (Н. Васильев. Кин тон, атай. 48). 'Давай-ка, вместо того, чтобы сидеть, страдая, опрокинем по одной-две стопки, и, быть может, полегчает'.

Числительные *миллион, миллиард, триллион...* вошли в удмуртский язык из русского, не претерпев каких-либо внешних изменений: – *Лида, тодйськод на-а инмысь кизилиосты лыдь-яммес? – Тодйсько. Дас триллион, куинь сю сюрс миллиард, укмыс сю миллион, куать сю сюрс но куинь сю дас* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 181). '– Лида, а ты еще помнишь, как мы считали звезды на небе? – Помню. Десять триллионов, триста тысяч миллиардов, девятьсот миллионов, шестьсот тысяч триста десять'. *Алёна сю, сюрс, миллион, миллиард, триллион, триллиард... шокчылэмъёсын тырмытыса ёсокатэм вагонысь тэтчоз но калыклэн солань-талань тулкымьяськись ёраз сълмоз* (С. Матвеев. Шузи. 269). 'Алёна выскочит из задущенного сотней, миллионом, миллиардом, триллионом, триллиардом... выдохом вагона и растворится в людском потоке, волнующемся туда-сюда'.

В речи данные числительные подчиняются законам грамматики удмуртского языка: имея формы косвенных падежей, формы с выделительно-указательным суффиксом, от них образуются порядковые числительные, а также формы множественного числа: *Но ведь мон али тынад чебередлэсь ог миллионэти люкетсэ гинэ адзисько. Мон со миллионлэсь ёсынызэ ке но адзисал вылэм* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 83). 'Но ведь я сейчас вижу только миллионную часть твоей красоты. Если бы я видел хоть половину этого миллиона'. *Куинь миллионьем Горд Армия кылдытон борды, пе, кутскем, шуо* (М. Лямин. Шудбур понна. 106). 'Говорят, приступил-де к созданию трехмиллионной Красной Армии'. *Паймымон асьмелэн дуннемы: одйгез уно миллиардъёсты бергатэ, зарезь съорысь ваем сиён-юонэн гусь-ьяське, нош кин ке уен-нуналэн копаське пичи бакчаяз, вань узыр-*

лыкез – киосыз (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007. 3). ‘Удивителен наш мир: один крутит многими миллиардами, лакомится за морскими яствами, а кто-то днями и ночами копается на своем маленьком огороде, все его богатство – собственные руки’. *Государстволы изъянмы озьы миллионъёсын люкаське* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 180). ‘Наш вред государству таким образом накапливается миллионами’.

Числительные, таким образом, с одной стороны, имеют общие черты с именем прилагательным, с другой стороны, у них достаточно много общего с именем существительным. Ко всему вышесказанному необходимо добавить следующее: как самостоятельная часть речи, числительное характеризуется специфичностью словарного состава и словообразования. Имена числительные представляют собой замкнутую, не пополняемую группу слов, они образуются только от собственных основ (иногда с помощью вспомогательных частей речи), но никогда не нарушается та системность, которую они образуют. Другие части речи не могут быть словообразовательной базой для них, хотя сами имена числительные при определенных условиях могли стать основой для образования других частей речи.

Основной словарный фонд числительных современного удмуртского языка небольшой, он состоит из 20 самостоятельных неделимых слов (*одйг* ‘1’, *кык* ‘2’, *куинь* ‘3’, *нбыль* ‘4’, *вить* ‘5’, *куать* ‘6’, *сизьым* ‘7’, *тямыс* ‘8’, *укмыс* ‘9’, *дас* ‘10’, *кызь* ‘20’, *куамын* ‘30’, *нбыльдон* ‘40’, *витьтон* ‘50’, *куатьтон* ‘60’, *сизьымдон* ‘70’, *тямыстон* ‘80’, *укмыстон* ‘90’, *сю* ‘100’, *сюрс* ‘1000’), если же включить сюда интернациональные названия, вошедшие через русский язык, *миллион*, *миллиард*, *биллион* и др., то их состав окажется лишь на несколько единиц больше.

Числительным всех языков мира весьма характерно наличие скудного лексического состава – числительные высшего порядка выражаются различными морфолого-синтаксическим комбинациями числительных низшего порядка. Так, Дж. Хурфорд отмечал: «Numeral systems express the lowest numbers by purely

lexical means and may then resort to syntax to express higher numbers. In the typical case there are single words for all the numbers up to and including 10, after which morphosyntactic combinations are used, although, of course, bases other than 10 do occur. A language may have only a primitive numeral lexicon, giving its speakers the facility to express small numbers»¹⁴ [Hurford 1987: 86].

3.2.3. Числительные приблизительного значения

Числительные приблизительного счета отличаются от других разрядов количественных числительных тем, что обозначают примерное количество предметов и явлений. Но это примерное количество имеет свои рамки, так как числительное приблизительного счета обозначает более или менее определенное количество (в пределах данных чисел, в районе обозначенного количества), чего нельзя сказать о таких словах-квантификаторах с неопределенно-количественным значением как *данак*, *трос*, *уно* 'много', *ичи*, *о́жыт* 'немного, мало', сравним: *Їуказе Їукнаяз Алексей Кириллович **вить-куать** муртэ валэн нюлэскы лэзиз: колхозникъёслы ну ворттоно, пе* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 269). 'На следующее утро Алексей Кириллович отправил пять-шесть человек в лес на лошадях: колхозникам-де дрова нужно возить'. *Трос тодэ ваёнъёс, кемалась учыръёс ортчизы ныллэн син азътйз* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 66). 'Много воспоминаний, давних случаев прошли перед глазами девушки'.

¹⁴ «Нумеральные системы выражают числительные низшего порядка скудным набором лексических средств и прибегают к синтаксису для выражения числительных высшего порядка. Типично, что существуют единичные слова для всех чисел до 10 и включая 10, после чего используются морфолого-синтаксические комбинации, базирующиеся на 10. Язык может иметь примитивный состав нумеративной лексики, дающий возможность говорящим выразить небольшие числа».

Первое числительное (*вить-куать*) обозначает приблизительное число ('около пяти-шести'); количество, обозначенное им, ограничено в пределах пяти и шести. Второе слово (*трос* 'много') обозначает неопределенное количество, т. е. воспоминаний может быть и два, и три, и семь и т. д.

При выражении приблизительности, как подчеркивают исследователи, сохраняется выход на натуральный ряд чисел, всегда указывается предположительное число или интервал, между которым колеблется количество предметов и явлений [Гаврилова 2005: 37]. Приблизительная номинация – широкое явление, которое не может одинаково трактоваться применительно к предметам, качествам, количествам и процессам. «В сфере количественности аппроксимация, по сути, означает квазиточность, так как здесь указывается конкретный пункт или интервал в натуральном числовом ряду, хотя и с оговоркой типа 'предположительное указание на число', 'верхний предел', 'нижний предел', 'предположительный интервал'», – отмечают исследователи при рассмотрении категории количества [ККСЕЯ 1990: 21].

Понятие приблизительного счета в современном удмуртском языке может выражаться различными (как синтетическими, так и аналитическими) способами, и среди них можно выделить следующие:

1. Значение приблизительности может выражаться исключительно морфологически – числительным, имеющим суффикс *-о* (*-ё*), например: *Ну вот, дасо метрез ми куинь часлэсь кема потыны вырим* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 307). 'Ну вот, метров десять мы пытались проехать более трех часов'. *Генка чиньыеныз возьматӱз: ваньмыз-ӧвӧлэз дасо чур* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 329). 'Генка показал пальцем: всего-навсего около десяти строк'. *Ай, дасо ар улыса, нянь но киземьсь дугдом ни-а* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 52). 'Или, лет десять спустя, перестанем и хлеб сеять'.

Морфологический способ выражения приблизительности характерен хантыйскому языку (с помощью суффикса *-кем*):

веткѐм ‘около пяти’, *яукѐм* ‘около десяти’ [Соловар, Спирякова 2000: 67]; мансийскому языку (суффиксы *-ax*, *-ay*): *kitax* ‘приблизительно два’, *xūrtax* ‘приблизительно три’ [Ромбандеева 1973: 96]; ненецкому языку (суффиксы *-мян*, *-сян*): *Си’ивсян’ хабэвком’ хада*. ‘Добыл около семи куропаток’. *Юдмян’ хасава то*. ‘Пришло около десяти мужчин’ [Куприянова 1961: 96]; а также многим тюркским языкам: кирг. *бешче* ‘около пяти’; узб. *онтача* ‘около десяти’; хак. *чүсче* ‘около ста’; азерб. *онларча* ‘десятками’ [Серебренников, Гаджиева 1986: 127].

2. Сочетание двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую, например: *Тани витъ-куать вамыш гинэ кылиз на* (М. Петров. Вуж Мултан. 125). ‘Вот осталось уже только пять-шесть шагов’. *Куке но та адями солэн [Логиновлэн] син аяз дас витъ – дас куать аресъем пияш вал* (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 101). ‘Когда-то этот человек перед его [Логинова] глазами был пятнадцатилетним мальчиком’. *Собере ини трибуна вылэ кык-куинь солдатъёс тубизы но ораторез донгизы* (М. Лямин. Шудбур понна. 40). ‘Уже потом двое-трое солдат поднялись на трибуну и вытолкали оратора’. *Колхоз парткомын ужамын ке жъсык, куинь-ныль толэзъскын гинэ ванъзэ тодыса-валаса вуод-а* (Г. Перевощиков. Ёыбыртты музеймы. 6). ‘Если даже и работал в колхозном парткоме, разве успеешь только за три-четыре месяца все распознать’. *Больницае приёме ветлэмзы вань, луоз, нош Фаина кытын ванъзэ тодаз ваёз, нуналлы быдэ ки пыртйз куамын-ныльдон мурт ортче бере* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 9). ‘Вероятно, приходили на приём в больницу, но как же Фаина всех припомнит, коли каждый день через ее руки проходит тридцать-сорок человек’. *Тымет уллапалан кык-куинь интыосын ошмесъёс пёзё, синкыли кадь чылкыт вуэн, сюэз нясь-нясь юзматисен* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 165). ‘Ниже пруда в двух-трех местах бьют ключи, с водой чистой, как слеза, хорошо утоляющей жажду’.

Этот способ широко распространен и в других языках: коми *куим-нэль* ‘три-четыре’, *вит-квйт* ‘пять-шесть’ [ÖКК 2000: 143]; *Понныс увтчас, аддзасны öти пуысь ур комын-нелямын* (Коми легенды и предания. 116). ‘Их собаки облаяли белок, увидели на одном дереве белок тридцать-сорок’; мар. *кок-кум* ‘два-три’, *куд-шым* ‘шесть-семь’ [СМЯ 1961: 128]; морд. мокш. *кафта-колма* ‘два-три’, *колма-ниле* ‘три-четыре’ [МК 2000: 96]; хант. *кйт-хулам хйтл рупитты питлум*. ‘Два-три дня работать буду’ [Соловар, Спирякова 2000: 67]; в башкирском *ике-|ç* ‘два-три’, *|ç-дурт* ‘три-четыре’ [ГСБЛЯ 1981: 166] и в других тюркских языках этот способ также является достаточно распространенным [Серебренников, Гаджиева 1986: 127; СИГТЯ 1988: 197].

3. Сочетание слова *ог* (краткой формы числительного *одйг* ‘один’), выступающем в данном случае со значением ‘примерно, около, приблизительно’, с соответствующим числительным, например: *Гуртэз [Дашалэн] бадзым öвöl: ог витьтон корка луоз* (Г. Мадьяров. Аналтэм сясыка. 14). ‘Её [Даши] деревня небольшая: около пятидесяти домов будет’. *Зэм но, больницаысь ог куатьтон аресъем кышномурт потйз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 35). ‘Действительно, из больницы вышла женщина примерно шестидесяти лет’. *Пислэг – ог куамын вить аресъем егит воргорон* (В. Ар-Серги. Тулкымёс вылын – пыжед. 166). ‘Пислэг – молодой человек лет тридцати пяти’. *Со, пе, вордскем гуртэлэсь ог куинь иськеме интыяськем Тылоысь* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 66). ‘Она, мол, из Тыло, расположенной примерно в трех километрах от моей родной деревни’.

Подобный способ выражения приблизительного значения встречается также и в марийском языке: числительные приблизительного счета образуются «путем сочетания количественных числительных с частицей *иктаж*» [СМЯ 1961: 128; Гаврилова 2003: 11], например: *иктаж кумыт* ‘около трех’; в эстонском с помощью *üks* ‘один’, который также в данной ситуации выступает со значением ‘около, примерно’: *Mis on siis üks kaheksa-kümmend kilo liha süüa siis suure perega*. ‘Большой семьей легко

съесть около восемнадцати килограммов мяса' [Pajusalu 2004: 17]; в татарском языке с помощью *бер* 'один': *Мин бер жегерме жыл эшлдем тракторда*. 'Я примерно лет двадцать работал на тракторе' [ТГ2 1993: 277].

Выражение приблизительного значения путём препозитивного присоединения краткой формы числительного 'один' возможно и в иранских языках, например, такое явление отмечается в языках шугнано-рушанской группы: рош. *yi arāy bēkat-an tarad* 'там приблизительно три селения' [ОИЯ 1987: 302].

4. Приблизительная семантика высказывания приобретает с помощью послелогов *мында, ёрос, пала, котыр, эсэн*, выступающих со значением 'примерно, приблизительно', при этом рассматриваемые послелогии в подобных конструкциях обычно размещаются после сочетания числительного с существительным: *Кык час ёрос мынӳз штыкен но прикладэн жугиськон* (М. Лямин. Шудбур понна. 127). 'Около двух часов шел бой штыком и прикладом'. *Озы уз луы, Валерий Константинович, асьмеос кык сӳ час пала сӳлӳмы ке, мукет цехъёслэн но ужсыз кезегъяськыны кутскоз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 41). 'Так не пойдет, Валерий Константинович, если мы будем простаивать около двухсот часов, работа других цехов тоже начнёт лихорадить'. *Собере кык арня ёрос ми кытчы пырон инты шедьтытэк возьмаса улӳм: ку гинэ ӧтёзы ни?* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 202). 'Потом около двух недель мы не могли найти себе места, ожидая, когда же, наконец, позовут'. *Озы Володаен кык ар пала эшъяськыса улӳм* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 54). 'Так мы с Володей примерно два года дружили'. *Пияшлы дас тямьс котырын, нош тусын быдэ вуымтэ пинал* (В. Смирнов. Будо бадяръёс. 181). 'Юноше около восемнадцати, а лицом несовершеннолетний ребенок'. *Олимпиада Севастьяновна Лёнька понна ошиськыны дась: капка азъысьтыз кык машина мында пузэ ваньзэ вандылӳз, пильылӳз, артанае люказ* (Н. Самсонов. Агбай. 235). 'Олимпиада Севастьяновна за

Лёньку готова удавиться: примерно две машины дров перед ее воротами напилит, наколот, сложил в поленницу’.

Финно-угорские языки в целом отличаются обилием употребления послелогов для выражения различных значений и отношений. Использование послелога с именем числительным для обозначения приблизительного счета отмечается и в других как родственных, так и неродственных языках: мар. *кумыт чоло* ‘около трех’, *кумыт наре* ‘около трех’ [СМЯ 1961: 128]; коми *ар комынъяс гӧгӧр* ‘около тридцати лет’, *воськов сё кымын* ‘около ста шагов’ [СКЯ 1955: 190]; манс. *һалә Аиш, һалә wat'i* ‘около четырех’ [Кузакова 1990: 110]; казах. *жыӊьрма шақты* ‘около двадцати’ [Серебренников, Гаджиева 1986: 127]; азерб. *7џ mine jahun* ‘около трех тысяч’; узб. *ottus čämäli* ‘около тридцати’ [СИГТЯ 1988: 197].

Обратим внимание на тот факт, что в коми языке существительное занимает по отношению к числительному препозитивное и постпозитивное положение: *Недыр соберитчасны да бӧрсяньыс и катӧны Юаныбӧдзыс морт 40 кымын* (Коми легенды и предания. 84). ‘Вот однажды собрались и поехали в Юаныб человек 40’. *Сэни двадцать третьей воясын куим во кымын би тыдалӧма* (Коми легенды и предания. 33). ‘Там в двадцать третьих годах около трех лет виднелся огонь’. *Во кыксё кымын сійӧ вӧлӧма* (Коми легенды и предания. 86). ‘Было это около двухсот лет назад’. Вероятно, постановка существительного в препозитивное положение – явление, возникшее в коми языке под влиянием русского языка. Данный порядок слов – один из способов выражения аппроксимативного значения: «The order noun – numeral is favored in indefinite and approximative constructions. <...> In RUSSIAN and in ZYRYAN QN is the usual order while NQ order is associated with an approximative meaning»¹⁵ [Greenberg 1978: 284].

¹⁵ «Порядок числительное – имя преобладает в неопределенных и аппроксимативных конструкциях. <...> В русском и коми-зырянском QN яв-

5. Можно выделить комбинированные способы выражения приблизительного значения, когда рассматриваемая семантика числительных достигается путем сочетания вышеназванных:

а) сочетанием препозитивного *ог* ‘около’, количественного числительного и послелогов *мында, пала, эсэп, ёрос, котыр* ‘около, примерно, приблизительно’, таким образом, в подобных конструкциях значение приблизительности выражается дважды: *Ог куатьтон ёрос десятскойёс асьсэлэсь понятойёссэс нимын-нимын черекъяло* (М. Петров. Вуж Мултан. 161). ‘Около шести-десяти десятских выкрикивают своих понятых по именам’. *Ротаосын адямиез ог куамын пала гинэ кылемын ни* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 46). ‘В ротах осталось уже только около тридцати человек’. *Ланас улын ог куамын мында дась тусьёс люкаськемын ини* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 265). ‘Под навесом уже накопилось около тридцати готовых корыт’. *Ми кышкаса шораз учкиськом, кион но учке. Озыы ог вить минут мында сыйм, луоз* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 24). ‘Мы со страхом смотрим на него, и волк смотрит. Так стояли, наверное, примерно минут пять’;

б) сочетанием препозитивного *ог* ‘около’ и сочетания двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую: *Пöлазы кык ньльёс, соослы ог дас ньль-дас вить арес, дыр, ини* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 104). ‘Среди них две девочки, им, наверное, уже около четырнадцати-пятнадцати лет’. *Ог ньль-вить минут ёоже номыр валаны öз луы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 70). ‘В течение примерно четырех-пяти минут нельзя было ничего понять’. *Окопёслэсь ог кык-куинь иськем палэнынгес интыяськемын луыло соослэн возьмаськон интыоссы* (Н. Самсонов. Адзöн. 32). ‘Примерно на два-три километра в сторону от окопов расположены бывают места их охраны’. *Гудзёмын ог куать-сизьым адямиос* (В. Ар-Серги. Тулкымёс вылын – пыжед. 172). ‘В землянке примерно

ляется обычным порядком, тогда как порядок NQ ассоциируется с аппроксимативным значением».

шесть-семь человек'. *Со пияшлэн тичи дыръяз вордскем но ог дас кык-дас куинь арескозь улэм коркаез милесьтым кыдёкын ик ой вал ке но, понназгес сьлйз* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 51). 'Хоть дом, в котором этот мальчик родился и жил примерно до двенадцати-тринадцати лет, и был от нас недалеко, но стоял как-то особняком'. *Мынам чотаме-лыдьямея – ог куинь-ныль ар* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 32). 'По моим подсчетам – примерно три-четыре года'. Аналогичная модель представлена в некоторых тюркских языках: кбалк. *bir beA-altu* 'примерно пять-шесть' [СИГТЯ 1988: 198].

в) сочетанием *ог* 'около' с числительным, имеющим суффикс *-о (-ё)*: *Одйгез машина, со [Романов] вадьсы вуыса, бер колёсаосыныз музьем вылтйй чаж кыстйськыз но азьпалаз ог кызё вамыш кеме дугдйз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 232). 'Одна из машин, поравнявшись с ним [Романовым], заскрипела задними колёсами по земле и остановилась впереди него на расстоянии примерно двадцати шагов'. *Ог дасо минут ортчыса, школа палан тыл пери сильтёлъяське ни вал* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 18). 'Спустя около десяти минут, в стороне школы уже бушевала огненная буря'. *Николайлэн витъыны дырыз ой вал, райкомысь бертыкуз, ог дасо минутлы гинэ дораз кожаз* (Г. Перовошиков. Йыбыртты музьемлы. 106). 'У Николая не было времени ждать, по пути из райкома примерно только на десять минут заходил домой'. *Яратйз вал со [Герей] дышетйсьсэс, нош дышетскыны ог дасо нунал сяна оз кылды* (М. Петров. Вуж Мултан. 16). 'Полюбил было он [Герей] их учителя, но учиться больше чем около десяти дней не пришлось'. *Ог дасо минут ортчыса, вырйыл сьорысь син мальдымон яркыт жёуась фараос адзиськызы* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 93). 'Спустя примерно десять минут, из-за холма показались ярко горящие фары, слепящие глаза';

г) сочетанием *ог*, числительного с суффиксом *-о (-ё)* и послелога *мында, пала, ёрос, котыр, эсэп* 'около, примерно, приблизительно': *Больницае малпамтэ шорысь ог дасо мында*

егитъёс пыризы (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 124). ‘Неожиданно в больницу зашли около десяти молодых людей’. *Простыня вераны луонтэм кызжмемын, соин кин ке алигес гинэ ог дасо ёрос дэриесь сурон сапегъёсты чүшылэм кадь* (М. Петров. Вуж Мултан. 241). ‘Простыня несказанно измызгана, как будто ею кто-то недавно протер около десяти грязных кожаных сапог’. *Ондыръян агай ог кызё пала рамкаос вуттійз* (Н. Самсонов. Агбай. 375). ‘Дядя Андриян доставил около двадцати рамок’;

д) парными числительными (типа *кык-куинь* ‘два-три’), оформленными суффиксами *-о (-ё)*: *Арам но октэм бусы вылын дасо-сую чумолёос люкаськем адямиослы кельшо* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 25). ‘На сжатом и убранном поле десятки-сотни стожков похожи на скопление людей’. *Копак кӱсэктэм-жуммем, одйг уйскын, оло, кызё-куамыно ареслы сыркмем Тамара Михайловна эшишо курытгес лулзиз* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 61). ‘Тамара Михайловна, совсем измученная, а за одну ночь, быть может, постаревшая лет на двадцать-тридцать, очень горько вздохнула’.

Способ сочетания числительных, имеющих соответствующие суффиксы, выражающие приблизительность, встречается в мордовских языках: *кафтошка-колмошка* ‘около двух-трех’ [МК 2000: 96], *кавксть-колмоксть* ‘около двух-трех’, *нилексть-ветексть* ‘около четырех-пяти’ [ЭК 2000: 121]; манс. *n'ilaх-атахкем* ‘четыре-пять’ [Ромбандеева 1973: 97];

е) сочетанием числительного, имеющего суффикс *-о (-ё)*, с послелогоми *мында, пала, ёрос, котыр* ‘около, примерно, приблизительно’: *Дасо ар ёрос улэ уни со [Игошка] удмуртъёс пӱлын* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 37). ‘Около десяти лет уже живет он [Игошка] среди удмуртов’. *Мон кызё ар пала музъем-анай бордын* (Н. Самсонов. Адзон. 25). ‘Я около двадцати лет при земле-матушке’. *Соку азьпалтійм дасо пала коньыос музъем вылтій тэтчаса кошкызы* (Е. Загребин. Тулыс зор. 319). ‘Тогда передо мной по земле проскакали около десяти белок’;

ж) сочетанием двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую, с послелогоми *мында, пала, ёрос, котыр* ‘около, примерно, приблизительно’: *Солы [Машалы] дас сизьым-дас тямьс арес ёрос, дыр, уни* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 39). ‘Ей [Маше], наверное, уже около семнадцати-восемнадцати лет’. *Собере итымьсь кык-куинь чумолё мында кӧс куро нуллӱзы* (М. Лямин. Шудбур понна. 114). ‘Потом из овина возили около двух-трех стожков сухой соломы’. *Мон туж шумпотӱ, со эшме угось ог-кык ар мында ой ни адзылы* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 28). ‘Я очень обрадовалась, так как эту свою подругу уже примерно год-два не видела’. *Оломалы, кык-куинь арня пала городысь уг ке пота [Павел Игнатъевич], интыяз пукыны уг чида ни* (П. Чернов. Тулысысен сӱззылозь. 6). ‘Почему-то, если примерно две-три недели не выезжает из города [Павел Игнатъевич], ему уже не терпится сидеть на месте’. Подобная структура для выражения приблизительного значения отмечена в коми языке – *сӧ сизим-дас сайӧ* [ОКК 2000: 144]: *Оз вермыны нуны, и тайӧ ящиксӧ гуаласны Черныбсянь ӧкмыс-дас километра сайӧ* (Коми легенды и предания. 31). ‘Но нести не смогли, и этот ящик закопали в девяти-десяти километрах от Чернутьева’;

з) сочетанием *ог* с парными числительными, оформленными суффиксом аппроксимативного значения *-о (-ё)*: *Дырды вадьсы ог витё-куатё майыг йыгазы, йылзэс керттылӱзы* (Н. Самсонов. Уй пал симфония. 75). ‘Над желобом прибили около пяти-шести жердей, их концы связали’. *Ог куамыно-ныльдоно пол шоналскыса, ки быгытӧссэ но, куссэ но, сюлмызлэсь чӧмгес шуккиськемзэ но шӧдыны ӧдъяз Дима* (Е. Загребин. Тулыс зор. 371). ‘Размахнувшись примерно тридцать-сорок раз, Дима начал чувствовать и мышцы, и поясницу, и более частое биение своего сердца’;

и) сочетанием препозитивного *ог* с парными числительными, оформленными суффиксом *-о (-ё)*, плюс один из возможных вышеупомянутых послелогов: *Тани алигес газетазы гожтӱллям – фронтовояз-а, шай-а, патретсэ но поттӱллям, ог кы-*

зё – куамыно пала фашистьёсты турнам [Лазыр] (Р. Валишин. Тёл гурезь. 95). ‘Вот недавно в газете написали – во фронтовой, что ли, и портрет его поместили – примерно двадцать-тридцать фашистов уложил [Лазарь], оказывается’.

При выражении приблизительного количества встречаются такие случаи, когда в сочетании *одйг-кык* ‘один-два’ числительное *одйг* ‘один’ опускается, на его месте употребляется существительное, примерное количество которого указывается в данном сочетании (*толэзь-кык* ‘месяца два’, *арня-кык* ‘недели две’): *Ну, арнязэ-кыксэ ужаса утчалод, отйяз ачид тодод* (Г. Красильников. Тонэн кылыско. 223). ‘Ну, попробуешь поработать неделю-две, а там сам знаешь’; *Ар-кык мерттылэм берраз, картофка кидыссэ дьякон удмуртьёслы но вузаны чектылйз* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 52). ‘После года-двух посадки семена картофеля дьякон и удмуртам продавать предлагал’; *Арня-кык возыса, дораз лэзыны луоз уни* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 148). ‘Продержав примерно неделю-две, можно будет уже отпускать домой’; *Нош усътыз но [Павел Игнатъевич] – площадкакын, ёслэсь вамышлы-кыклы берлань сётйськыса, ёжытак гаёолскыса но пальпотыса, Кондрат Евсеевич сылэ* (П. Чернов. Тулысысен сйзыбылозь. 165). ‘Только открыл [Павел Игнатъевич] – а на площадке, отступив назад на шаг-два от дверей, немного откинув голову и улыбаясь, стоит Кондрат Евсеевич’; *Ординаторское кылемъёс минут-кык озгы шоры озгы учкыны дйсьтытэк сылйзы, собере Георгий Ильич, киоссэ вёлъяса, ымпумзэ кырыжтйз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 151). ‘Оставшиеся в ординаторской минуте-две постояли, не осмеливаясь посмотреть друг на друга, затем Георгий Ильич, разведя руками, скривил губы’.

Также встречаются случаи, когда значение приблизительного количества выражается с помощью сочетания *одйг-одйг*, *одйг-ог* (букв. ‘один-один’) со значением ‘один-два, несколько’: *Тулыс вуонэз шодыса, ныр вылаз [Олёшлэн] одйг-ог пужыос потйллям уни* (М. Петров. Вуж Мултан. 227). ‘Чувствуя прибли-

жение весны, на его [Алексея] носу уже появилось несколько веснушек'. Зэм, **одйг-ог** *комнатаосын урбоосыз вал на* (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 11). 'Действительно, в нескольких комнатах были еще клопы'. Али *тополь куаръёс пöлын одйг-ог чужектылэмъёсыз адзисько ни* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 8). 'Сейчас среди тополиных листьев уже видны несколько пожелтевших'. Володя *султыку, инбам чылкыт вал ини, одйг-ог йыромем пилемъёс гинэ инты шедьтытэк уяло* (Е. Загребин. Тулыс зор. 353). 'Когда Володя встал, небо уже было чистым, только несколько облаков плавало, не находя себе места'. Пуртовъёслэн *азьло быдэс юртысьтызы одйг-ог коръёссы сяна кылемын өвёл* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 88). 'От всего старого подворья Пуртовых осталось только несколько бревен'.

Это сочетание имеет тенденцию к адвербиализации, ибо возможны случаи его употребления с глаголами и отглагольными формами со значением 'иногда, немного': Мон *но со сярись одйг-одйг малпасько ик но* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музьемлы. 131). 'И я об этом подумываю иногда'. Нош *пересь номыр уг вера, одйг-ог мон шоры бездэм синъёсыныз учкылэ* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 241). 'А старик ничего не говорит, изредка на меня поглядывает своими поблекшими глазами'. Атабайысь *адымиос Москвае одйг-ог вуыло ик но, ваньмыз соос пересь акушеркалы очки вайыны вунэто, лэся* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 26). 'Люди из Атабая все-таки изредка бывают в Москве, но все они, видимо, забывают привезти очки старой акушерке'.

К этой же группе числительных можно отнести и сочетание, типа *кык-а, куинь-а* 'три или четыре', *нбыль-а, вить-а* 'четыре или пять', которые представляют из себя смежные числительные, имеющие вопросительную частицу *-а*, и также выражают приблизительное количество, ограниченное смежными числительными: *Кык-а, куинь-а бадзымесь сузетьёссэ азькышет пияз понйз [Герей]* (М. Петров. Вуж Мултан. 3). 'Две или три крупные кисти положил [Герей] себе за пазуху передника'.

Куинь-а, ньиль-а нунал ортчыса, тазьы ик сиськыса пукон ва-кытэ, доразы мастерзы вуиз (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 131). ‘Три или четыре дня спустя, также во время обеда, к ним подошел их мастер’. **Кык-а, куинь-а** арня ортчиз ини, кионъёс сое [пуныез] нуизы (Р. Валишин. Тёл гурезь. 106). ‘Две или три недели уже прошло, ее [собаку] волки унесли’. **Николай Егоровичлэн сотэк но ёыжыт бамъёсыз чылкак дарали луизы: со кык-а, куинь-а сюмык юиз ини** (П. Чернов. Тулысысен сй-зылыозь. 85). ‘И без этого румяные щеки Николая Егоровича совсем пунцовыми стали: он две или три рюмки уже выпил’.

Если приблизительное количество ограничено в пределах одного-двух, то числительное *одйг* ‘один’ иногда не употребляется, вопросительная частица *-а* присоединяется к существительному и числительному *кык* ‘два’: **Толзъ-а, кык-а** ортчыса, **Малмыжысь исправник ачиз Мултанэ** вуиз (М. Петров. Вуж Мултан. 233). ‘Спустя месяц или два, исправник из Малмыжа сам приехал в Мултан’. **Час-а, кык-а** ортчыса, **чалмыт луиз** (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 78). ‘Спустя час или два, стало тихо’. **Толзъ-а, кык-а** ортчыса, **соос гожтэт басьтйзы: Световидов Илья, тушмон котыртэме сюрыса, чиптэм-чаптэм ышем** (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 58). ‘Спустя месяц или два, они получили письмо: Световидов Илья, оказавшись в окружении врагов, пропал без вести’.

Сочетание числительных с частицей *-ö-* встречается также в коми языке: *нэль-ö-вит* ‘четыре или пять’, *кык-ö-куим* ‘два или три’ [Кя 1998: 224; ÖКК 2000: 143]: **Кыкнанныс кайöны вöрö и сэнй куим-ö-нэль верст мысти вошöны вöрас** (Коми легенды и предания. 33). ‘Обе идут через лес и там через три-четыре версты теряются’. **Менам дзоля дырйи, меным вöли, гашкö, вит-ö-квйит арöс, мян батыяс ветлісны корсьны сійö жыннянсö, абу и сюрöма** (Коми легенды и предания. 104). ‘Когда я был еще маленьким, мне всего было пять или шесть, мой отец с товарищами ходили искать этот колокол, но не нашли его’.

Значение приблизительности выражается также использованием множественного числа существительного. Это один из тех редких случаев, когда в сочетании с именем числительным возможно употребление во множественном числе и нумеративов: *Тйледлы эшишо куамын аръёс улыны кулэ на* (М. Петров. Вуж Мултан. 103). ‘Вам еще нужно прожить лет тридцать’. *Кöня со [кран], куинь тоннаос ёсутэ, дыр* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 161). ‘Сколько он [кран], около трех тонн поднимает, наверное’. *Ма, кызыы, пе, йёскадь улуд – Прокор, колхозын азьтэм ужаменыз, витьтон манетьёс яке самой троссэ тымыстон гинэ басьяллыз бере* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 118). ‘Ну, как-де нормально будешь жить – раз Прохор из-за лени работать в колхозе получал только рублей пятьдесят или самое большее восемьдесят’. *Захарычлы, нырысь учкемен, кызь вить аресъёс луэ вал сётыны* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 42). ‘Захарычу с первого взгляда можно было дать лет двадцать пять’.

Довольно широко в разговорной речи распространен способ выражения приблизительного значения путём маркирования имени числительного показателем множественного числа, при этом существительное лишь подразумевается, ибо оно в большинстве случаев известно из контекста: *Ну, тодэлэ, көня аресмыным? – Ну-у... куамын витьёс... куамын куатьёс* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 135). ‘Ну, угадайте, сколько мне лет? – Ну-у, примерно тридцать пять... тридцать шесть’. *Пи-яшлы аслыз соку дас витьёс сяна ой вал* (П. Чернов. Дор. 19). ‘Юноше самому тогда было только около пятнадцати’. *Мон кык книга басъти, куиньёс басътысал на*. ‘Купила две книги, ещё купила бы около трех (книг)’. Числительное во множественном числе выражает приблизительность в финском языке: “Kongruoivakin monikollinen numeraali voidaan tulkita likimääräisyyttä ilmaisevaksi ja siten merkitykseltäänkin monikolliseksi: *Keskustaa*

halutaan parantaa kymmenin eri keinoin viihtyisämmäksi paikka-ksi”¹⁶ [ISK 2005: 753].

Этот же способ – употребление имени числительного с показателем множественного числа – используется и при выражении примерного, неточного времени, когда может происходить действие: *Пеймыт луэм бере, жьыт дас одӱгъёсы, нош ик скулэм шуг луыны ӱдъяз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 195). ‘После того как стемнело, вечером примерно около одиннадцати, снова на сердце начала появляться тревога’.

Приблизительность аффиксом множественного числа *-lar / -lär* выражается также в диалектах татарского языка: *7älär* ‘около трех’, *onlar* ‘около десяти’ [СИГТЯ 1988: 196]; возможно использование в башкирском языке: *скэкт һуғеллқрлқ* ‘часов в восемь’, *айзың ун |сткрэндк* ‘числа тринадцатого’ [Дмитриев 1948: 94].

Таким образом, среди количественных числительных можно выделить отдельную лексико-грамматическую группу, отличающуюся семантически (выражает значение неточного, приблизительного счета, ограниченного обозначенным количеством), морфологически (имеется достаточно широкий спектр синтетических и аналитических способов выражения данного значения) и синтаксически (можно отметить ряд особенностей употребления числительных данной группы с именами существительными) – группу числительных приблизительного счета.

¹⁶ «Согласующееся имя числительное во множественном числе можно трактовать как выражающее приблизительность и являющимся множественным по значению: *Центр хотят преобразовать десятками разных способов в более уютное место*».

3.2.4. Дробные числительные

Дробные числительные представляют собой один из рядов количественных числительных, так как и те и другие обозначают количество предметов и явлений. Разница состоит лишь в семантике, ибо дробные числительные обозначают не целое число и целые предметы, явления, а их части.

В финно-угорском праязыке разряд дробных числительных, по-видимому, отсутствовал, ибо во всех современных языках представлены разнообразные способы их образования, хотя зачастую они оказываются типологически сходными по своей структуре.

По своему составу дробные числительные являются сочетанием количественных числительных, одно из которых является числителем, другое знаменателем. К числительному, выступающему в роли знаменателя, присоединяется суффикс *-мос*: *вить дасмос* ‘пять десятых’, *оди́г куиньмос* ‘одна третья’: *Пудо вордон кык куиньмоссэ доходэз сётэ* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 79). ‘Животноводство даёт две трети дохода’. *Соин ми ваньзэ ог куиньмослы кулэстй́м, сюбегатй́м* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 13). ‘Поэтому мы все примерно на треть уменьшили, сузили’. *Тани алигес ортчем совещаниын Степанов куинь ньыльмос веранзэ азьвыл басьтэм азинсконьёслы сйизиз* (Т. Архипов. Луджи шур дурын-2. 168). ‘Вот на прошедшем недавно совещании Степанов три четверти доклада посвятил достигнутым ранее успехам’. *Озы бере, вай тазыы учком: войналэсь азьвыл тракторьёс гырон-кизёнэз одй́г ньыльмоссэ гинэ быдэсьязы* (Т. Архипов. Луджи шур дурын-2. 168). ‘Раз так, давай следующим образом посмотрим: до войны тракторы выполняли лишь одну четверть весенних полевых работ’.

При склонении по падежам изменению подвергается только числительное, выражающее знаменатель дроби, имеющее суффикс *-мос*:

Им.	<i>кык куиньмос</i>
Вин.	<i>кык куиньмосэз</i>
Род.	<i>кык куиньмослэн</i>
Раздел.	<i>кык куиньмослэсь</i>
Дат.	<i>кык куиньмослы</i>
Лиш.	<i>кык куиньмостэк</i>
Твор.	<i>кык куиньмосэн</i>
Соотв.	<i>кык куиньмосья</i>
Местн.	<i>кык куиньмосын</i>
Входн.	<i>кык куиньмосэ</i>
Исходн.	<i>кык куиньмосысь</i>
Отдал.	<i>кык куиньмосысен</i>
Перех.	<i>кык куиньмосэтй</i>
Пределън.	<i>кык куиньмосозь</i>
Направ.	<i>кык куиньмослань</i>

Приведенные формы дробных числительных являются грамматически возможными, но не все они практически употребляются в речи.

В большинстве случаев в дробных числительных, числитель которых равен одному, числитель опускается, употребляется только знаменатель с показателем *-мос*: *Захарлэн нуллэм сион-юонэз пöлысь дасмосэз но отчы уг мыны* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 102). ‘Из увозимых Захаром продуктов и десятая часть туда не уходит’.

Дробные числа, имеющие целую часть, в удмуртском языке обозначаются следующим образом: в начале ставится числительное, обозначающее целую часть, затем следует слово *быдэс* ‘целый, целое’, союз *но* ‘и’ плюс числительные, обозначающие числитель и знаменатель (*кык быдэс но куинь дасмос* ‘две целых и три десятых’, *нвыль быдэс но кык витьмос* ‘четыре целых и две пятых’).

Возможны также варианты, когда слово *быдэс* ‘целый, целое’ выпадает, остаются лишь числовые обозначения дроби, свя-

занные между собой соединительным союзом *но* ‘и’: *Миым соос кутсаллям кык но сизыым дасмос центнер жег, одйг но сизыым дасмос центнер валэс юос* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 179). ‘В прошлом году они, оказывается, намолотили две [целых] и семь десятых центнера ржи, одну и семь десятых яровых зерновых’. *Гектарезлы быдэ одйг но кык дасмос тонна кыед шедэ* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 52). ‘На каждый гектар попадает одна и две десятых тонны навоза’. *Озыы со [кукуруза] центнерез, этйн сярысь, кык но куать дасмослы дуно усе* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 122). ‘Так её [кукурузы] центнер, по сравнению со льном, выходит дороже на две и шесть десятых’.

Целые числа и дроби при них в коми языке выражаются следующим образом: целое число, союз *да* ‘и’ и дробь плюс *юкён*, например: *вит да кык коймөд юкён* ‘пять целых две третьих’ (букв. ‘пять и две третьих части’) [СКЯ 1955: 184]. Слово *юкён* употребляется со значением ‘часть’. Нужно также обратить внимание на то, что в коми языке знаменатель дроби является порядковым числительным. Ф. И. Видеманн и в удмуртском языке отмечал аналогичную конструкцию: $1/3$ *kviñmeti juket* (*l'uket*), $1/10$ *daseti juket* (*l'uket*) [Wiedemann 1884: 156].

Использование порядкового числительного в образовании дробных числительных – широко распространенное явление в различных языках, хоть в целом для современного удмуртского языка и нехарактерное, но представленное в диалектах: кукм. *күн' бьдэс но кьк с'из'эмэти* ‘три целых две седьмых’ [Кельмаков 1998: 134].

Наличие собственно морфологического способа выражения дробных значений весьма не характерно для финно-угорских языков. Именно отсутствие изменения морфологической формы слова для образования дробных числительных затрудняет их интерпретацию для исследователей коми языка [Федюнева 1990: 29].

Не используется порядковое числительное для выражения знаменателя дроби и в большинстве тюркских языков. Здесь представлены исходный и местный падежи числительных [Дмитриев 1948: 93].

Во многих языках, однако, этот способ является основным, к примеру, в чувашском языке, где «дробные числительные образуются посредством прибавления к количественному числительному в полной форме (числителю) порядкового числительного (знаменателя), например, *иккĕ виççĕмĕш* ‘две третьих’, *виççĕ тиллĕкмĕш* ‘три пятых’» [Андреев 1966: 51]. Эта форма дробного числительного чувашского языка, вероятно, могла бы послужить исходной конструкцией для образования аналогичной формы в удмуртском языке. Соответственно, если рассмотреть состав знаменателя дробного числительного в удмуртском языке, то выясняется, что оно также выражено с помощью суффикса порядкового числительного, заимствованного из чувашского (-*мĕш* > -*мос*), но в удмуртском языке данный суффикс уже не имеет значения порядковости, употребляясь исключительно для образования знаменателя дробного числительного.

И. С. Галкин [1964: 106] указывает на родство суффикса дробного числительного -*мос* удмуртского языка с суффиксом порядкового числительного -*ымше* (-*о*, -*ö*) в марийском языке, утверждая, что образуются они уже после распада финно-угорской языковой общности, ибо не обнаруживаются параллели в других финно-угорских языках, а суффикс порядкового числительного -*мĕш* чувашского языка «очевидно, возник под влиянием марийского языка» [Галкин 1964: 107]. М. Р. Федотов, напротив, указывает на генетическое соответствие чувашского аффикса -*мĕш* с тюркским -*нч* и якутским -*с* порядковых числительных, таким образом, «марийские регулярные суффиксы порядковых числительных -*ымше* (-*о*, -*ö*), -*шы*, а также удмуртский -*мос*, нужно рассматривать как языковые приобретения булгаро-чувашского происхождения, относящиеся к самым ранним временам интенсивного культурно-экономического влияния

булгар на своих соседей – предков мари и удмуртов» [Федотов 1968: 44].

Таким образом, на данном примере наблюдаем заимствование формообразующего суффикса числительных из чувашского марийским языком (чув. *-мӑш/-мӑш ~ -мӑшӗ/-мӑшӗ* > *мар. -ымше* [Федотов 1990: 105]), а также и удмуртским языком, при этом в удмуртском сохраняется свой суффикс порядкового числительного, заимствованный формант используется лишь в образовании дробного числительного.

Слово ‘часть’ в образовании дробного числительного используется и в финском языке: *yksi kahdes / osa* ‘одна вторая (часть)’, *kaksi kolmas / osaa* ‘две третьих (части)’, *viisi kuudes / osaa* ‘пять шестых (частей)’ [Ikola 2000: 45]; манс. *akw n'ilit lōmt* ‘одна четвертая часть’ [Ромбандеева 1973: 97]; а в знаменателе, как и в коми, используется порядковое числительное. Подобную структурную модель знаменателя порядковое числительное + ‘часть’, хоть и нечасто, но встречаем и в удмуртском языке: *Но ведь али чебередлэсь ог миллионэти люкетсэ гинэ адзисько* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 83). ‘Но ведь сейчас вижу только одну миллионную часть твоей красоты’.

Понятие ‘половина’ в удмуртском языке выражается словом *жыны*: *Азьмынйсь бригадаос али ик уни планъёссэс жыны арлы но быдэс арлы азьпалтыса мыно* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 221). ‘Передовые бригады уже сейчас идут, опережая свои планы на полгода и на целый год’. *Жыны метр зӧкталаем йӧ ваменак чигиз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 188). ‘Лёд толщиной в полметра раскололся пополам’. *Одӱг кыл гожтэ но жыны час малпаськыса пуке* [Николай] (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 46). ‘Пишет одно слово и полчаса сидит [Николай] в размышлениях’. *Тани куд-огез жыны часлы жегаса вуизы* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 63). ‘Вот некоторые пришли с опозданием на полчаса’.

При обозначении дроби, имеющей целую часть, слово *жыны* ставится после названия целого числа и союза *но* ‘и’ (*кык но*

жыны ‘два с половиной’, букв. ‘два и половина’): *Етйн кык но жыны пол дунтэм* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 122). ‘Лён в два с половиной раза дешевле’. *Гектараз одйг тонна яке одйг но жыны* (Г. Перовщиков. Йыбыртты музейемлы. 24). ‘С гектара одна тонна или полторы тонны’ (букв. ‘одна и половина’). *Нуналаз одйг но жыны сяна ум гождтйське* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 197). ‘В день записываем только один с половиной’.

В финском языке для выражения подобного значения используется слово *puoli* ‘половина’. Сама грамматическая конструкция по своему составу эквивалентна удмуртской модели: *kaksi ja puoli* ‘два и половина’, *puoli tuntia* ‘полчаса’. В мордовских языках используются слова *пель* / *пяле* ‘половина’, *марто* / *мархта* ‘с’: *колмо пель марто* / *колма пяле мархта* ‘два с половиной’ [Кочеткова 1999: 15].

При сочетании с существительными слово *жыны* ‘половина’ может стоять в различных позициях:

а) впереди существительного, если выражается понятие ‘пол, половина’: *Загребинлэсь вордскем нуналэ Тонялэсь тодыса, Олён кенак жыны ведра чöжи нуиз* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 74). ‘Узнав от Тони о дне рождения Загребина, тётя Алёна унесла полведра молозива’. *Николай жыны стакан лэзиз но чаляк юиз* (Г. Перовщиков. Йыбыртты музейемлы. 81). ‘Николай налил полстакана и быстро выпил’. *Лысое самолётэн берттй но жыны нунал аэродромын турын вылын кылли* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 13). ‘Вернулся в Лысо на самолёте и полдня лежал на траве на аэродроме’.

Аналогичный способ используется и в коми языке, где понятие ‘половина’ выражается словом *джын*: *джын дон* ‘полцены’, *джын туй* ‘полпути’, *джын мыж* ‘полвины’ [СКЯ 1955: 184];

б) после существительного, если нужно выразить понятие ‘целое плюс половина – полтора’; между ними ставится союз *но* ‘и’: *Карцерлэн кузьдалаез но пасьталаез метр но жыны* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 23). ‘Длина и ширина карцера

полтора метра (метр и половина)’. *Бусы сюрес кузя иськем но жсыны тубемзы бере, сюрес нюлэскы пыкьяськиз* (Н. Самсонов. Агбай. 365). ‘После того, как поднялись по полевой дороге полтора километра, дорога врезалась в лес’.

Встречается еще другая модель для выражения этого же значения: существительное стоит в творительном падеже единственного числа, к нему присоединяется слово *жсыны* в основной форме или в творительном же падеже единственного числа (*ведраен жсыны* или *ведраен жсыныен* ‘полтора ведра’, *километрен жсыны* или *километрен жсыныен* ‘полтора километра’): *Толэзен жсыны ортчыса, Маня лыз сатин дэрем, сьод сукнолэсь выль костюм но тямьс сэрего фуражка вуриз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 21). ‘Спустя полтора месяца, Маня сшила синюю сатиновую рубашку, новый костюм из черного сукна и восьмиугольную фуражку’. *Тыриз-тыриз, манетэн жсыныен уг окмы на* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 295). ‘Платил-платил, еще не хватает полтора рубля’. *Нош Надя арен жсыныен гожъяз солы, посылкаос ялан лэзьяз* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 35). ‘А Надя полтора года ему писала, постоянно отправляла посылки’. *«Югдонэ» Виктор Лукьянов арен жсыныен талэсь азьло вуиз* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музьемлы. 49). ‘В «Югдон» Виктор Лукьянов прибыл полтора года тому назад’. *Берло уни, арен жсыныен пала ортчыса, Нюра та пумысен, ассэ ачиз куре уськытыса, пальышак потыллоз* (Н. Самсонов. Агбай. 280). ‘Уже позже, спустя примерно полтора года, Нюра по этому поводу, обвиняя себя, будет улыбаться’. *Жоже уськытйзы ке но, мон озьы ой лэсьты, толэзен жсынйнын уждун басьтытэк улий* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 216). ‘Хоть и обидели, я так не поступил, полтора месяца жил, не получая зарплаты’.

Вышеназванные конструкции могут быть дополнены также союзом *но* ‘и’: *Лёнька кык-куинь кадрзэ шальк! каре но кошкыны кариське, котькуд анай-атайлэсь манет но жсыныен бичалоды, пе* (Н. Самсонов. Агбай. 280). ‘Лёнька щелкает два-три

кадра и готовится уходить, с каждого родителя соберете, мол, по рублю с половиной’.

Такая же модель присутствует в коми языке: *воён-джын-йён* ‘полтора года’, *ведраён джынийён* ‘полтора ведра’ [СКЯ 1955: 184].

Показатель дробных числительных *-мос* несет в себе значение не только ‘часть целого’, но и в ряде случаев используется при выражении семантики в ‘столько-то раз’, показывая кратность: *Пунэмен сёто ке, куиньмос золто но тонэ ик пыкыло, зеч каремез, пе, уд валаське* (М. Петров. Вуж Мултан. 83). ‘Если дают в долг, вытягивают втрое больше и тебя же упрекают, что не понимаете-де добра’. *Мишадэс шудыны лэзё, Федор Семёнович, бертэмдылы шумпотонэз кыкмос мед луоз* (М. Петров. Вуж Мултан. 294). ‘Мише вашему разрешу играть, Федор Семёнович, пусть его радость вашему приезду будет двойная’.

3.2.5. Собираемые числительные и счётно-личные местоимения

В удмуртском языке выделяется группа слов, которая образуется от количественных числительных, обозначающих единицы и реже десятки, с помощью аффикса *-на-* и притяжательных суффиксов *-мы, -ды, -зы*. Семантика числительных в них остается довольно весомой, но одновременно данные словоформы выражают и лицо, т. е. прономинализуются: *Кыкназы ик пегзиллям но татчы асьме пальёсы лыктйллям* (М. Петров. Вуж Мултан. 13). ‘Оба они сбежали, оказывается, и пришли сюда в наши края’. *Собере, спичка жёуатъяса, маке утчаз [Быков] но, Яшкаен кыкназы ик кытчы ке кошкызы* (М. Петров. Вуж Мултан. 123). ‘Потом, зажигая спички, он [Быков] что-то искал, и они с Яшкой оба куда-то ушли’. *Ваче син учкымы но кыкнамы ик марлэсь ке возьдаськымы* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 314). ‘Мы посмотрели друг другу в глаза, и оба чего-то

постеснялись'. *Ньыльназы* *ик со уе чырым но ѓз каре, куашкам юртлэн укноетїз учкызы пеймытэ* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 47). 'Все четверо в ту ночь и глаз не сомкнули, из окна развалившегося дома смотрели в темноту'. *Кыкнадэс* *сю пол чупасько. Гожтэттэс но, асьтэды но витисько* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музъемлы. 75). 'Обоих вас сто раз целую. Жду и вашего письма, и вас самих'.

От числительного *одїг* 'один', которое чаще всего употребляется в усеченной форме *ог-*, слова данной категории образуются с помощью притяжательных суффиксов единственного и множественного числа, указывая на единичность (ограниченность в пределах одного лица) или ограниченно-собирательное количество лиц, связанных между собой определенными отношениями (*огнам* 'я один', *огнад* 'ты один', *огназ* 'он один', *огнамы* 'мы одни', *огнады* 'вы одни', *огназы* 'они одни'): Романов *огназ* *кылиз ке но, мылкыдыз капчи* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 113). 'Хоть Романов и остался один, но настроение у него хорошее'. Пинальёсме *огназэс эн кельты, Сергей* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 66). 'Моих детей одних не оставляй, Сергей'. Эх, *огнам* *ке луысал, мон али эктыса лэзысал, дыр* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 243). 'Эх, если бы я был один, я бы сейчас, наверное, пустился в пляс'. Чоркак *огнад* *улны мōзмыт, дыр* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музъемлы. 54). 'Совсем одной тебе жить грустно, наверное'. *Учке ай тани, оген венез гинэ но їсутыны секыт, шуо. Нош тї весь огнады, огнады* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музъемлы. 181). 'Вот смотрите-ка, одному даже иголку поднять тяжело, говорят. А вы все одни, одни'.

Слова этого типа авторами научной грамматики интерпретированы как собирательно-личные числительные с основным акцентом на том, что семантика числительных в них весьма весома [ГСУЯ 1962: 160].

Подобная категория слов, образованных от имен числительных с помощью суффикса *-нан-* и лично-притяжательного маркера, называемая счетно-личными местоимениями, суще-

ствуует и в коми языке (*кыкнанным* ‘мы вдвоем’, *нѣльнанным* ‘мы вчетвером’ [ÖKK 2000: 147]. К собирательным числительным в коми языке относят такие числительные, которые образуются лишь с помощью суффикса *-нан* и обозначают совокупность предметов, рассматриваемых как одно целое. Эти числительные не имеют при себе лично-притяжательного суффикса [ÖKK 2000: 146]: *Кыкнан лызьсö кö вöчис эськö, сэсса эз нин вермы сувтлыны, му мöдарö эськö и лэбöдис* (Коми легенды и предания. 61). ‘Если бы обе лыжины сделал из этого дерева, то уже не смог бы остановиться, на другую сторону земли унесло бы’. *Кыкнан письыс керкасö колис ыджыдыслы*. ‘Из двух сыновей дом оставил старшему’. Сравним сочетания: *нѣльнан вокыс ударникъяс* ‘все четыре брата его ударники’, *куимнаныс уджалісны зіля* ‘все трое работали прилежно’. Сочетающееся с собирательным числительным существительное в коми языке, как отмечают исследователи, всегда употребляется с притяжательным суффиксом.

В свою очередь выделяют разряды обобщительных и лично-обобщительных числительных и в коми-пермяцком языке. Различие в двух этих группах также состоит в отсутствии или наличии лично-притяжательного суффикса: *Нія кыкнанныс велöтчöны школаын*. ‘Оба они учатся в школе’; *Кватънан классыс вöлісö ыджытöсь да югытöсь*. ‘Все шесть классов были большими и светлыми’ [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 36)].

Выделяется разряд счетно-личных местоимений с собирательно-ограничительной семантикой и в мордовских языках. Образуются они путем присоединения лично-притяжательных суффиксов к разделительным числительным на *-нь*: *кафонест // кавтонест* ‘они вдвоем’, *колмонент // колмоненк* ‘вы втроем’ [Феоктистов 1975: 311]. Собирательные числительные образуются путем присоединения суффиксов *-цьке*, *-кс(не)*, *-нц*, *-нъц // нст*: м. *кафтоксне* ‘оба’, *колмонц//колмонст* ‘три пары’ и т. д. [Феоктистов 1975: 306].

Существует такая группа отнумеральных слов и в марийском языке: *когынняян* ‘обоих нас’, *кумынняян* ‘троих нас’ [СМЯ 1961: 129]. Эти числительные названы совместными, они употребляются только в трех косвенных падежах (родительном, дательном, винительном) и только с притяжательными суффиксами [Коведяева 1993: 157]. Анализируя категорию притяжательности имен числительных марийского языка, исследователи суффиксы, выражающие притяжательность, называют словоизменительными формами [Игнаева 1999: 73]. В то же время в марийском языке есть обобщительные числительные и без притяжательного суффикса: *когынь*, *коктын* ‘двое’ [Галкин 1965: 197].

Будучи оформленными посессивными суффиксами, количественные числительные имеют значение лично-собирательных в селькупском языке: *покурмут* ‘мы втроем’, *tettylyt* ‘вы вчетвером’, *sompylatyt* ‘они впятером’ [Быконя 1997: 58; Кузнецова 1980: 287].

Считается, что суффикс *-на* удмуртского языка находится в генетическом родстве с элементом собирательных числительных во многих финно-угорских языках: венг. *kett-en* ‘вдвоем’, *harm-an* ‘втроем’; фин. *kahd-en* ‘вдвоем’, *kolm-en* ‘втроем’; манс. *kit-an* ‘вдвоем’, *harm-an* ‘втроем’, *nil-an* ‘вчетвером’; хант. *nzl-na* ‘вчетвером’, *xot-na* ‘вшестером’ [Серебренников 1963: 229].

Нужно обратить внимание на то, что рассматриваемые числительные финно-угорских языков, названные собирательными (обобщительными), не имеют притяжательных суффиксов и, соответственно, не обозначают лица.

В. И. Алатырев относит подобную группу слов удмуртского языка к счетно-личным местоимениям (как и в коми языке) [Алатырев 1983: 575]. Аргументировать данное положение можно следующими доводами:

а) как и группы личных местоимений, рассматриваемые слова указывают на конкретное лицо: *Тйни озьы, тэзка, асьмелы кыкнамьлы ик өз удалты* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 213). ‘Вот так, тезка, нам с тобой обоим не повезло’; *Кезьыт суй*

вылын кылле огназ [Володя] (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 86). 'На холодной земле лежит он [Володя] один'. В первом предложении есть указание на первое лицо множественного числа (мы), а во втором – на третье лицо единственного числа (он);

б) склоняются они так же, как и имена существительные, имеющие притяжательные суффиксы, но, как и личные местоимения и одушевленные существительные, только по девяти падежам, не принимая форм местных падежей, кроме направительного: *куиньназылань* 'в сторону их троих', *ныльнадылань* 'в сторону вас четверых'.

Личные местоимения и существительные, обозначающие одушевленные предметы, при сочетании с этими словами употребляются во множественном числе (исключение составляют формы *огнам* 'я один', *огнад* 'ты один', *огназ* 'он один'). Они согласуются друг с другом в падеже, с местоимениями – в падеже и в лице (в случае с формами, образованными от числительного *ог*, *одйг* 'один' согласование идет и в числе): *Мон огнам өвёл, мон сяна но адымиос вань на* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 274). 'Я не один, есть люди и помимо меня'. *Секыт тыныд огнадлы, шөдйсько мон* (М. Петров. Вуж Мултан. 24). 'Трудно тебе одному, чувствую я'. *Герейлэн валэз доры мыныса, соос куиньназы ик лабрес беризь улэ пуксизы* (М. Петров. Вуж Мултан. 56). 'Подойдя к лошади Гереея, они все трое сели под развесистую липу'. *Шудыса жадем бере, арганме кузёезлы берыктйсько но, ми куатьнамы гурт сьорысь пичигес вырйылэ тубиськом* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 58). 'Устав играть, возвращаю гармонь его хозяину, и мы вшестером поднимаемся на небольшую возвышенность за деревней'.

Имея притяжательные суффиксы, указывающие на лицо, рассматриваемые слова могут употребляться и без личных местоимений и существительных: *А-а, тйни зигёсыз вискин пуке* [Анна], *одйгеныз мар ке вераське, собере кыкназы ик мон шоры учкизы но серекъязы* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 293). 'А-а, вон сидит между подругами [Анна], с одной о чем-то бесе-

дует, потом обе посмотрели в мою сторону и рассмеялись’. **Кыкназы** ик [Арсений но Генка] семьяязы воргорон интые кылемын, **кыкназы** ик школаын дышетсконзэс вазь куштоно луиллям (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 296). ‘Оба [Арсений и Генка] остались в семье на месте мужчины, обоим рано пришлось бросить учебу’. **Маке кыкназы** ик [Яшкаен Даша] вуысь потэм кадь сыло (М. Петров. Вуж Мултан. 171). ‘Что-то оба [Яшка и Даша] стоят, как вышедшие из воды’. **Куиньназэсты** ик веськытяз Иськан, вашкалаослэн лулъёссы доры келяз (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 143). ‘Всех троих побил их Иськан, отправил к душам предков’.

Возможность самостоятельного употребления подобных словоформ (без местоимения или существительного) отмечена и в коми языках: кп. **Куимнанным** вöлімö öтпöвсöн. ‘Все трое мы были без пальто’. **Кыкнаннымöс** пригласитісö йöктыны. ‘Обеих нас пригласили танцевать’ [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 36)]; кз. **Öтиыс** вöлöма ягйывса, мöдыс сьöласа. **Кыкнанныс** быттö тöдысь (Коми легенды и предания. 109). ‘Один был из починка Ягйыв, второй – из починка Сьэла. Оба знахари’.

Существительное в сочетании с данными словами может употребляться в форме творительного падежа: **Часовоен кыкназы** соос тусь лэсьтыны кутскизы (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 262). ‘Они с Часовым оба принялись делать корыто’. **Олексан агай ми доры лыктіз но Генкаен кыкнамылэсь** киосмес кутыліз (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 328). ‘Олексан агай подошел к нам и у нас обоих с Генкой пожал руки’. **Куддыръя – асьсэ коже, Оляеныз но Сашикеныз куиньназы** гинэ, **куддыръя – кык-куинь** семья люкаськыса (Г. Перевошиков. Йыбыртты музьемлы. 104). ‘Иногда – только втроем с Олей и с Сашиком, иногда – собравшись с двумя-тремя семьями’.

Наряду с формами **кыкнамы** ‘мы оба’, **кыкназы** ‘оба, они двое’, **кыкнады** ‘вы оба’ довольно часто употребляются усеченные формы **кыкмы**, **кыксы** и **кыкты**, представляющие собой слияние числительного с притяжательным суффиксом (без суф-

фикса *-на-*): **Кыксы** *но улэпесь* [Даша *но* Гриша], *нош улонзэс лэстыны уг быгато* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 21). ‘Оба они живы [Даша и Гриша], а жизнь свою устроить не могут’. *Табере шуоды – семья: кыкмы* *ик кивалтйсь лубыны ум быгатйське* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 199). ‘Теперь скажете – семья: мы оба не можем быть руководителями’. *Тылошуре бертыса сюан ортчытыны чаклам нуналамы кыкмы* *ик фронтэ кошким* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 230). ‘Вернувшись в Тылошур, в предполагаемый день свадьбы мы оба ушли на фронт’. Подобные сокращенные формы от других числительных также возможны, но употребляются сравнительно редко.

С вышеуказанными конструкциями, достаточно часто выступающими в форме различных косвенных падежей, употребляются усилительные частицы *ик, но*: *Владимирлы соос нош ик, кёня пол ини, туж мусо адскизы, кыксэс ик* *зыгыртыса вешаз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 153). ‘И снова, уже в который раз, Владимиру они показались очень милыми, обоим он, обняв, похлопал [по спине]’. *Кык эшъёс бере, кыктылэн но* *казак дыр съёлыкьёсты озвыллемесь вал, дыр* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 151). ‘Раз вы два друга, у вас обоих грехи молодости, наверное, были одинаковыми’. **Кыксылэн но** *уго лушкем малпанъёссы вал* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 19). ‘Ведь у них обоих были свои тайные мысли’. *Райкомын нырысь бертылыкуз шуо вал: кыктылы ик* *Пудгала, пе, ужаны инты шедьтом, юрттом* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 84). ‘Во время первого приезда в райкоме говорили: вам обоим, мол, найдем место работы в Пудге, поможем’. *Нош Татьяна кыкенызы но* *серекъяса, номыре валатэк-а, валамтэ-яськытэк-а вераськыз* (П. Чернов. Дор. 240). ‘А Татьяна с ними обоими разговаривала смеясь, либо ничего не понимая, либо прикидываясь непонимающей’.

Возможны формы местоимений с лично-притяжательным суффиксом и от числительного *ог, одйг* ‘один’: *Вот озвы, мы-*

нам мусоосы, чүказе, **одійды** но кыльытэк, – возь вылэ (В. Садовников. Кошкизы но – өз берытске. 115). ‘Вот так, мои милые, завтра все вы до единого – на луг’.

Использование притяжательного суффикса для выражения собирательной множественности не является исключительно финно-угорской языковой чертой, так, к примеру, аналогичные словоформы представлены и в тюркских языках: азерб. *Алтымыз* ‘мы шестером’, *икимиз* ‘мы вдвоем’; тат. *икібіз* ‘мы двое’ и т. д. [Серебрянников, Гаджиева 1986: 131]; чув. *виçсёмёр* ‘мы трое’, *виçсёр* ‘вы трое’, *виçсёше* ‘они трое’ [Андреев 1997: 485].

Кроме словоформ, которые образуются от числительных с помощью аффикса *-на-* и притяжательного суффикса, в удмуртском языке встречаются формы без притяжательных суффиксов: *Арамаетй гинэ өвёл, нюлэстй но утказы, кыкна тыосты сйсьяса потйзы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 85). ‘Не только в роще, но и в лесу поискали, прочесали оба озера’. *Клава нош ик горд палэзь кадь луиз, кыкна кыныз мёля бордаз кутйськыса, берлань чигназ, велосипедэз сюрес вылэ пограз* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музеймы. 56). ‘Клава снова покраснела, как рябина, прижав обе руки к груди, попятилась назад, велосипед ее упал на дорогу’. *Соиз [Дулов] Николайлэсь верамзэ но пумозяз өз кылы ни, «сётскиз», кыкна кизэ вылланы жьсутйз* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музеймы. 82). ‘Тот [Дулов] даже не стал слушать до конца Николая, «сдался», поднял вверх обе руки’. *Вашкала чүшкон вылын кечат-вамат гожьёс, кыкна пумаз но чукъёс* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 13). ‘На старинном полотенце полосы крест-накрест, на обоих концах кисточки’.

В данном случае существительное, которое стоит после числительного и является определяемым словом, может иметь притяжательный суффикс. Подобная форма, как уже указывалось выше, имеется в коми языке и относится к собирательным числительным.

Можно выделить форму, образованную от количественного числительного с помощью аффиксов *-на-* и *-из* и изменяющую-

юся по падежам: *Кибитка пушкы аркерей куиньнаиныз* ик *ляльчиосыныз огинэ тэро* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 44). 'В кибитку архиерей вмещается вместе со всеми своими тремя слугами'. *Кыкназэ пидэ дышеты*. 'Выучи обоих своих сыновей'.

Как и в предыдущем случае, существительное имеет притяжательный суффикс, числительное с аффиксом *-на-* согласуется с существительным в падеже (*куиньнаиныз ляльчиосыныз, кыкназэ пидэ*), но нет согласования в числе. Как уже говорилось, прономинализуются такие формы, которые образуются от числительных с аффиксом *-на-* и притяжательными суффиксами *-мы, -ды, -зы* множественного числа.

Начальная форма (именительный падеж) вышеупомянутых форм приводится к *куиньнаиз ляльчиосыз* 'все трое его слуг', *кыкнаиз пидэ* 'оба твоих сына', наряду с этим можно образовать счетно-личные местоимения третьего лица *куиньназы ляльчиосыз* 'все трое его слуг', *кыкназы пиосыд* 'оба твоих сына'. Если сравнить две данные формы, можно отметить, что формы *кыкнаиз, куиньнаиз* не указывают на лицо, чего не можем сказать о *кыкназы, куиньназы*.

Можно предположить, что в случае с *-из (кыкнаиз)* мы имеем дело скорее с выделительно-указательным суффиксом, чем с притяжательным суффиксом третьего лица единственного числа. Данное предположение уже выдвигалось исследователями Т. И. Тепляшиной и В. И. Лыткиным [1976: 148].

Сравнение парадигм склонения двух групп форм, образованных с помощью аффикса *-на*, приводит к заключению, что форма с *-из* склоняется и по местным падежам, имеет парадигму склонения, сходную со склонением прилагательных с выделительным суффиксом, и может иметь в качестве определяемого слова и неодушевленное существительное: *кыкнаяз коркан* 'в обоих домах', *ныльняяз школаын* 'во всех четырех школах'.

Собирательные числительные с формантом *-на* могут выступать в качестве одного из компонентов сложных наречий, обозначающих местонахождение, вторым их компонентом явля-

ются серийные пространственные послелогои: *Контора азбарысь гуждор вылэ васькыса, дэрем бирдызэ пертчиз [Николай], галстуксэ лябомытійз но, пель зускиоссэ кыкналасянь посыса, гадь тыраз шокчиз* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музеймы. 8). 'Спустившись на лужайку во дворе конторы, расстегнул [Николай] пуговицу рубашки, разминая мочки ушей с обеих сторон, вздохнул полной грудью'. *Ачиз [Нюра] кык кыыныз ик кыкналасянь валес вылэ пыкъяськыз – йыр гинэ жёл-жёл медаз луы* (Н. Самсонов. Агбай. 237). 'Сама [Нюра] обеими руками с обеих сторон оперлась на кровать – только бы голова не подурнела'. *Сюреслэн кыкнапалтійз ик лымыен шобыртійськем жіужытэсь кызъёс но кызъпуос кыстійсько* (Е. Самсонов. Зор бере. 36). 'С обеих сторон дороги тянутся покрытые снегом высокие ели и березы'. Данные сочетания, исходя из правописания – слитного и раздельного, рассматриваются то как сложные слова, то как сочетания числительного с послелогом.

Таким образом, нужно четко различать счетно-личные местоимения, образованные от числительных с помощью аффикса *-на-* и притяжательных суффиксов множественного числа от собирательных числительных с аффиксом *-на*, которые могут иметь при себе выделительно-указательные суффиксы.

В пользу того, чтобы формы «числительное + суффикс *-на-* + лично-притяжательный суффикс» квалифицировать в качестве местоимений, на наш взгляд, можно привести следующие доводы:

- а) как и личные местоимения, они обозначают лицо;
- б) имеют парадигму склонения, сходную со склонением личных местоимений и одушевленных существительных;
- в) в предложении употребляются в сочетании с личным местоимением, согласуясь с ним в лице и падеже, либо с одушевленным существительным, но чаще всего встречается одиночное употребление. В большинстве случаев выступают в роли дополнения и подлежащего.

К собирательным же числительным можно отнести формы, образованные от количественных числительных с помощью суффикса *-на-* и в большинстве случаев снабженные выделительно-указательным суффиксом *-из*, которые:

а) в отличие от форм типа *кыкнамы* ‘мы вдвоем’, не обозначают лица;

б) имеют парадигму склонения, сходную со склонением прилагательных с выделительным суффиксом;

в) согласуются с существительным в падеже, хотя нет формального согласования в числе;

г) выступают в качестве определения к существительным, включая и неодушевленные существительные;

д) не могут употребляться самостоятельно, без определяемого слова в качестве подлежащего и дополнения.

Со значением собирательности также употребляются сочетания количественных числительных с послелогами *кузя*, *ёошен*, имеющих значение ‘вместе’. Такие конструкции могут быть использованы в комбинации с существительным или местоимением: *Кык кузя нылъёс городысь лыктэмъёслы но, гуртоослы но пелязы шыпыртыса, номеръёс вераса ортчизы* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 110). ‘Двое девушек прошли, и приехавшим из города, и деревенским называя шепотом в ухо номера’. *Возьмамтэ шорысь куинь кузя кавалеристъёсын пумиськиз Лели* (М. Лямин. Шудбур понна. 99). ‘Неожиданно с тремя кавалеристами встретила Лели’; *Тани тямыс кузя понятойёс Петров Никифор доры лыкто* (М. Петров. Вуж Мултан. 332). ‘Вот восемь (букв. ‘восьмером’) понятых приходят к Петрову Никифору’. *Вагонъёс кузя кык ёошен кинъёс ке бызьылыса ветло* (Е. Самсонов. Зор бере. 67). ‘Вдоль вагонов бегают кто-то двое’. *Зор улын кынмеменыз-а, мар-а (Ниналы кык ёошен шуньтгес вал ук), Филипп ёсоггес кансыраз* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 21). ‘Видимо, оттого, что замерз под дождем (Нине же вдвоем было теплее), Филиппа быстрее разморило’.

В заключении можно отметить, что выделение числительных с аффиксом *-на-* в особый разряд собирательных числительных производится нами как на основе их морфологических свойств (особое словообразование, словоизменение), так и на основе их семантики, своеобразного (собирательного, обобщительного) значения.

3.2.6. Порядковые числительные

3.2.6.1. О порядковых числительных

Порядковые числительные – группа числительных, обозначающих порядок, положение, занимаемое отдельным предметом или лицом в ряду однородных предметов при их счете [ГСУЯ 1962: 162]. Этот разряд имен числительных по своим лексико-семантическим свойствам является наиболее близким к именам прилагательным. Достаточно часто данная лексико-грамматическая группа рассматривается учеными как одна из групп прилагательных, к примеру, в финском языке: “*Järjestyslukuja kuten kolmas, neljastoista, sadas ei tässä kieliopissa pidetä numeraaleina. Ne ovat numeraalien adjektiivijohdoksia ja siis sanaluokaltaan adjektiiveja*”¹⁷ [ISK 2005: 751]. Основной критерий при классификации данной группы слов – отсутствие грамматических сходств с именами числительными.

Исследователями отмечается, что порядковые числительные финно-угорских языков по принципу образования целесообразно разделить на две группы: А – имена числительные со значениями ‘первый’ и ‘второй’; Б – имена числительные со значением свыше ‘второй’. В отличие от числительных группы Б

¹⁷ «Порядковые числительные как *третий, четырнадцатый, сотый* не рассматриваются в данной грамматике как числительные. С точки зрения частей речи, они являются прилагательными, образованными от числительных».

порядковые числительные группы А часто не связаны с соответствующими количественными числительными [Майтинская 1979: 180]. Слова со значением ‘первый’ и ‘второй’ во многих языках мира образуются супплетивно, что отмечено учеными в типологических исследованиях: «The first few ordinals are often suppletive in languages»¹⁸ [Hurford 1987: 172]. Данное положение в какой-то мере соотносимо и с системой порядковых числительных удмуртского языка.

Порядковые числительные в удмуртском языке образуются от количественных с помощью суффикса *-эти* (орфографически также *-етий*), который в сложных числительных присоединяется лишь к последнему слову: *сю* ‘сто’ – *сюэти* ‘сотый’, *дас* ‘десять’ – *дасэти* ‘десятый’, *дас куинь* ‘тринадцать’ – *дас куинетий* ‘тринадцатый’, *сю дас* ‘сто десять’ – *сю дасэти* ‘сто десятый’: *Война соку куинетий арзэ мынэ вал ини* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 120). ‘Тогда уже третий год шла война’. *Нюлэскы йыромем нылпиосты кыкетий нуналаз гинэ шедьтйзы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 73). ‘Заблудившихся в лесу детей нашли только на второй день’. *Тйни озьы Фаиналэн кызь нылетий гужемез жьытьёсы калгоньёстэк, учы чирдэмез кылзйськыса садын пукылоньёстэк но егит сюлэмез бугыртйсь трос мукет сыче арбериостэк ортчиз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 72). ‘Вот так двадцать четвертое лето Фаины прошло без вечерних прогулок, без посиделок в саду, слушая соловьиное пение, и без многих других таких трогающих молодое сердце вещей’. *Нина княз улэп, гордэн бырдась сяськаосын коридор кузя укмыстон сизыметий пол солань-талань вамышья ни вал, соку гинэ вуиз Цветков* (В. Ар-Серги. Тулкымёс вылын – пыжед. 45). ‘Нина с живыми, ярко красными цветами в руках уже в девяносто седьмой раз вышагивала туда-сюда по коридору, только тогда пришел Цветков’.

¹⁸ «Первые несколько порядковых числительных в языках являются супплетивными».

Но, как было отмечено выше, порядковые числительные со значением ‘первый’ и ‘второй’ во многих финно-угорских языках стоят обособленно от других порядковых, ибо последние оказываются в тесной связи с соответствующими количественными числительными, образуясь от них путем присоединения аффикса. Какова картина в удмуртском языке?

3.2.6.2. Порядковое числительное ‘первый’

Порядковое числительное ‘первый’ в удмуртском языке в большинстве случаев также выражается супплетивными формами **нырысь, нырысетй**: *Нырысетй радъёсын нылкышноос пуко, соос съорын – воргоронъёс* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 9). ‘В первых рядах сидят женщины, за ними – мужчины’. *Озыы вордскизы нырысь документъёс – колхоз гуртэз выльдыны азьпал аръёслы выль план лэсьтон сярысь решениос* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 11). ‘Так зародились первые документы – решения о создании нового плана на следующие годы для обновления колхозной деревни’. *Нырысь толаз арнялэсь кема ветлйз [Герей] зичы съöры* (М. Петров. Вуж Мултан. 93). ‘В первую зиму дольше недели ходил [Григорий] за лисой’. *Нырысетй диагнозэз пуктйз Лариса Михайловна, со гожтэм «аппендицит»* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 17). ‘Первый диагноз поставила Лариса Михайловна, она написала «аппендицит»’.

Широко распространено также и заимствование из русского языка **первой**: *Кыкетй этажысь тй доры, первой этаже* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 14). ‘Со второго этажа к вам, на первый этаж’. *Содал дуннеын улон ке вань, öпкеле муми, отын но табере дышетскемъёс трос, мыным выльысь первой классэ пуксёно луоз* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 6). ‘Если есть жизнь на том свете, огорчается моя мама, и там теперь много образованных, мне снова придется садиться в первый класс’. *Алигес но газетын вал [Володя], первой страницяз*

ик портретсэ сётйзы (В. Смирнов. Будо бадярьёс. 12). ‘И недавно был [Володя] в газете, на первой странице напечатали его портрет’.

В редких случаях используется и форма *одйгетй* ‘первый’, образованная от числительного *одйг* ‘один’: *Дырды луоз ке, нэнэным одйгетй августэ лыктэ* (П. Блинов. Улэм потэ. 138). ‘Если у вас будет время, приходите вместе с моей матерью’.

Заимствованная из русского языка форма порядкового числительного ‘первый’ используется и в других финно-угорских языках: к. *Первой пуж бõрад шой геб кыттõ*. ‘После первых заморозков мошкара появляется’ (КНП 1993: 113); мар. *Павыл, чодраш толмеке, первый кече гычак шотлен налын: планым те-маш лиеш*. ‘Прибыв в лес, Павел с первого дня подсчитал: план можно выполнить’ [СМЯ 1961: 125].

В письменных текстах XIX века обнаруживаются плеонастические конструкции – одновременное использование заимствованного *первой* и удмуртской формы *нырысь*, в буквальном переводе получается ‘первый первый’: *Нырысь первой пизэь Адамлэнъ вълэмъ Каинъ, кыктэтиезъ Авель*. ‘Первый сынъ Адама былъ Каинъ, вторый Авель’ [АзбукаС 1847: 25]. Нужно заметить, что заимствованная форма уже достаточно широко использована в текстах XIX века.

За пределами первого десятка происходит образование порядкового числительного по модели «... первый» от соответствующего числительного *одйг* ‘один’, например: *дас одйгетй* ‘одиннадцатый’, *сю одйгетй* ‘сто первый’: *Мон но институт бере ик директор луыны уг малпаськы вал но, дас одйгетй арзэ уни директорын* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 188). ‘И я сразу после института не собирался стать директором, но уже одиннадцатый год в директорах’; *А вот дас одйгетйяз тон мыным вера: адямилэн пыдъёсаз йырси потэ-а, уг-а* (М. Петров. Вуж Мултан. 298). ‘А вот в одиннадцатый раз ты мне скажи: растут ли у человека на ногах волосы’.

Образование порядкового числительного ‘первый’ от другой основы, как уже было отмечено выше, широко представлено и в других финно-угорских языках:

а) коми *õti* ‘один’ – *медводзза* ‘первый’ [Баталова 1993: 22];

б) саам. *ok'ta, ext* ‘один’ – *vuostas, pe'vve* (< рус. ‘первый’) [Керт 1975: 228];

в) эрз. *вейке* ‘один’ – *васенце* ‘первый’, что первоначально могло означать ‘начальный, отдаленный’ [Липатов 1988: 90];

г) фин. *yksi* ‘один’ – *ensimmäinen* ‘первый’;

д) венг. *egy* ‘один’ – *első* ‘первый’ [Майтинская 1993: 266];

е) хант. *it* ‘один’ – *oləŋ* ‘первый’ [Гуя 1976: 315];

ж) манс. *akwa* ‘один’ – *ōwl* ‘первый (начало, конец)’;

з) селькуп. *ūkk2r* ‘один’ – *(pōs)ukōl* ‘первый’ [Хелимский 1993: 367];

и) нен. *уопой* ‘один’ – *нюртей* ‘первый’ (от *нер* ‘перед’, букв. ‘передний’) [Куприянова 1961: 93].

Форма **нырысь** может быть и наречием в значении ‘сначала’ и в предложении в таком случае пояснять глагол-сказуемое или глагольную форму, ср. например:

Тон нырысь астэ татын адямиен възматы, собере ни дышетскыны мын (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 250). ‘Ты сначала покажи здесь себя человеком, только потом езжай учиться’. **Нырысь** мон со [Акмар] доры ветло ай, верасько соин (М. Петров. Вуж Мултан. 95). ‘Сначала я к нему [Акмару] схожу-ка, поговорю с ним’.

Аналогичной адвербиализации подвергается и заимствованная из русского языка форма *первой*, поясняя в предложении глагол или отглагольную форму и также приобретая значение ‘сначала’: **Первой**, не, общежитиын улуд, собере аслыд сётомы (П. Чернов. Тулысысен сйзбылзозь. 13). ‘Сначала, мол, поживешь в общежитии, затем собственное дадим’. **Артист сямен, первой котырьяса кутскиз** [Матвеев], пальышаса вазиз (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 61). ‘Как артист, сначала ходил кругами [Матвеев], обратился с улыбкой’. *Мунчо сйялзоз ук. Ми*

*пӧсь вылэ ум вуэ ни. Оло, **первой** ми мыномы* (П. Чернов. Тулысысен сйззылозь. 87). ‘Баня же остынет. Мы уже не попадем на жар. Может, мы сначала пойдем’. То же и в коми языке: *Тулысын бобув либӧ мазі **первой** аддзан – нимкодясян во лоӧ (няньыд оз кынмы)*. ‘Если весной первым увидишь бабочку или пчелу, радостный год будет (хлеба не померзнут)’ (КНП 1993: 45).

Подобно другим наречиям, данные формы могут принимать суффиксы сравнительной степени: *А ведь со [Емельянов] ке **нырысьгес** ой вераськысал, – лулскиз Сергей, – пӧсьгес потысал, дыр* (Г. Перевощиков. Гужем лымы. 221). ‘А ведь если бы он [Емельянов] не говорил чуть пораньше, – вздохнул Сергей, – было бы, наверное, жарче’.

3.2.6.3. Порядковое числительное ‘второй’

Во многих языках уральской семьи супплетивные формы имеет и числительное ‘второй’, например:

- а) фин. *kaksi* ‘два’ – *toinen* ‘второй’;
- б) саам. *guok'tē* ‘два’ – *nub'be, nump* ‘второй’ [Керт 1975: 15];
- в) эрз. *кавто* ‘два’ – *омбоце* ‘второй’ [Феоктистов 1993: 198];
- г) коми *кык* ‘два’ – *мӧд* ‘второй’ [Серебренников 1963: 227];
- д) венг. *kettő (két)* ‘два’ – *második* ‘второй’ (образовано от *más* ‘другой’) [Майтинская 1975: 391];
- е) нен. *сидя* ‘два’ – *нябимдей* ‘второй’ (от местоимения *няби* ‘другой’) [Куприянова 1961: 93].

В удмуртском языке также возможны редкие случаи пересмысления в образовании порядкового числительного ‘второй’, когда вместо *кыкетӱез* ‘второй’ употребляется местоимение *мукетыз* ‘другой’: *Олокытысь-марысь жӱтӱськиз тюрагай, шыпак кӧлӱсь бусы вылэ гырлы куаразэ пазьгиз. Со съӧры **мукетыз**, куинетӱез* (Г. Красильников. Тӧнэн кылысько. 211). ‘Неведомо откуда взлетел жаворонок, колокольным звоном запел над тихо

спящим полем. За ним второй, третий’. Со [самосвал] интые султэ **мукемыз**, куиньметйез, ньылетйез (Г. Архипов. Адыми-лэн чеберез. 103). ‘На его [самосвала] место встает второй (букв. ‘другой’), третий, четвертый’. Писпу но, адыми сямен ик, шоддон-тэм пумысь пурьсыта кадь: туннэ одйг куарез чужектэ, чуказе **мукемыз**, куинетйез (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 8). ‘И дерево, подобно человеку, словно седеет незаметно: сегодня один листик желтеет, завтра другой, третий’. Только одйгезлэн вордйськем интыез пичи гуртлэн съораз уг поты, нош **мукемызлы** вордйськем инты – быдэс город, куинетйезлы – копак дунне (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 152). ‘Только родина одного не выходит за пределы маленькой деревни, а второму (другому) родина – целый город, третьему – весь мир’.

Подобное возможно также в марийском языке: **Вес** кецы йалде ;лам. ‘Второй день болят ноги’ (букв. ‘другой день без ног’) [Коведяева 1987: 110].

3.2.6.4. О суффиксах порядковых числительных

В целом, в финно-угорских языках при образовании порядковых числительных используются следующие суффиксы:

Мар. *-ымше* (*-ымшо*, *-ымшö*): *кок* ‘два’ – *кокымшо* ‘второй’ [СМЯ 1961: 125];

Морд. *-це*: *ниле* ‘четыре’ – *нилеце* ‘четвертый’ [ГМЯ 1980: 243];

Хант. *-мэт*: *вэт* ‘пять’ – *вэтмкт* ‘пятый’ [Терешкин 1961: 62];

Манс. *-ит*: *ат* ‘пять’ – *атит* ‘пятый’ [Ромбандеева 1973: 94].

Порядковые числительные *кыкетй* ‘второй’, *куинетй* ‘третий’ в удмуртском языке могут иметь формы *кыктэтй* и *куиньметй* и производные от них формы со вставочными элементами *-т-* и *-м-* (эти согласные были утрачены вследствие отпадения конечной гласной основы, см. 2.2. и 2.3.):

– Дай сюрло, шуисько! – **кыктэтсэ** вера Игошка (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 24). ‘– Отдай серп, говорю! – второй раз говорит Игошка’. **Куиньметйяз дышетскон нуналэ жёк сьёрын кык инты буш кылиз** (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 79). ‘В третий учебный день за столом оказалось два свободных места’. **Куиньметйез люкыны турттэ** (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 21). ‘Третий пытается разлучить’. **Со [нылаш] витетй радын бурьисеныз куиньметй пуке вал** (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 49). ‘Она [девушка] сидела на пятом ряду третьей справа’. **Со вал немецъёс кчульсь мозмем нылкышноосын пумиськем но вераськем бере куиньметй жьытаз** (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 64). ‘Было то в третий вечер после встречи и бесед с освободившимися из-под немцев женщинами’.

Показатель порядкового числительного *-эти* (*-етй*) при образовании других числительных присоединяется непосредственно к основе количественного числительного, форма которого не претерпевает каких-либо существенных изменений. Данный суффикс восходит к уральскому словообразовательному суффиксу **-m + *-t*, который еще в языке-основе стал употребляться как суффикс порядковых числительных [Майтинская 1979: 184], о чем свидетельствуют материалы различных финно-угорских языков: фин. *kolmas (kolmante-)*, кар. *kolmaš*, вепс. *kūmanž*, иж. *kolmāZ*, вод. *kułmāZ*, эст. *kolmas (*-mt > -nti > -nsi > -s' / Z)*; коми *коймөд*; хант. *кулмәт*; манс. *χūrmit*; венг. *harmadik (-ik – выделительный суффикс, переосмысленный из лично-притяжательного суффикса 3-го лица мн. числа)*.

В мордовских языках порядковые числительные образуются с помощью суффикса *-це / -ця*. Д. В. Бубрих возводит этот суффикс к финно-угорскому форманту **-nse*. По его мнению, *-n'*- выпало, оставшееся *-се* восходит к указательному местоимению *se* ‘тот’ [Бубрих 1953: 94]. Другие же исследователи связывают суффикс *-це* порядковых числительных со словообразовательным суффиксом *-це*, образующим прилагательные от ряда наречий [Серебренников 1967: 120], этот же суффикс, в свою

очередь, имеет прямое отношение к аффиксу причастий настоящего времени [Юдакин 1997: 147]. Суффикс порядковых числительных марийского языка *-ым-ше* также состоит из атрибутивного суффикса *-м* и того же суффикса активных причастий [Юдакин 1997: 148].

3.2.6.5. Особенности употребления порядковых числительных в удмуртском языке

Порядковые числительные удмуртского языка имеют ряд грамматических особенностей, отличающих их от количественных и существенно сближающих с именами прилагательными. Среди данных признаков можно отметить то обстоятельство, что порядковые числительные в большинстве случаев, как и прилагательные, в именных словосочетаниях примыкают к поясняемому существительному: *чебер нунал* ‘красивый день’, *чебер нуналэ* ‘в красивый день’ – *куинетий нунал* ‘третий день’, *куинетий нуналэ* ‘в третий день’. Но в некоторых случаях числительные, подобно прилагательным, могут иметь выделительно-указательный суффикс *-ез*. В этом случае они согласуются с определяемым существительным в падеже: *Кыкетйеныз гозыен гырлыез думо* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 37). ‘Второй веревкой привязывают колокол’. *Тани нырысьсэ группаез гу доры нуизы* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 84). ‘Вот первую группу повели к яме’. *Гурын куинь зонаез: котькудаз температураез но пöртэм – нырысьсэ, кылсярысь, тямьс сю градус, нош куинетийяз зонаын сюрс ньыль сюозь но вуэ* (Н. Самсонов. Агбай. 243). ‘В печи три зоны: в каждой и температура разная – в первой, например, восемьсот градусов, а в третьей зоне и до тысячи четырехсот доходит’.

Формы порядковых числительных, имеющих выделительно-указательные суффиксы, могут замещать определяемое ими слово и выступать в роли подлежащего, дополнения и обстоя-

тельства, принимая формы различных косвенных падежей, иногда выступать также и с послелогоми: *Бен, куинетйез чѐм дыръя мултэс луэ. Тани со, куинетйез, тае уггес вала – куинь пӧльыс кыкезлы укыр секыт йӧтэ, шӧдонтэм улсын ке но солы, куинетйезлы, валэктыны тыршо* (Р. Валишин. Тӧл гурезь. 28). ‘Да, часто третий оказывается лишним. Вот он, третий, этого не понимает – двоим из троих приходится очень трудно, хоть и незаметно, ему, третьему, пытаются объяснить’. *Врачебной комната – сое татын ординаторской шуо – пичи гинэ, куинь мурт сяна уг тэры, ньылетйез пыре ке, берыктйськон инты уг кыльы* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 15). ‘Врачебная комната – ее здесь называют ординаторской – очень маленькая, вмещается только три человека, если заходит четвертый, повернуться места не остается’. *Ньылез койкаос бушесь, витетйез вылын, пыдӧссэ купыртыса, урдсӧн кылле кычѐ ке адыми* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 20). ‘Четыре кровати свободные, на пятой, согнув ноги, на боку лежит какой-то человек’. – *Мар тон карид? – юаз Кылдытйсь нырысетйезлэсь* (В. Ар-Серги. Тулкымӧс вылын – пыжед. 6). – ‘Что ты сделал? – спросил Творец у первого’. *Вить даурӧс чӧже гинэ, укмысэтйысен дас ньылетйозяз, асьме кунысь музъем ужасьѐс но пудо вордӧсьѐс эркын ветлӧзы* (Е. Афонин. Йырмурт. 100). ‘Только в течение примерно пяти столетий, с девятого по четырнадцатый, земледельцы и животноводы нашего края ходили вольными’. Вероятно, в некоторых подобных случаях мы можем говорить о субстантивации.

Порядковые числительные, маркированные выделительным суффиксом *-ез* в форме винительного падежа, т. е. в форме *-з-э (-с-э)*, имеют адвербиальное значение ‘в такой-то раз’, и их, на наш взгляд, можно рассматривать как наречия: *Алексей Петрович туннэ понна кышнозэ кыкетйзэ пичильтык гинэ пӧяз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 159). ‘Алексей Петрович за сегодняшней день во второй раз немного обманул свою жену’. *Игнат кыкетйзэ черетскем бере гинэ, со [становой] куара пала берытскиз но ямициксэ дугдыны косӧз* (М. Петров. Вуж Мултан. 159).

‘Только после того, как Игнат закричал во второй раз, он [становой] обернулся на голос и приказал ямщику остановиться’. *Уз тодйськы, нырысьсэ адзисько* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 317). ‘Не знаю, первый раз вижу’. *Георгий Ильич нырысьсэ пальышак потйз но зигёсыз шоры сак учкиз: валазы-а меда солэсь верамзэ* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 17). ‘Георгий Ильич в первый раз улыбнулся и внимательно посмотрел на своих друзей: поняли ли сказанное им’.

Порядковые числительные удмуртского языка хоть и редко, но имеют формы с притяжательным суффиксом: *Вордскем нуналэныд, Любие. Мукетаз егит дасэтьяд выль вамышен* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 168). ‘С днем рождения, Любушка. С новым шагом в следующий молодой десяток (твой)’.

Порядковые числительные могут принимать форму множественного числа, приобретая при этом оттенок совокупности, группы предметов, явлений, людей: *Залын кудъёсыз ке серектэм каризы, кудъёсыз шыныт луизы, куинетйосыз юан сётйсь шоры кузьял ымныр тусын учкизы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 144). ‘В зале некоторые засмеялись, некоторые затихли, третьи с кислым лицом посмотрели на спрашивающего’. *Тйни ук «витетйосын» ужез [Варвара Сидоровналэн] усто пөрме* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 100). ‘Вот же работа [Варвары Сидоровны] с «пятыми» хорошо получается’. Аналогично использование суффикса множественного числа *-яс* с основами порядковых числительных в коми языке, данные слова также приобретают значение ‘те, кто первые, вторые, третьи и т. д.’: *отйяс, мөдъяс, коймөдъяс, нельөдъяс* [Федюнева 1990: 31].

Порядковые числительные в некоторых случаях могут использоваться во множественном числе и для выражения темпоральных значений. Данными конструкциями приобретается семантика временного промежутка, охватывающего примерно десяток лет: *Витьтонэтйос шорын райкомысь Швыденкоез улля-*

зы (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 144). ‘В середине пятидесятих Швыденко выгнали из райкома’.

В вышеназванных случаях также представляется уместным говорить о субстантивации, замещении порядковыми числительными определяемого ими существительного.

В последнее время в речи вместо порядкового числительного при обозначении темпоральных значений – выражении года, месяца, а также при обозначении класса встречается использование количественного числительного в сочетании с существительными в иллативной и инессивной формах: *арын* ‘в году’, *мае* ‘в мае’ (или название месяца в форме местного или входного падежей); *числое* ‘числа’, *классын* ‘в классе’: *тямыстон вить арын* ‘в восемьдесят пятом году’ (букв. ‘в восемьдесят пять году’), *вить мае* ‘пятого мая’ (букв. ‘пять мая’) и т. п.: **Укмыс мае** кизем кидыс нормая уг усыы (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 127). ‘Высеянные девятого мая семена не соответствуют норме’. *Звенина Клавалы егитъёсыз, Кыть Надькалы мöйыосыз пумитаны ньыль нуналскын дас вить число азе дась луыны косйзы* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 17). ‘За четыре дня к пятнадцатому числу велели быть готовыми встречать Звениной Клаве молодежь, Кыть Надьке – пожилых’. *Нош площадкаын лэсьтйськон планэз одйг маёзь быдэстон понна чурьт нюръяськон нуналысь нуналэ кужмоя* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 42). ‘А на площадке изо дня в день усиливается жесткое соревнование за выполнение строительного плана до первого мая’. *Любовь Николаевна утчаськон адресэзъя шедьтйз куатьтон аръёсы пуктэм выль панель коркаез* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 178). ‘Любовь Николаевна по разыскиваемому адресу нашла построенный в шестидесятые годы новый панельный дом’. *Игнатъев укмыс мае дас укмыс гектар гинэ кизиз* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музъемлы. 129). ‘Девятого мая Игнатъев засеял только девять гектаров’. *Озыен, чечыез но вань, дыр, – малпаляз туэ вить классэ ветлйсь пияш* (Н. Самсонов. Агбай. 286). ‘Таким образом, и мед, наверное, есть, – ду-

мал пятиклассник' (букв. 'посещающий нынче пять класс мальчик'). Эта грамматическая ошибка в употреблении форм числительных часто встречается в южноудмуртских диалектах: *мон вордис'ки вит'тон с'из'ым арын кыз' кўат' мартэ* [Кельмаков 2003б: 21]. 'Я родился в пятьдесят седьмом году двадцать шестого марта' (букв. 'пятьдесят семь году двадцать шесть марта').

Возможно также параллельное использование количественного и порядкового числительных в местном падеже при выражении года: *Нбыльдон кыкетйын март толэзе мешоказ сухари но куинь кило ёрос нёкы вёен Виктор Сазонов вордйськем Лёльшурысьтыз кузь сюрес вылэ потйз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 43). 'В сорок втором в марте с сухарями и маслом около трех килограмм в мешке Виктор Сазонов отправился в длинную дорогу из родного Лельшура'. *Таранов Петыррез армие куамын укмысын басьтйзы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 22). 'Таранова Петра забрали в армию в тридцать девятом' (букв. 'в тридцать девять'). *Тон [Павол] кызь куиньын-а, кызь нбыльын-а кулйд* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 4). 'Ты [Павел] умер то ли в двадцать третьем, то ли в двадцать четвертом'.

Вероятно, ситуация осложняется и тем обстоятельством, что даты, содержащие в себе порядковые числительные, наряду со всеми числовыми обозначениями в печати указываются арабскими цифрами, без требующегося показателя, и при чтении они уже озвучиваются количественными числительными.

Также широко распространено в последнее время употребление количественного числительного вместо порядкового при выражении номера: *витетй номеро корка* 'дом под пятым номером' – *вить номеро корка* 'дом номер пять': *Пуксьы вить номеро автобусэ, васькод кинотеатр вадьсы, мон тонэ пумитало* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 131). 'Садись в автобус номер пять, сойдешь напротив кинотеатра, я тебя встречу'. *Севооборотын со кык номеро бусы, но кылын-ымын тйни аслаз нимыз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 126). 'В севообороте это поле под номером два, а в устной речи вот у него свое

название'. *Вай рецепттэ со ныллы юромо возъматом, – ушь-яськемез потйз на, лэся, солэн [Павеллэн], одйг номеро* укное бумага мычиз (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 152). 'Давай твой рецепт специально покажем той девушке, – видимо, ему [Павлу] захотелось еще похвастаться, протянул бумажку в окошечко под номером один'.

Вышеуказанные примеры демонстрируют ошибочное употребление количественного числительного вместо порядкового. Семантически верным является употребление следующих конструкций: *Даша, эн кышка мынэсьтым. Лыкты Набережной переулукысь дас тямьэстй номеро* корка (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 131). 'Даша, не бойся меня, приходи в дом под восемнадцатым номером Набережного переулка'. *Интыяськызы Свердлов урамысь витетй номеро* юртлэн эйсыт пал люкетаз (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 17). 'Расположились в доме под пятым номером с западной стороны на улице Свердлова'. *Кызь укмыэстй номеро* школабсьтызы сизьыметй «А» классазы но сыче чебер нылъёс ой вал шат (Е. Загребин. Тулыс зор. 368). 'Разве и в их школе номер двадцать девять в седьмом «А» классе не было таких красивых девушек'.

Но довольно часто (а в современных республиканских газетах на удмуртском языке, по нашим наблюдениям, во всех без исключения случаях) встречается употребление слова *номеро* 'с номером, под номером' с цифровым обозначением, не снабженным необходимым в данном случае показателем порядкового числительного, написанным через дефис: *Райцентре ветлыкуз, Эльза ялан дугдылйз селоысь гостиницалэн 13 номеро* комнатаз (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 8). 'Приезжая в райцентр, Эльза всегда останавливалась в сельской гостинице в комнате под 13 номером'. *Ижысь Ленин ёросысь 167 номеро* нылпи садэз туж кема пуктыны выризы (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 31-тй август. 2). 'Детский сад номер 167 Ленинского района Ижевска строили очень долго'. *56 номеро* школамы гимназия луэм бере мыным чектйзы наукая но методикая ужен кивал-

тійсь луыны (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 22-тй июль. 3). ‘Когда наша школа номер 56 стала гимназией, мне предложили возглавить работу по науке и методике’.

На такое употребление, вероятно, оказал свое влияние русский язык, в котором при выражении номера используется количественное числительное: *дом номер пять* [Кельмаков 2003б: 21]. В русском языке собственно-количественные числительные наряду с выражением абстрактного количества и количества как признака предмета обозначают и порядковое место предмета при счете: *дом шесть квартира тридцать* [РЯ 1997: 626].

Такое же употребление и в финском языке: *ylioppilas-lehden numerossa viisi* ‘в студенческой газете номер пять’ [ISK 2005: 765].

В удмуртском языке возможно также использование конструкций, являющихся омонимичными с порядковыми числительными, но совершенно отличающихся по значению и представляющих собой форму пролатива. Чаще всего данные словоформы отвечают на вопрос *кытй?* ‘где?’ и отмечают местонахождение, приобретая значение ‘в стольких-то местах’: *Та пус Олексанлы туж тодмо: кылем арын Гирой Глашалы ыжпизэ кузьмаз, кузьым ыжпилэн пель бордаз та́че ук пусэз вал – кык-тэти́ чальш вандэмын* (Г. Красильников. Вуж юрт. 278). ‘Этот знак очень знаком Олексану: в прошлом году Гирой подарил Глаше ягненка, на ухе подаренного ягненка был такой же знак – в двух местах косые надрезы’. *Али гинэ адзиз со [Таня] бур кызлэсь кыкетй́ мур нярзэмзэ, вир потэмзэ* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 26). ‘Только сейчас увидела она [Таня] глубоко пораненную в двух местах правую руку, кровотечение’. *Вуметй-куатетй́ бугыряз [Миша]* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 126). ‘Порылся [Миша] в пяти-шести местах’.

С данным значением используется и форма *одйетй́* ‘в одном месте’ (а в значении ‘первый’, как было отмечено, выступают супплетивные *нырысь, нырысетй́* (см. 3.2.6.2): *Трос лыдзи ни, нош тонэ кызы валаны кулэ, одйетй́ но гожтэмын öвöл ук*

(Г. Медведев. Бадзым нунал. 52). ‘Уже много читал, а как тебя понимать, ведь ни в одном месте не написано’. *Одүйгетii гинэ кышгъязы ай, нош жильдйськи ни, шундые кысйз кадь* (В. Смирнов. Будо бадяръёс. 109). ‘Только в одном месте заштопали, а уже раскис я, как будто солнце мое погасло’.

3.2.7. Неопределенно-количественные слова – квантификаторы

3.2.7.1. Выделение группы слов с неопределенно- количественным значением

В удмуртском языке среди количественных числительных исследователи выделяют группу неопределенно-количественных числительных. К таким числительным относят слова типа *уно, трос, данак, лачак, тачак, ятыр, долак* ‘много’, *байтак* ‘достаточно’, *ичи, ёжыт* ‘мало, немного’ [Жуйков 1937: 18; Ушаков 1982: 75]. В научной грамматике удмуртского языка они названы неопределенно-количественными словами [ГСУЯ 1962: 151], так что их грамматический статус оказывается неясным. Эти слова могут сочетаться как с существительными, так и с глаголами и отглагольными формами: *Трос кырзанъёсты кырзазы соос, артэ пуксъыса, киоссэс ог-огзылэн пельпумъёссы вылэ поныса* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 75). ‘Много песен спели они, усевшись рядышком и положив руки на плечи друг друга’. *Трос вераськыны со* [Алексей Степанович] *уг яраты* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 140). ‘Он [Алексей Степанович] не любит много говорить’. *Табере Барсковлэн ичи кылем ужасъёсыз но солы мыто, кудйз-огез войнаысь револьверен, винтовкаен, патронъёсын бертэм* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 184). ‘Теперь и оставшиеся в небольшом количестве работники Барскова возражают ему, некоторые, оказывается, вернулись с войны с револьвером, винтовкой, патронами’. *Соин ик нырысь чукнаяз ик данак тодмоосыныз пумиськиз* [Тамара] *но сомында пол ик му-*

пыр виян калэ вуылйз (Г. Перевощиков. Сюлэмтэм дунне. 13). 'Поэтому уже в первое утро встретилась [Тамара] со многими знакомыми и столько же раз чуть сквозь землю не проваливалась'. *Машина доры культю нуллйсьёсыз лачак* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 26). 'Много тех, кто носит снопы к машине'. *Ачим ке, ас поннам, йырам, нырысетй пумиськонмы дыръя ик суредай уни сое: солэн чеберез кыче ке но кезьыт вал, сыче кышноос ульчаын – тачак* (Л. Нянькина. Ваёбыж кар. 109). 'А сам же про себя, в голове, еще при нашей первой встрече уже нарисовал ее: ее красота была какой-то холодной, таких женщин на улице – много'.

Таким образом, очевидно, что, оказываясь в составе различных синтаксических конструкций, поясняя как существительные, так и отглагольные формы, эти слова могут выступать в роли не только числительных, но и других частей речи.

Группу неопределенно-количественных числительных выделяют и в других языках: коми *уна* 'много', *этиша* 'мало', *неуна* 'немного' [СКЯ 1955: 190]; мар. *шуко* 'много', *ятыр* 'довольно много', *шагал* 'мало', *икмыняр* 'несколько' [СМЯ 1961: 123]; венг. *sok* 'много', *néhány* 'несколько', *kevés* 'мало' [Майтинская 1955: 159]; хант. *ар* 'много', *аршйк* 'побольше', *шимйк* 'мало' [Соловар, Спирякова 2000: 69]...

Выделяют отдельную группу неопределенно-количественных числительных и в русском языке [Виноградов 1986: 260; Валгина 2001: 260; СЛРЯ 1996: 225; СРЯ1 2001: 125], хотя в последнее время и в русистике существуют спорные мнения об отношении этих слов к именам числительным [Дудников 1990: 248; СРЯ2 2001: 435], подчеркивающие, что, вероятно, рассматриваемая группа слов с количественным значением имеет наречное или местоименное значение.

3.2.7.2. О лексико-грамматической принадлежности слов с неопределённо-количественным значением

Можно ли слова-квантификаторы типа *трос*, *уно*, *данак* ‘много’, *ичи*, *ёжыт* ‘мало, немного’ отнести к именам числительным? Рассуждения на эту тему позволяют нам привести следующие возражения против данного мнения:

1. Вышеназванные слова не выражают самого главного в семантике числительных – точно обозначенного количества считаемых единиц или приблизительного числа в определенных рамках. Обратимся к определению числительных: “Числительное – класс однозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счете, кратности (повторяемости), совокупности” [Яз 1998: 549]. Не обозначая точного, конкретного количества, уже своим лексическим значением данные слова лишь противостоят определению числительных. Сравним предложения: *Куинь толзъё ёоже Крымын улэмез но эмъяськемез солзъ [Маши-лэсь] егит мугорзэ юнматӱз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 227). ‘Три месяца пребывания в Крыму укрепили ее [Маши] фигуру’. *Трос толзъёё ёоже ини соослэн бригадазы основной сооружениын ужась бригадаос пӱлын нырысь инты басътэ* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 141). ‘Уже в течение многих месяцев их бригада занимает первое место среди бригад, работающих на основном сооружении’.

В первом случае мы знаем точное количество месяцев (три), а во втором предложении об их количестве нельзя даже догадаться – их число может доходить и до сотни, а может быть и в пределах четырех-пяти.

Невозможно обойти стороной и тот факт, что имена числительные, в отличие от других частей речи, имеют четкую, жестко определенную семантическую системность, в которой каждый элемент (даже числительные приблизительного значения, не обозначающие точного количества) имеет свою собственную

нишу, строго определенное местоположение. Так, к примеру, числительное со значением ‘девять’ располагается между числительными со значениями ‘восемь’ и ‘десять’, его место постоянно и не может оказаться между какими-либо другими элементами рассматриваемой системы. Эта закономерность свойственна не только одному отдельно взятому языку, а всем языкам без исключения. В таком случае напрашивается вполне оправданный вопрос: в каком конкретном месте данной жесткой, точной системы располагаются рассматриваемые слова? Ответ очевиден: они оказываются вне системы, поскольку никак не вписываются в эти определенные выражением конкретной количественной семантики рамки.

2. Рассматриваемые слова способны сочетаться не только с единицами конкретно-предметного значения, но и со словами, обозначающими абстрактные понятия, неисчисляемыми существительными (*трос ву* ‘много воды’, *õжыт сюлэмшугъясъкон* ‘мало беспокойств’, *трос чидан* ‘много терпения’), обозначая размер объема без указания на число, чего нельзя сказать о числительных, вновь это противоречит их семантике: *Трос кужым-зэ но визьзэ сётійз, дыр, дышетійсез, сое* [Сашаез] *школазылэн данъясъконэз карон вылысь* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 97). ‘Много сил и ума отдал, наверное, его учитель с целью сделать его [Сашу] гордостью их школы’. *Катьсы õжыт татысь колхозникъёслэн, вырзытыны шуг* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 78). ‘Сил у здешних колхозников мало, трудно их сдвинуть’. *Трос валантэмез та улонын* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 71). ‘Много непонятного в этой жизни’. *Валерик лачак коньдон ваем* (Кенеш. 2009-тй ар, № 2. 48). ‘Валерик принёс, оказывается, много денег’. Имена числительные весьма редко оказываются в роли определения к существительным с абстрактным значением.

Возможность сочетания слов данной группы с существительными, обозначающими недискретные, абстрактные понятия, подчеркивается исследователями марийского языка: *Тошто*

мурышто куан шагал. ‘В старинных песнях радости мало’ [Гаврилова 2006: 23].

3. Рассматриваемая группа слов-квантификаторов может употребляться в сочетании с усилительными словами-интенсификаторами типа *туж, ортчыт, уката, укыр* ‘очень, чрезмерно и т. д.’, *самой* ‘самый’ и др., что не наблюдается в случае с числительными: *Тйни соин но, дыр, собрание туж трос калык люкасыкыз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 143). ‘Вот и поэтому, наверное, на собрание пришло очень много народу’. *Соин сэрен фронтовикъёс пöлысь пегасьёс уката уно луизы* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 192). ‘По этой причине дезертирующих среди фронтовиков стало еще больше’. *Полиция, стражникъёс та вадескын укыр трос йылызы* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 167). ‘Полиции, стражников в этот период слишком много прибавилось’. *Лыдзиськыны дыр туж öжыт шеде* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 6). ‘Времени читать очень мало выпадает’. *Мынам çуказе бызьылон интые укыр трос* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 144). ‘У меня завтра слишком много мест для посещения’. То же и в марийском языке: *Киндым кушко колташашыжым Жаров пеш шагал еулан шижтарен*. ‘О том, куда надо отправить хлеб, Жаров предупредил очень мало людей’. *Тыгак Маруся ден Дунят немычла пеш шагал мутым умылат*. ‘Маруся и Дуня также очень мало слов понимают по-немецки’ [Гаврилова 2006: 23].

Слова-интенсификаторы *туж, ортчыт, уката, укыр* ‘очень, чрезмерно и т. д.’ используются в удмуртском языке для образования интенсива прилагательных и наречий, а *самой* ‘самый’ выступает в качестве составляющей суперлатива [Ефремов 2009: 37, 53; УКК 2011: 311].

4. Данные слова в начальной форме могут иметь сравнительную степень, присоединяя к себе суффикс *-гес (-гем)* (*тросгес, уногес, ичигес, öжытгем*), приобретая при этом значение ‘больше, меньше’, чего также нельзя сказать о числительных: *Вае асьмеос, политикаез огдырлы палэнэ кельтыса, тросгес*

фактъёс люканы тыршоме (М. Петров. Вуж Мултан. 283). ‘Давайте мы, оставив на некоторое время политику в стороне, попытаемся собрать побольше фактов’. *Котьма ке но, соос асьмелэсь тросгес тодо но валало* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 138). ‘Во всяком случае, они знают и понимают больше нас’. *Кинэ тросгес яратйськод – гордъёсты-а, тодьыосты-а* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 211)? ‘Кого больше любишь – красных или белых?’ *Кулэяз общественной ужсамы налог октыломы, кинлэн доходэз бадзьым, солэсь уногес басьтомы* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 157). ‘При необходимости в нашей общественной работе будем собирать налоги, с тех, у кого доход большой, будем брать больше’. *Соин мон каменщикъёслэн группаязы куриськи: отын дышетсконэз о́жытгес* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 93). ‘Поэтому я попросился в группу каменщиков: там учиться по-меньше’. *Соин ук ас малпанзэс вераны дйсьтйсьёс весь ичигес кылизы* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 55). ‘По этой причине осмеливающихся высказать свое мнение оставалось все меньше’. *Кузьымеэ, ма, уксьён вераса, олома дуно вылымтэ – ньыль коньылэсь о́жытак гинэ шат ятыргес* (Г. Перевощиков. Гужем лымы. 54). ‘А подарок, говоря деньгами, не оказался особо дорогим – разве немногим больше четырех копеек’.

Суффикс сравнительной степени *-рак* могут присоединять слова подобной лексико-семантической группы и в марийском языке, как отмечается исследователями, это сближает их с именами прилагательными: *Шымыр гынат, окса шагалрак пытыже манын, Театр площадъыш шумеш йолын кайыш*. ‘Хоть и семь копеек, но, чтобы денег ушло меньше, пошёл пешком до Театральной площади’ [Гаврилова 2006: 23].

Подобно прилагательным, категорией сравнительной степени данные слова-квантификаторы обладают и в коми языке: кп. *Татён вöввес унажык*. ‘Здесь лошадей больше’ [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 36)]. Примечательно, что все рассматриваемые слова еще характеризуются такой чертой, как

совмещение значения числительных с функциями наречий как при отсутствии, так и при наличии сравнительной степени: *Уна сёйны*. 'Много кушать'. *Унаён этиажжык сёйны*. 'Много меньше кушать'.

Ссылаясь как раз на данное свойство – наличие степени сравнения – в башкирском языке такие «слова, обозначающие число», к примеру, *куп* 'много', *ал* 'мало', квалифицируют как имя прилагательное, отделяя их таким образом от разрядов количественных числительных [Дмитриев 1948: 88].

Таким образом, можно судить о том, что слова-квантификаторы в удмуртском языке имеют стройную систему степеней сравнения и степеней качества. Данные категории не характерны имени числительному.

5. Наконец, рассматриваемая группа слов довольно часто и последовательно употребляется с глаголами и отглагольными формами, являясь в предложении обстоятельством. Данная черта, несомненно, подчеркивает сходство исследуемых слов с наречиями. Обратим внимание также и на то, что и в подобных случаях возможно использование степеней сравнения: *Малы бен сётаки йёл ёжыт кыскиськомы* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 47). 'Почему же все-таки молока мало надаиваем'. *Ас гуртаз но [Павел Игнатъевичлэн] чыжы-выжыосыз, эшъёсыз, тодмоосыз гинэ но ёжытгес но ёжытгес кылё* (П. Чернов. Тулысысен сйзылозь. 5). 'И в своей [Павла Игнатъевича] деревне родственников, друзей, даже знакомых остается все меньше и меньше'. *Вить ар талэсь азьло ай но тысь, пудо вордоньсь продукция сярэсь, данаклы трогес люкаське вал* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 79). 'Даже ещё только пять лет назад зерна, по сравнению с продукцией животноводства, набиралось намного больше'. *Дюбин но соин байтак курадзиз уни* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 163). 'И Дюбин с ним уже достаточно настрадался'.

6. Возможным оказывается также употребление с наречиями и прилагательными в конструкциях со сравнительной се-

мантикой, где рассматриваемые слова несут вспомогательную роль, основное лексическое значение выражается наречием и прилагательным: *Юбкаез **о́жыт** кузьгес мед луоз вылэм* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 153). ‘Была бы юбка немного подлиннее’. *Илья Фомичез Малмыжсын толзэз ёрос возизы, нош котьма ке но, урядникъёс **о́жыт** чалмытгес луизы* (М. Петров. Вуж Мултан. 234). ‘Илью Фомича продержали в Малмыже около месяца, но, во всяком случае, урядники стали немного потише’. *Пильын **трослы** егитгес: алигес гинэ кышнояськиз* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 7). ‘Филипп намного моложе: только недавно женился’.

В то же время мы не можем упускать из виду и тот факт, что ряд черт оказываются общими и сближающими рассматриваемые слова как с именем числительным, так и с прилагательным. В частности, можно отметить, что, определяя имя существительное, данная группа слов достаточно часто имеет выделительно-указательный суффикс, при этом наблюдается согласование между определением и определяемым. Как отмечалось ранее, этот признак характерен и имени числительному, и прилагательному, так и любому синтаксическому определению: *Тросаз гуртьёсын но югдур шугьяськымон о́вёл* (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 28-тй август. 2). ‘И во многих деревнях ситуация не затруднительная’. *Тросэзлы адямиослы со маке но выльзэ ваиз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 190). ‘Многим людям он принес что-то новое’.

Следующая общая черта – употребление вне связи с существительным, при этом наблюдается субстантивация рассматриваемых слов: *Егит дырысеныз ик нюлэскын улэ Матрон. Гожтэт но уг тоды. Озыы ке но, **троссэ** мукетьёслэсь жечгес вала* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 36). ‘С молодости живет Матрена в лесу. И грамоты не знает. Несмотря на это, многое понимает лучше других’. *Тросэз, ма, умой-умой валаса но о́з вуттэ, дыр, та шудон-серектон о́вёл шуыса* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 17). ‘Да, многие, наверное, как следует и понять не успели, что это

не шутка'. *Соослэн кырзэн гурзы али ке но данакезлы тодмо* (Е. Афонин. Ёырмурт. 22). 'Мелодия их песни до сих пор знакома многим'.

Весьма понятна причина отнесения рассматриваемой лексико-грамматической группы слов к именам числительным, так как среди их совокупности грамматических свойств можно обнаружить такие, которые сближают исследуемые слова с числительными, к примеру, использование с послелогом *кузя*, образуя значение совокупности, группы лиц: *Юись-чагиськись воргоронъёс кадъёсыз но чужыса лэзёно: ёжыт кузягес но ужаны пормытомы* (П. Чернов. Тулысысен сйзыбылозь. 124). 'Нужно выгнать и пьющих-жалующихся мужчин: и в меньшем количестве с работой справимся'; или же выражение кратности, образуемое с помощью послелога *пол* 'раз': *Наушникъёсын радио-приёмникысьтыз трос пол кыльлйз ни «Священная войнаез» нылаш* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 194). 'Уже много раз слышала девушка «Священную войну» из своего радиоприемника с наушниками'.

Таким образом, ряд грамматических черт сближает рассматриваемую группу слов-квантификаторов с прилагательными, другие признаки являются сходными со свойствами имен числительных. Систематизируем грамматические особенности данных количественных слов и отразим их в таблице, выделяя черты, общие с признаками имен числительных, и характеристики, сближающие их с именем прилагательным:

Таблица 1.

Грамматическое свойство	Числительное	Прилагательное
Употребление в качестве определения существительного	+	+
Возможность определять абс-	-	+

трактные существительные		
Употребление с усилительными словами, наличие степеней качества	-	+
Наличие форм степеней сравнения	-	+
Адвербиализация (при употреблении с глаголом и отглагольными словами)	-	+
Употребление с выделительно-указательным суффиксом, согласуясь с определяемым словом	+	+
Субстантивация	+	+
Употребление с послелогом <i>кузя</i> со значением собирательности	+	-
Выражение кратности при помощи послелога <i>пол</i>	+	-

Таким образом, данная лексико-грамматическая группа слов, исходя из их морфологических и синтаксических функций, а также основываясь на том, что их лексическое значение несколько отличается от основной семантики имени числительного – выражения точного количества, абстрактного числа, – может быть отнесена либо к прилагательным, обозначающим количественный признак, либо к наречиям, в зависимости от того, со словом какой части речи связана рассматриваемая словоформа – с существительным или глаголом (а также и с отглагольными формами).

3.2.8. Межкатегориальные связи отнумеральных слов в удмуртском языке

3.2.8.1. Отнумеральные существительные

Производящей основой для образования имен существительных посредством деривационных суффиксов в удмуртском языке выступают практически все знаменательные части речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия. Не стали исключением и имена числительные.

Как показывает анализ «Удмуртско-русского словаря» [УРС 2008: 23–825], изданного в Ижевске в 2008 году, количество таких отнумеральных существительных весьма ограничено, в данной работе зафиксированы лишь следующие:

Витьлык ‘пятерка, пятирублевая купюра’;

Даслык ‘десятка, десятирублевая купюра’;

Дасо диал. устар. ‘десятина’;

Куиньлык ‘три рубля (денежная купюра)’;

Куиньмо ‘тройня’;

Кыкто ‘двойня, двойники’; **кыктоос** ‘близнецы’;

Кыктоос астр. ‘Близнецы’;

Кыктос ‘двойник’;

Кыкчи ‘двоечник’;

Ньылё ~ **вайыны** ‘родить четверых’;

Огмет ‘единица’;

Одйгмет ‘единица’;

Сюлык ‘банкнота достоинством в сто рублей’;

Сюрслык ‘банкнота достоинством в тысяча рублей’.

Таким образом, в рассматриваемом словаре представлено 14 отнумеральных существительных, налицо два основных способа образования подобных слов: 1) при помощи суффикса *-лык* образуются слова со значением ‘банкнота достоинством в определенное количество рублей’ (*витьлык*, *даслык*, *сюрслык*); 2) деривационный суффикс *-о* является средством для образования слов со значением количества детей, одновременно рожденных одной матерью (*кыкто*, *куиньмо*, *ньылё*): *Вой юон азын Олёшен*

Дукъя кенаклы витъымтэ шорысь бадӓым шумпотон вуиз: скалзы **кыкто** ваиз, огкадесъ кашка кымысо горд куняньёс, кыкез ик мес (М. Петров. Вуж Мултан. 227). 'Перед масленицей для Алексея и тетки Дукьи выпало неожиданное счастье: корова родила двойню, одинаковых рыжих с пятнышками на лбу телят, обе телочки'. В общем, кышиноез **кыкто** пиям (Г. Перовошиков. Гужем лымы. 27). 'В общем, жена его двойню родила'. Скоро пияно вал ини [ыж], оло, **кыкто-куиньмо** луысал (Г. Перовошиков. Гужем лымы. 135). 'Скоро должна была уже родить [овца], может быть, была бы двойня-тройня'.

Из данной серии выбивается по своему значению диалектное устаревшее слово *дасо* со значением 'десятина'.

Каждый из представленных рядов слов, образованных с помощью вышеназванных суффиксов, потенциально может иметь продолжение, возможно добавление других слов-производных от иных числительных с данными суффиксами. Соответственно, при наличии какой-либо новой банкноты, постепенно входит в оборот и новое слово, обозначающее соответствующую денежную единицу. Так, в настоящее время имеются в употреблении купюры номиналом 50 рублей, 500 рублей, в речи употребляются и слова *витътонлык*, *витъсюлык*. В рассматриваемом словаре данные слова не отмечены. А с появлением пяти тысяч рублей возникает и слово *витъсюрслык*: **Витъ сюрслыкӓёсты** азьло ик вуттӓйзы уйпал улосӓёсы (Удмурт дунне, 2006, 14-тй ноябрь). 'Пятитысячные банкноты в первую очередь доставили в северные края'.

Суффикс *-лык* является весьма продуктивным деривационным суффиксом существительных, исследователями отмечаются случаи образования существительных от существительных (*вынлык* 'братство', *зэмлык* 'правда'), от отглагольных имен (*быгатонлык* 'умение, способность', *луонлык* 'возможность'), от качественных имен прилагательных и наречий (*чеберлык* 'красота', *чылкытлык* 'чистота', *секытлык* 'увесистость, тяжесть'). Данные существительные имеют значение совокупности, соби-

рательности, обозначают отвлеченные свойства, качества, состояния [ГСУЯ 1962: 114–115; Алатырев 1959: 6–39].

К сожалению, в этом ряду слов образование отнумеральных существительных, имеющих значение банкноты достоинством определенного количества рублей, оказывается неотмеченным, также как и в новом издании морфологии удмуртского языка [УКК 2011].

В то же время при образовании отнумеральных имен оказывается, что данный суффикс приобретает и другое значение. В словарях терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ, изданных в рамках программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» в 2011 году нами отмечаются следующие отнумеральные термины: *одйгылко котырес* ‘единичная окружность’, *одйгылко сигож* ‘вектор единичный’ [Тимерханова 2011: 20], *кыкылко лыдсӧзнэт* ‘двоичная система счисления’, *даслык лыдсӧзнэт* ‘десятичная система счисления’ [Егоров 2011: 12, 21]. В данном случае прилагательные *одйгылко*, *кыкылко*, *даслык* восходят к существительным *одйгылк*, *кыкылк*, *даслык*, имеющих, соответственно, значения ‘единичность, единица’, ‘двоичность’, ‘десятичность’. Таким образом, отнумеральные слова с суффиксом *-лык* в настоящее время приобретают и иное значение, соответственно, слово становится многозначным: *даслык* 1) десятка; 2) десятичность. Вероятно, в данном случае можно было бы использовать формант *-мет*, уже имеющийся и использовавшийся в словоформах *огмет*, *одйгмет* ‘единица’. Более правильным было бы сказать *одйгмето котырес* ‘единичная окружность’, *одйгмето сигож* ‘единичный вектор’.

Отдельное место среди отнумеральных существительных занимает слово *кыктос* ‘двойник’, образованное с помощью деривационного суффикса *-ос*:

*Нош тылобурдо, мон валай,
со мынам лангае,*

кыктосэ...

‘А птица, я понял,
это мое эхо,
мой двойник...’ (Инвожо 2007, № 5–6).

Деривационный суффикс *-ос* существительных относится к числу продуктивных, и, как указывается в большинстве работ по удмуртскому словообразованию и новом издании морфологии удмуртского языка [УКК 2011: 55], используется при образовании новых слов от глаголов и других существительных, выражая объект, результат или инструмент действия. Соответственно, данный пункт следует дополнить информацией о возможности образования и отнумерального существительного.

Особый интерес среди рассматриваемых отнумеральных существительных, на наш взгляд, представляет слово *кыкчи* ‘двоечник’. Суффикс *-чи* также является весьма продуктивным в удмуртском языке, исследователями отмечается образование существительных от существительных и реже – от деформированных глагольных корней, данные слова имеют значение лица по роду деятельности или соучастию в чем-либо (*иворчи* ‘вестник’, *крэзьчи* ‘гусяр’, *дэмчи* ‘сват, сваха’, *пёечи* ‘врун, обманщик’) [ГСУЯ 1962: 118–119; Алатырев 1959 140–163]. В слове *кыкчи* также присутствует значение лица, но данное существительное в настоящее время, по-видимому, является единственным, исключительным в своем ряду, хотя потенциально возможными для использования в речи оказываются и такие слова, как *куиньчи* ‘троечник’, *ныльчи* ‘хорошист’, *витьчи* ‘отличник’.

Вместе с тем нередко в удмуртском языке наблюдаются и субстантивированные числительные, переход в разряд существительного определяется лишь контекстом и синтаксической функцией слов. Такие явления можно констатировать в следующих случаях:

1) использование количественного числительного с выделительно-указательным суффиксом *-эз* (*-ез*), *-ыз*: *Огезлэсь но*

кыкезлэсь юалляськон сяменыз Герейлэн мунчо этэмез сярысь то-дйиз [урядник] но сое отъыны ыстйиз (М. Петров. Вуж Мултан. 20). ‘Выспрашивая у одного, второго, он [урядник] узнал, что Герей топил баню, и отправил позвать его’. *Тямыс нылпиез пöлысь кыкез гинэ быдэ вуиллям* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 115). ‘Из восьми детей только двое достигли совершеннолетия’. *Радтйиз ке öвöl, дасэз пöлысь сизы́мез соос ас вакытазы Екатерина Алексеевналэн ки пыртйиз потэмын* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 115). ‘Если не все подряд, то семеро из десяти в свое время прошли через руки Екатерины Алексеевны’;

2) использование порядкового числительного с выделительно-указательным суффиксом -эз (-ез), -ыз без определяемого слова. В таких конструкциях подобные словоформы употребляются при обозначении каких-либо групп, совокупности лиц, предметов и явлений: *Врачебной комната – сое татын ординаторской шуо – пичи гинэ, куинь мурт сяна уг тэры, нылетйез пыре ке, берыктйськон инты уг кыльы* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 15). ‘Врачебная комната – ее тут называют ординаторской – небольшая, больше трех человек не помещается, если заходит четвертый, повернуться места не остается’. **Нырысетйез** одно ныл луоз, тодыса ул (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 26). ‘Первая обязательно будет девочкой, знай это’. **Куинетйез** паськыт ымныро, йырсиез кырыжвыл сынамын, төдбы дэремен, сьöd пинжакен (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 34). ‘Третий широколицый, волосы зачесаны набок, в белой рубашке, в черном пиджаке’;

3) использование порядкового числительного с суффиксом множественного числа -ос (-ёс). Необходимо отметить, что и в таком случае происходит выпадение определяемого слова и форма порядкового числительного, как и в предыдущем случае, выражает значение совокупности лиц, предметов: *куинетй классёс* ‘третье классы’ – *куинетйос* ‘третье’, *кызетй арёс* ‘двадцатые годы’ – *кызетйос* ‘двадцатые’: *Соуз ласянь котькинлэсь азьпалан луозы, дыр, «сизы́метйос»* (Р. Валишин. Инвожо

уйшоре но пиштэ. 82). ‘С этой стороны впереди всех будут, наверное, седьмые’. *Тйни ук «витетйосын» ужез усто пөрме* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 100). ‘Вот же, работа с пятыми у нее отлично получается’. *Анае но атае куатътонэтийослэн шоразы вордйськызы*. ‘Мои мама и папа родились в середине шестидесятых’.

Рассматривая последний пример, необходимо подчеркнуть, что подобные словоформы используются в изафетных конструкциях в качестве первого компонента: *куамынэтийослэн кутсконазы* ‘в начале тридцатых’, *витътонэтийослэн пумазы* ‘в конце пятидесятых’, *ныльдонэтийослэсь кутсконзэс* ‘начало со-роковых’ но мукет. В таких случаях, как известно, в основном выступают или притяжательные местоимения, или существительные в формах родительного и разделительного падежей.

Анализируя субстантивацию числительных на данных примерах, в целом следует отметить, что использование выделительно-указательных суффиксов и показателя множественного числа в представленных моделях можно квалифицировать как деривационные суффиксы.

Субстантивированные числительные приобретают все грамматические признаки существительного, как категорию числа и притяжательности: *Мон ведь, «кык» интые, «куинь» пуктылыны уг косйськы – «кыкьёсмы» медам луэ, шуисько* (Г. Перевощиков. Гужем лымы. 163). ‘Я же не прошу ставить «тройку» вместо «двойки» – говорю, чтобы у нас не было «двоек»’.

Субстантивацию числительных (как количественных, так и порядковых), получающих грамматическое оформление существительного и его роли в предложении, отмечают и исследователи коми языка: *Комынён вартёны, ёти бергёдлө*. ‘Тридцать молотят, один переворачивает’. *Ёти кисьтө, мөд юө, коймөд быдмө*. ‘Один льет, второй пьет, третий растет’ [КЯ 1998: 224].

Таким образом, отнумеральные существительные в удмуртском языке образуются с помощью традиционных суб-

стантивных деривационных суффиксов, но приобретают и несколько иные значения, по сравнению с другими отыменными существительными, образованными с помощью этих же формантов.

3.2.8.2. Отнумеральные прилагательные

Среди многообразия отнумеральных слов в удмуртском языке обнаруживаются слова, которые выступают в качестве определения к существительным, квалифицируемые нами как имена прилагательные. Такие слова образуются лишь от некоторых числительных первого десятка с помощью суффикса *-о*: *укмысо кут* ‘лапоть-девятерик’: *Аслаз мусо Дыдыезлы кийсь куштонтэм чебер укмысо кут вайыса ветлӱз вал со [Акмар] эмесиез доры* (М. Петров. Вуж Мултан. 167). ‘Сходил он [Акмар] к своему зятю, отнес своей милой Дыды невероятно красивые лапти-девятерики’. Данные словоформы, вероятно, можно уже рассматривать и в качестве архаизмов, ибо подобные словосочетания как *сизымо кут* ‘лапоть-семерик’ и *укмысо кут* ‘лапоть-девятерик’, в настоящее время вышли из употребления в связи с уходом из быта (или жизни) самих реалий.

Прилагательных с подобным значением, образованных с помощью данного суффикса от других основ имен числительных, в современном удмуртском языке, по-видимому, нет.

При рассмотрении подобных форм необходимо обратиться к коми языку, в котором весьма распространенными являются отнумеральные слова с суффиксом *-а*: *даса* ‘десятка’ || ‘десяти-’: *даса семья* ‘семья в десять человек’ [КРК 2000: 171], *ӧкмыса* ‘девятка’, ‘из девяти’: *ӧкмыса семья* ‘семья из девяти душ’ [там же: 467], *кума* ‘состоящий из трех единиц’, ‘тройка’ [там же: 314], *кыка* ‘двойной’: *кыка провод* ‘двойной провод’ [там же: 331] и др. Таким образом, в коми языке в активном использовании

сохранилась более последовательная система слов с данным суффиксом.

В группе отнумеральных прилагательных могут оказаться слова, о которых речь уже шла выше в разделе «Отнумеральные существительные» (см. 3.2.8.1.). Это формы, выражающие значение ‘дети, рожденные одной матерью’ – *кыкто* ‘двойня’, *куиньмо* ‘тройня’. В тех случаях, когда они оказываются в качестве определения к существительному, их также можно квалифицировать как имена прилагательные: *Кыкто пиосы зэмос юрттйсь луизы ини*. ‘Мальчики-двойняшки стали уже настоящими помощниками’.

Необходимо отметить, что типологически такие формы можно образовать от каждого числительного, но используются лишь формы *кыкто* и *куиньмо*. Детей (и детенышей) большего количества выражают словосочетаниями числительное + существительное: *нбыль пи вайиз* ‘четверых мальчиков (детенышей) родила’.

При определении отнумеральных прилагательных, образованных с помощью суффикса *-о*, необходимо учитывать, что в удмуртском языке очень часто встречаются грамматические омонимы. Омонимом подобных прилагательных являются числительные приблизительного значения: *Соос шоры учкыса малпано, та юртъёс татын ог кык-куинь ар гинэ ёвёл, трос дасо аръёс сыло ини шуыса* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 10). ‘Глядя на них, можно подумать, что эти здания стоят здесь не два-три года, а много десятилетий’ (см. подробнее 3.2.6.). В таких случаях суффикс *-о* является не деривационным, а формообразовательным.

О некоторых других случаях образования отнумеральных прилагательных также см. 3.2.8.3.

3.2.8.3. Отнумеральные наречия

3.2.8.3.1. О разделительных числительных

Слова, выделяемые нами в отдельную часть речи – имя числительное, объединяет их обозначение отвлеченного числа, количества предметов и явлений, порядка предметов и явлений. Однако по значению и способу образования среди числительных удмуртского языка можно выделить группу, выражающую значение образа действия и имеющую несколько форм:

а) повторное употребление одного корня количественных числительных, имеющих форму творительного падежа – *кыкен-кыкен* ‘по два’, *сизымен-сизымен* ‘по семь’: *Бусы уже оген-оген, пе, мед ветлосы* (М. Петров. Вуж Мултан. 221). ‘На полевые работы по одному-де пусть ходят’. *Уксё сярись вераськыны возыт ке, малы соку государство куанер крестьяньёслэсь сюрсэн-сюрсэн заём но налог басьтыны уг воздаськы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 141). ‘Если стыдно говорить о деньгах, то почему тогда государство не стыдится тысячами брать у бедных крестьян заём и налоги’. *Гуртэ тани оген-оген фронтовикъёс бертыны кутскизы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 156). ‘Вот в деревню начали по одному возвращаться фронтовики’;

б) парное употребление разнокорневых количественных числительных, имеющих форму творительного падежа. Числительное, обозначающее меньшую величину, стоит впереди числительного, обозначающего большую величину – *оген-кыкен* ‘по одному-по два’, *витен-куатен* ‘по пять-по шесть’: *Тани оген-кыкен мукет кышномуртъёс но вуизы, обинь адями куараен шулдырак луиз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 45). ‘Вот по одному-по два стали подходить и другие женщины, овин стал оживлен людскими голосами’. *Милям отделениямы ньыль палата, дас кыкен – дас тямысэн кёласъёсыз но вань – куатьтон адямилэсь ятыр люкаське* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 226). ‘В нашем отделении четыре палаты, есть спящие и по двенадцать-по восемнадцать – набирается больше шестидесяти

человек'. *Час мында ортчыса, егитъёс **оген-кыкен** вуылыны кутскизы* (Г. Мадьяров. Аналтэм сясыка. 119). 'Спустя около часа, по одному-по два стали приходить молодые люди';

в) числительное, маркированное показателями множественного числа и творительного падежа (в данном качестве чаще всего выступают числительные, обозначающие круглые десятки, сотни, тысячи): ***Сюосын**, уно **сюосын** кошкызы воргоронъёс Кузон пала* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 89). 'Сотнями, многими сотнями ушли мужчины в сторону Казани'. *Татын соос олокёня **сюосын** ук* (Г. Мадьяров. Аналтэм сясыка. 55). 'Их же здесь несколькими сотнями'. *Миллионъёсын адымиос ой бырысалзы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 124). 'Миллионами люди не погибали бы'. *Сю сюрсьёсын пленэ шедиллям* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 130). 'Сотнями тысяч попали в плен (оказывается)'. *Сюрсьёсын усътйськызы вузкарысь магазинъёс, сиськон интыос* (Е. Афонин. Йырмурт. 127). 'Тысячами открылись магазины, столовые'. *Москваысь кивалтйсьёслы, газет, журнал редакциосы **сюосын** гоштэтъёс кошкызы* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 6). 'Московским руководителям, в редакции газет, журналов сотнями пошли письма';

г) форма творительного падежа числительного приблизительного счета, образованного при помощи суффикса *-о (-ё)*: *Кышномурт паймыса учкыз мон шоры: та дырозь адъемез вылымтэ на, лэся, огпол кутскемаз **дасоен** пирожкиос басьтйсь муртэ* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 209). 'Женщина удивленно посмотрела на меня: до этого времени ей, видимо, еще не приходилось видеть человека, за один раз покупающего по десятку пирожков'. *Председатель, бригадиръёслы но ивортытэк, адымиосты ужлэсь мозмытъя, нуналлы быдэ **дасоен** запискаос сётъя* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 151). 'Председатель, не сообщая и бригадирам, освобождает людей от работы, ежедневно выдает по десятке записок'.

Кроме того, встречаются и случаи, когда числительное приблизительного счета выступает в творительном падеже и с

маркером множественного числа: *Мон кадь куносты дасоосын пумитаськод но келяськод, луоз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 153). ‘Таких гостей, как я, десятками встречаешь и провожаешь, наверное’. *Клуб азьысь быдэс падвожез дасоосын кисьтаськись электролампаос юг-юг тылын югдыто* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 171). ‘Всю площадку перед клубом ярким светом освещают десятки светящихся электроламп’. *Николай Егоровичлы ушьям кыл инёк луиз, со эшсэ лабораториосы но пыртазна, машинаслэсь нимъёссэс но маркаоссэс дасоосын кисьтӓз* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 44). ‘Николаю Егоровичу пришлось по душе похвальные слова, он еще сводил своего друга в лаборатории, десятками называл названия и марки машин’. *Али азбар буш ини, нош нуназе куазен дасоосын кыт-кем уробоос сыло, вальёсыз думылон инты но уг тырмы* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 75). ‘Сейчас двор уже пуст, а днем десятками стоят повозки, не хватает мест для привязи лошадей’.

В научной грамматике удмуртского языка [ГСУЯ 1962: 159] эта группа форм названа собирательно-разделительными числительными.

Разделительные (или дистрибутивные) числительные традиционно выделяются во многих языках:

а) саам. *ef'te-ef'te* ‘по одному’, *kut'e- kut'e* ‘по двое’ [Керт 1975: 228];

б) хант. *-^ta/-^tä: ёjktä* ‘по одному’, *kitk^tä* ‘по два’ [Хонти 1993: 310]; эта группа названа делительными (или распределительными [Соловар, Спирякова 2000: 66]) числительными и представляет собой количественное числительное в форме локативно-инструментального падежа;

в) манс. *akwa-l* ‘по одному’, *xūrtkl* ‘по три’ [Ромбандеева 1993: 291];

г) эрз. *кавтонь-кавтонь* ‘по два’, *колмонь-колмонь* ‘по три’ [ЭК 2000: 120]; по своей структуре они представляют повторное употребление количественных числительных в генитиве. Неко-

торые ученые относят такие формы к наречиям [Феоктистов 1975: 331];

д) башк. *икешкр-икешкр* ‘по двое’ [ГСБЛЯ 1981: 164].

В грамматиках некоторых языков слова с подобной семантикой названы наречиями, например: венг. *harmankent* ‘по трое’ [Балашша 1951: 115]; рус. *по двое, по трое* [Виноградов 1986: 302]; мар. *коктын-коктын, кокыте* ‘по двое’ [Игнаева 1997: 10]; фин. *uksin* ‘один, в одиночестве’, *kahden* ‘вдвоем’ [Ikola 2000: 109], где *-n* является показателем инструктива. В современном татарском языке подобные конструкции «со значением количественного признака действия в соответствии с числом лиц или одушевленных предметов» также рассматриваются как наречия: *иккУлпи* ‘вдвоем’, *бишикУлпи* ‘впятером’ [Ганиев 2005: 291].

По всем грамматическим характеристикам, на наш взгляд, и в удмуртском языке было бы правильнее отнести рассматриваемую группу слов к наречиям, образованным от имен числительных, придерживаясь следующих аргументов:

а) как и наречия, данные конструкции представляют собой застывшие неизменяемые формы;

б) они не могут определять существительное и в предложении поясняют глагол или иные (от)глагольные формы, являясь обстоятельством.

Если обратиться к близкородственному коми языку, то выясняется, что и здесь выделяются наречия, образованные от числительных с помощью суффикса *-ӧн*: *Кыкӧн мунісны фронт вылӧ* [СКЯ 1955: 188]. ‘Вдвоем ушли на фронт’; в коми-пермяцком: *И кутчисӧ ня овны да уджавны нӧльӧн: старик вӧрын да ыб вылын, старухаыс нывкаэскӧт – керкуын да карта пытшкын* (ЗК. 75). ‘Стали они жить да работать вчетвером: старик – в лесу да в поле, старуха с дочерьми – в избе да хлеву’. Как и в удмуртском языке, они неизменяемы и поясняют глагольные формы. Следует отметить, что некоторые ученые и в удмуртском языке конструкции, типа *кыкен-кыкен* ‘по двое’,

относят к наречиям [Серебренников 1963: 350; Тепляшина, Лыткин 1976: 196].

Нужно обратить внимание и на тот факт, что числительное *ог*, *одйг* ‘один’ может употребляться в форме *оген*, *одйген* в значении ‘одинокий, в одиночестве’ и в предложении пояснять как глагол, отглагольные слова, так и существительные, таким образом, может быть как обстоятельством, так и определением: *Атаеныз анайзэ кыдёкысь шаеръёсы келямзы бере, Чут Маня-лэн сюлэмыз уката но сьод эгыр кадь луиз, укыр секыт угось оген кыльыны* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 18). ‘После отправления мамы с папой в далекие края, сердце Мани стало совсем как черный уголь, ведь так тяжело оставаться одной’. *Пöлазы одйген бадь ньөръёс но төллы нялтас мыкыръяськыса сыло* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 48). ‘Среди них, качаясь на ветру, стоят и одинокие ивовые стебельки’. *Оген улон адямилэн йыраз пöртэмесь малпанъёс кылдытэ* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 55). ‘Одинокая жизнь в голове человека порождает разнообразные мысли’; *Оген сыче книгаез лыдзёныны секыт* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 12). ‘Тяжело одному читать такую книгу’. *Зэм ик ведь: оген лёгем сюрес секыт но сюбег, нош чöшен лэсьтэмтйз пыдъёс асьсэос вамышто* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 153). ‘Ведь действительно: проложенная в одиночестве дорога трудна и узка, а по протоптанной вдвоем ноги сами шагают’.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в тех случаях, когда данная форма в предложении поясняет существительное, ее можно квалифицировать как прилагательное: *Вылйын, пилемтэм лыз инмын, оген тури лоба но музъем выльысь гажан кузпалэзлы жингрес куараеныз вазиськылэ* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 165). ‘Вверху, в безоблачном синем небе, летает одинокий журавль и своим звонким голосом обращается к своей любимой супруге с земли’. *Тани оген тури кеськыса быдэс арамаез сзэъялтйз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 178). ‘Вот одинокий журавль криком всполошил всю рощу’. *Куд-ог*

*нуналэ гурзэ но өз эстылы [Зоя], толло шыдзэ шунтыса сие: **оген муртлы трос-а бен кулэ** (Г. Красильников. Вуж юрт. 164). 'В некоторые дни и печку не топила [Зоя], ест, разогрев, вчерашний суп: одинокому человеку ведь много ли надо'. **Оген адыми, кышноез Христос доры вазьгес кошкыз** (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 131). 'Одинокий человек, жена его рановато ушла к Христу'. **Нюлэс шорысь оген корка вуимы** (Е. Самсонов. Зор бере. 18). 'Мы пришли к одинокому дому в середине леса'.*

Типологическую параллель употребления разделительного числительного в качестве определения можно провести с использованием подобных конструкций в башкирском языке [ГСБЛЯ 1981: 164].

Таким образом, следует со вниманием относиться к формам слов, образованных от числительных с помощью показателя творительного падежа, ибо, судя по синтаксическим функциям, они относятся к наречиям, и нет необходимости выделять группу дистрибутивных числительных. В случае же с формой *оген, одйген*, которая может употребляться со значением 'одинокий, в одиночестве', нужно обращать внимание, со словом какой части речи она связана, и, уже исходя из этого, квалифицировать ее как наречие или прилагательное.

Форма творительного падежа, таким образом, достаточно часто используется в удмуртском языке для образования наречий от различных категорий числительных. Не стали исключением и порядковые числительные: *Юрттйсьёсыз шоры учкыса, со [Соснов] йырзэ шоналтйз но ачиз **нырысетйен** вамыштйз усьтыса дасям пияла өс доры* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 171). 'Посмотрев на своих помощников, он [Соснов] кивнул головой и сам первым шагнул к открытой стеклянной двери'. *Трос уг вераськы [Максим], ачид ке өд вазы, **нырысен** уз вазы* (Г. Красильников. Пыртос. 376). 'Много не разговаривает [Максим], если сам не обратишься, первым не заговорит'.

В вышеназванных случаях суффикс *-эн (-ен)*, вероятно, целесообразно рассматривать не как формообразующий, а как деривационный, использующийся для образования наречий (и в редких случаях прилагательных) от имен числительных.

3.2.8.3.2. Другие формы отнумеральных наречий

Если в удмуртском языке более детально рассматривать словоформы, образованные от имени числительного, то можно отметить, что последние весьма продуктивно используются для образования наречий с помощью различных формантов.

Так одной из застывших, неизменяющихся форм числительного *одйг* ‘один’ является словоформа с лишительным значением *одйгтэм* ‘без одного, до единого’. Как правило, в предложении она поясняет сказуемое, отглагольные формы, имея обстоятельственную функцию: *Куара пусьёслэсь туссэс со [Дангыр] одйгтэм тодма ини* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 88). ‘Начертание букв он [Дангыр] уже знает все без исключения’ (букв. ‘без одного’). *Табере со [Иллариий поп] гуртёсын улйсь калыклэсь лыдзэ одйгтэм тодэ ини, книгаосаз нимын-тулын пусйылэмын* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 71). ‘Теперь он [поп Иллариий] знает численность всех жителей деревень без исключения (букв. ‘без одного’), имена всех зафиксированы в его книгах’. *Гуртёслэсь одйг сэрегпум но уз кыль, гуртын калык вань-а, ёвёл-а – уз чаклалэ, пушкаосын ыбылозы, пудо-животэз одйгтэм нуозы* (М. Лямин. Шудбур понна. 104). ‘От деревень ни одной головешки не останется, не посмотрят – есть в деревне народ или нет, будут стрелять из пушек, скотину до единого уведут’. *Бырозы ук соос, Григорий, одйгтэм бырозы* (М. Петров. Вуж Мултан. 190). ‘Погибнут ведь они, Григорий, до единого погибнут’.

Лишительный падеж в образовании наречий от числительных используется и в коми языке: *õtitiõg – ставыс õtitiõg* ‘все без исключения, до единого’ [Федюнева 1995: 114].

Следующей разновидностью наречий, образованных от имен числительных, являются формы с темпоральной семантикой, образованные с помощью суффиксов *-ой* (со значением ‘в течение столько-то дней’), *-ойскын* (‘за столько-то дней’): *Куиньмой вöсяськыса улытозязы, сомында калыклы трос сиён-юон кулэ* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 108). ‘Стольким людям, которые молятся в течение трех дней, нужно много еды’. *Кык-тойскын-куиньмойскын бусыос көня ке көсатскизы на* (П. Чернов. Тулысысен сйзьбылозь. 108). ‘За два-три дня поля еще немного подсохли’. *Куиньмой улыса, мукет чипыос но көм пушкысьтызы потйллям, азбартй анайзы съöры бызьбыло ни, пе* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 138). ‘Спустя три дня, и другие цыплята вылупились из своей скорлупы, уж бегают-де по двору за своей матерью’. *Но куазь салкым улэмен, ужъёс ёжегазы: кизён дасой кытйське ни* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 113). ‘Но из-за прохладной погоды работы задержались: посевная длится уже десять дней’. *Туннала нуналэ кык-тойскын книга печатлало ни* (Удмурт дунне. 2006-тй ар, 14-тй ноябрь. 4). ‘В сегодняшние дни за два дня уже книги печатают’.

Для выражения значения ‘на столько-то дней’ к вышеуказанной форме, выражающей время, добавляется показатель дательного падежа – *-лы*, таким образом, рассматриваемой конструкцией приобретает дополнительную семантику цели, намерения: *Тон ачид африканской крокодил кадь: одйг пол пуксемад куиньмойлы сиськиськод* (Г. Красильников. Вуж юрт. 290). ‘Ты сам как африканский крокодил: за один присест наедаешься на три дня’. *Пук, пук, коть татын ке но шутэтскы. Ужез уд быдты, кулэм берад но куиньмойлы кылэз на* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 147). ‘Сиди, сиди, хоть здесь отдохни. Работу не переделаешь, и после смерти еще на три дня останется’. *Одйг чипы, вынъёсыз-сузэръёсыз сярись, куиньмойлы вазьгес вор-*

дйськем (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 138). ‘Один цыпле-нок, по сравнению со своими братьями-сестрами, родился раньше на три дня’. *Витёйлы пинал ке но, Паля улонын ялан мынсьь-тым вазьгес вамыштыса вуылйз* (П. Чернов. Казак воргорон. 87). ‘Хоть Паля и моложе меня на пять дней, но в жизни всегда успевал шагнуть раньше меня’.

Наречия, образованные с помощью суффикса *-ой*, могут употребляться и в сочетании с послелогом *чожэ* ‘в течение’: *Шайгу вылысь кадь пу кирос кыктой чожэ солэн* [Камай Онтонлэн] *зезьы аяз сьлйз* (М. Петров. Вуж Мултан. 161). ‘Деревянный крест, похожий на крест с кладбища, стоял перед его [Камай Онтон] воротами в течение двух дней’. *Агай куиньмой чожэ дорын улйз на, паспорт басьтйз* (Г. Красильников. Тонэн кылыско. 197). ‘Брат еще в течение трех дней был дома, получал паспорт’. *Куинь тракторъёс куиньмой чожэ дас тямыс гектар гыриллям* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 257). ‘Три трактора за три дня вспахали восемнадцать гектаров’.

С наречиями соотносима и форма, образованная от усеченной формы числительного *одйг* ‘один’ *ог* с помощью форманта *-нын*: *огнын* ‘в одиночку’. В предложении эта форма также чаще всего поясняет глагол или отглагольную форму и также несет обстоятельственное значение: *Огнын, пе, венез но жэутыны секыт, нош дэмен, огъя кужымен гурезез но берыктод* (Г. Перевощиков. Тодьы куака. 555). ‘В одиночестве-де и иголку поднять трудно, а вместе, общими силами и гору перевернёшь’. *Дорам огнын, татын огнын* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 80). ‘Дома в одиночестве, здесь в одиночестве’. *Огнын мёзмыт* (С. Ширококов. Чукдор. 24). ‘Одному грустно’.

Наречием, образованным от числительного *одйг* ‘один’, является также форма *огенак* ‘в одиночку’. Если рассмотреть это слово, то можно отметить, что оно образуется с помощью суффиксов *-ен-* и *-ак*, которые являются традиционными деривационными суффиксами наречий [ГСУЯ 1962: 307]: *Ма кызьы-о шум уд поты: Антонина Петровналэн огенак будэм нылыз сыче*

өрзилы бызе бере (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 225). ‘Ну как не радоваться, раз выросшая в одиночку дочь Антонины Петровны выходит замуж за такого орла’. *Огенак лобись муш кузё-езлэн пурьыстам тушаз дэмзе ке, пересь мушкась сое кияз басьтэ но адымиен кадь вераське* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 38). ‘Если летящая в одиночестве пчела запутывается в поседевшей бороде своего хозяина, старый пчеловод берет её в свою руку и разговаривает, как с человеком’.

Это же слово может адъективироваться, в предложении выступая в качестве определения: *Улйын, кыдёкын, мышке кылё кизем бусыос, арамаос но шуръёс, гуртъёс но тэль шорын сылйсь огенак юртъёс, машинаос но адымиос* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 192). ‘Внизу, вдалеке, позади остаются засеянные поля, рощи и леса, деревни и расположенные в лесу одинокие дома, машины и люди’. *Пуксёз Сима укно дуре но учкыса мыноз, кызы паськытэсь кыръёс бергаса-бергаса ортчо, огенак гуртъёс, мең йсужыт гурезьёс* (Е. Самсонов. Зор бере. 120). ‘Сядет Сима к окну и будет смотреть, как кружась проходят мимо широкие степи, одинокие деревни, крутые высокие горы’.

Следующая словоформа, образованная от числительных, но по своим признакам относящаяся к наречиям, является дериват, представляющий собой производное от порядковых числительных с выделительно-указательным суффиксом в форме винительного падежа -з-э (-с-э), имеющее значение ‘в такой-то раз’: *Куинетйзэ вазиськисько уни – кылэм уд кариське* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 176). ‘Обращаюсь уже в третий раз – вы будто бы не слышите’. *Радин Катязез куиньметйзэ чупаз* (М. Коновалов. Вурьысо бам. 27). ‘Радин поцеловал Катю в третий раз’. *Адыми пересьме ке, вунэтэ-а, мар-а аслэсьтыз пинал дырзэ, уг тоды ни, лэся, нырысьсэ яратыны кутскемзэ* (Г. Красильников. Пырtos. 377). ‘Когда человек стареет, похоже, забывает свою молодость, видимо, не помнит, как первый раз влюбился’. *Али солы нырысьсэ кыпидэс вылын кадь адскиз колхозлэн куанермон мугез но, Чипеевлэн йөвалег вылэ шедьыса*

гурезь уллань гылзэмеэ но (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 44). ‘Сейчас ему в первый раз как на ладони стали видны и причина обеднения колхоза, и скольжение оказавшегося на льду Чипеева вниз под горку’.

Наречия, образованные от порядковых числительных со значением ‘в такой-то раз’, характерны венгерскому языку: *het-edik* ‘седьмой’, *heted-szer* ‘седьмой раз’ [Майтинская 1976: 402].

Адвербиализация наблюдается, как уже отмечалось ранее (см. 3.2.6.2.), и в случае употребления заимствованного из русского языка порядкового числительного *первой* ‘первый’: *Колхозъёс кылдыку, **первой** гожтйськиз* [*Насъта*], *пыроно-а, өвёл-а шуса өз мога* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 35). ‘Во время образования колхозов, первой записалась [*Настя*], вступить или нет – не сомневалась’. *Артист сямен, **первой** котыръяса кутскиз, пальышаса вазиз* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 61). ‘Как артист, сначала ходил вокруг да около, обратился, улыбаясь’. ***Первой** гинэ интыысьтыд вырзыны шуг вылэм, Павел Игнатъевич* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 93). ‘Оказывается, только сначала трудно сдвинуться с места, Павел Игнатъевич’.

Подводя итоги данного раздела, можно отметить следующее:

а) в удмуртском языке при классификации частей речи нет необходимости выделения отдельной группы разделительных (дистрибутивных) числительных;

б) от имен числительных достаточно продуктивно с помощью различных суффиксов образуются наречия, которые представляют собой застывшие формы числительных в том или ином падеже (*оген-кыкен* ‘по одному-по два’, *ныылетсэ* ‘в четвертый раз’), или же это формы, образованные с помощью деривационных суффиксов (*куиньмой* ‘в течение трех дней’, *кыктойскын* ‘за два дня’).

3.3. Имя числительное и категория числа

Категория числа и имя числительное. И в том и в другом случае, бесспорно, речь идет о каком-либо количественном обозначении в сложнейшей системе языка. Соотносимы ли эти понятия в удмуртском языке? Как они соприкасаются друг с другом? Возможно ли рассмотрение двух этих понятий в единстве?

Категория числа, как отмечает В. М. Никитевич [1963: 52], представляется достаточно «прозрачным» грамматическим явлением, обобщенно отражающим реальные различия между одним предметом (явлением) и их множеством.

Число – грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли [ЛЭС 1990: 583]. Категория числа в любом языке представляется грамматическим признаком, обобщенно отражающим реальные различия между одним предметом (явлением) и их множеством. Таким образом, наиболее простой структурой категории числа является бинарная, в которой и наблюдается яркое противопоставление единичности и множественности. Кроме того, достаточно большое количество языков обнаруживают в своей системе еще и двойственное число.

Грамматическая категория числа в современном удмуртском языке также является бинарной. Обе эти формы в настоящее время могут быть представлены в сочетании имени существительного с числительным, при этом одно и то же числительное может быть определением как к существительному во множественном, так и в единственном числе. Не во всех финно-угорских языках наблюдается такая же картина. К примеру, в мордовских языках отмечается несколько иное явление: числительные от 2 до 10 требуют формы множественного числа существительных, остальные – единственного числа: эрз. *Панжадо платформанть лангсо кавто танкат*. ‘На открытой платформе два танка’. Эзь марявгак, кода чиize кемгавксово вайгельбенть.

‘Не заметил даже, как пробежал восемнадцать километров’ [ГМЯ 1980: 247]. Хотя, как отмечают исследователи, это правило «не соблюдается в фольклоре»: *Кемгафтува братт, лем-сновок аф фкат, тевсновок аф фкат*. ‘Двенадцать братьев, и имена разные, и дела разные’ [Липатов 1988: 92].

Удмуртский язык не является единственным в параллельном и равноценном использовании подобных комбинаций, ибо, как отмечают исследователи, «in some languages, numerals may modify singular nominals, rather than plurals»¹⁹ [Hurford 1987: 153].

Соответственно, один из вопросов, который представляется нам интересным и будет рассмотрен в данной работе, – это число имени существительного в сочетании с числительным. Другой вопрос, который назревает в связи с этим, – выделяется ли категория числа у имени числительного, как бы парадоксально это не звучало?

3.3.1. О реликтах двойственного числа в удмуртском языке

В финно-угорских языках, как отмечают исследователи [Майтинская 1968: 153; Никитевич 1963: 52; Серебренников 1963: 92], система числа была не такой (состоящей из множественного и единственного), как это представлено в большинстве языков данной группы в настоящее время. Об этом могут свидетельствовать факты различий в выражении частных числовых значений. Так, понятие парности, обособляющееся часто в индоевропейских языках грамматически (как в русском языке реликтами двойственного числа можно назвать: *глаза, уши, бока*), в венгерском языке, как отмечает В. М. Никитевич [1963: 52], передается как единое целое по отношению к парным частям и

¹⁹ «В некоторых языках числительные могут определять имена в единственном числе, так же как и во множественном».

органам тела, например: венг. *fél szemmel* ‘одним глазом’ буквально означает ‘половиной глаз’.

Аналогичные языковые факты подтверждают существование двойственного числа в уральском праязыке, неоспоримым свидетельством этого является и то, что двойственное число все еще сохранилось в некоторых финно-угорских и самодийских языках, где парность можно выразить морфологически: манс. *õйка* ‘мужчина’ – *õйка-г* ‘двое мужчин’ – *õйка-т* ‘мужчины’, *колквё* ‘домик’ – *колквё-г* ‘два домика’ [Ромбандеева, Вахрушева 1984: 44]; хант. *қат* ‘дом’ – *қат-қән* ‘два дома’ – *қат-эт* ‘дома’ [Терешкин 1961: 30]; нен. *хасава* ‘мужчина’ – *хасаваха* ‘двое мужчин’ – *хасава*” ‘мужчины’, *не* ‘женщина’ – *нехэ* ‘две женщины’ – *не*” ‘женщины’ [Терещенко 1956: 40]. Вероятно, после распада финно-угорского языка-основы, двойственное число продолжает последовательно употребляться в угорских языках, саамских языках, а финно-волжская общность уже утрачивает данную систему числа.

Форма единственного числа в этих языках обозначает, как правило, один предмет, иногда два предмета. Последнее бывает в тех случаях, когда парные предметы осмысляются как единое целое, а части парных предметов – как половина целого, например: хант. *сапық нэлёк* ‘один сапог’ (*букв.* ‘сапог половина’), *нас нэлёк* ‘одна рукавица’ (*букв.* ‘рукавица половина’) [Терешкин 1961: 30].

Двойственное число произошло именно из проявления парных предметов. По мнению О. Ф. Жолобова [2001: 100], «парность, явившаяся источником дуалиса, – это количество, которое выступает как род качества». Это окачественное количество, потому что парные предметы, пребывая в количестве двух, являются качественным повторением друг друга и образуют единство совместным воплощением симметричной пространственной конфигурации. Интегральный количественный компонент в семантике парных обозначений способствовал трансформации парного числа в двойственное.

Именно к реликтовым проявлениям двойственного-парного числа и можно отнести венгерское *fél kezem* ‘однорукий’ (букв. ‘половинорукий’), *fél lábam* ‘одноногий’ (букв. ‘половиноногий’).

Быть может, от возможного двойственного числа и берет свое начало употребление в удмуртском языке понятия *пал* ‘непарный, одинокий, один из пары’ со значением ‘один’ с парными существительными (в основном это лексемы, обозначающие части тела, одежду, обувь): *Онди шоры пал синмыныз но оз учкы [Пылькин]* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 16). ‘Не взглянул [Пылькин] на Онди ни одним (букв. ‘непарным’) глазом’. *Яша, пал кыныз укно янак борды пыкъяськыса, шокатэк кадь сьлйз* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 81). ‘Яша, опершись к косяку одной рукой, постоял, словно бездыханно’. *Анаез борды жисптыськиз [Фаина], пал суйыныз чырты бордаз зыгырскиз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 126). ‘Прижалась [Фаина] к маме, одной рукой обняла за шею’. *Огшан маке малтаськиз [Оберьян], лэся, юртэз-ерез шоры учкиз, урам кузя синйылтыськиз на, толэзь пала берытскиз, собере, нуклэ дуре пал пыдыныз кариськыса, сое погыртйз, ас дорысьтыз питыртыса донгиз* (Н. Самсонов. Аджон. 5). ‘Некоторое время, видимо, о чем-то думал [Оберьян], посмотрел на свое подворье, глянул на улицу, повернулся к луне, затем, коснувшись одной ногой поляна, уронил его, откатил от себя’. *Со дыбыртэм пыр мон пал пельыным кылзйськисько улйын нукусьёслэсь кенешемзэс* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 210). ‘Сквозь этот грохот я одним ухом слушаю разговор сидящих внизу’.

Впоследствии, вероятно, с расширением значения рассматриваемого слова (и с прочно установившейся бинарной системой числа – множественного и единственного, в силу исчезновения двойственного) лексема *пал* ‘непарный, одинокий, один из пары’ начинает функционировать и с непарными существительными, полностью приобретая семантику числительного ‘один’: *Коть нош кинэн ке но пал кыл ке но поттылыны луы-*

сал, оло нош, куддыр тышкаськемед но юнме борддор борды ой шуккиськысал (Н. Самсонов. Адзюн. 21). ‘Хоть с кем-то можно было бы перекинуться хоть одним словом, быть может, иногда и ругань напрасно не ударялась бы об стены’. *Миколай пал кисыризэ но оз выреты Ондйэлэн юамезлы пумит* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 40). ‘Миколай не повел ни одной морщинкой на вопрос Онди’. *Анна Михайловна Сашаен ваче ужазы, пал кыл но оз вазьылэ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 305). ‘Анна Михайловна с Сашей работали вместе, но ни словом не перекинулись’. *Орина кенак со [Люба] пала пал вамыш лэсьтйз но со сямен пумиз кадь* (Г. Медведев Г. Бадзым нунал. 156). ‘Тетя Орина сделала в ее [Любы] сторону один шаг и так и застыла’. *Гожто ай шуиз но, пал чур но оз ысты покчи Королед* (Н. Самсонов. Агбай. 360). ‘Сказал, что напишу, но ни одной строчки не прислал младший Король’.

Здесь, соответственно, мы можем отметить, что наряду с числительным *одйг* ‘один’ в результате семантического перехода в современном удмуртском языке весьма свободно с этим же значением употребляется слово *пал* ‘непарный, одинокий, один из пары’, который утрачивает семантику части, половины целого.

Однако нельзя сказать, что рассматриваемое слово в современном языке не употребляется в значении ‘половина’, к примеру: *Нош мар кароно аресэн палын Галя нылыныз но синтэм кылем мемиеныз* (В. Садовников. Кошкизы но – оз берытске. 99). ‘А что делать с полуторагодовой (букв. ‘годом половиной’) дочерью Галей и ослепшей мамой’.

Если рассмотреть этимологию слова *пал* ‘непарный, одинокий, один из пары’, то можно обнаружить весьма яркие параллели и в родственных финно-угорских языках: кз. *pöv* ‘половина, долька’ – общеперм. **pAl* [КЭСК 1970: 227], мар. *пеле* ‘половина, один из парных предметов’ | мокш. *p'nl'ě* ‘тж’ | саам. *bælle* ‘тж’ | хант. *pēBkk* ‘сторона’ | манс. *päl, pāl* ‘тж’ | венг. *fél* ‘сторона, половина’. = урал. **pälä* [КЭСК 1970: 227; SSA2 1995: 348], **pele-* [MNTESZ 1967: 870].

В финском языке в качестве параллели исследователи отмечают слово *pieli* ‘сторона, край, косяк’ [SSA2 1995: 348; MNTESZ 1967: 870].

3.3.2. Категория числа имен числительных

Другой вопрос, который был поставлен нами в начале предыдущего раздела, – уместно ли говорить о категории числа как об одной из категорий имени числительного, иными словами, имеет ли числительное в удмуртском языке противопоставленные формы множественного и единственного чисел.

Как отмечают исследователи, «в основе грамматической специфики числительных лежит их особое отношение к грамматическому числу: выражая понятие числа своим лексическим значением, числительное обычно не соотносится с категорией грамматического числа; изменение числительного по числам избыточно» [ЛЭС 1990: 583].

Но нельзя сказать, что имена числительные не принимают форм множественного числа. Так в финском языке наблюдается полное согласование числительного и существительного: “*Numeraalit on kuitenkin monikossa, kun se kongruoi monikkosan eli sellaisen substantiivin kanssa, joka on monikkomuotoinen mutta viittaa jaottomaan tarkoitteeseen, kuten juhlat, kärryt, housut: kolmet hienot juhlat, kolmissa hienoissa juhliissa*”²⁰ [ISK 2005: 753].

Как показывают наблюдения и факты языка, в удмуртском языке возможно сосуществование имени числительного и категории числа в единстве (это отмечают и исследователи удмуртского языка [Ушаков 1995: 227]), так как достаточно часто имя числительное выступает с маркером множественного числа.

²⁰ «Числительное во множественном числе, когда оно согласуется с таким существительным, которое стоит в форме множественного числа и указывает на неделимое, как *праздник, тележка, брюки: три замечательных праздника, на трех замечательных праздниках*».

Множественное число числительного употребляется для выражения каких-либо значений и отношений. Среди таких случаев можно выделить несколько наиболее часто встречающихся.

1. Суффикс множественного числа числительного используется для выражения приблизительного значения. Данное примерное количество определено рамками числительного: *Ну, тодэлэ, кӧня арес мыным? – Ну-у... куамын витьёс... куамын куатьёс* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 135). ‘Ну, угадайте, сколько мне лет? – Ну-у, примерно тридцать пять... тридцать шесть’. *Пеймыт луэм бере, жьыт дас одйгъёсы, нош ик сюлэм шуг луыны одъяз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 195). ‘После того как стемнело, вечером примерно около одиннадцати, снова на сердце начала появляться тревога’. *Пиышлы аслыз соку дас витьёс сяна ой вал* (П. Чернов. Дор. 19). ‘Мальчику самому тогда было только около пятнадцати’.

Числительное, маркированное суффиксом множественного числа, может выражать приблизительность в финском языке, в некоторых тюркских языках (см. 3.2.3.).

2. Как количественные, так и порядковые числительные могут принимать форму множественного числа, приобретая при этом оттенок совокупности, группы предметов, явлений, людей, объединенных в определенное единство, целостность: *Солэн [конвейерлэн] кутсконаз машинае одйгъёсыз ужасьёс одйг детальёс но гердъёс пукто, цехлэн шораз – мукетъёссэ, цехлэн пумаз – куинетйоссэ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 176). ‘В его [конвейера] начале одни рабочие в машину ставят одни детали и узлы, в центре цеха – другие, в конце цеха – третьи’. *Мынам, ма, куинетйосыз возьдаськытон тодам но өвӧл – Бани Камитовналэн куараез, вешамез сюлэмме лычсузъытэ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 52). ‘Да у меня и в мыслях нет смутить третьеклассников (букв. ‘третьих’) – от голоса, ласк Бани Камитовны дух захватывает’. *Куд-огез янгыш каро космосэ тубамзэс, мукетъёсыз ядерной испытаниосыз, куинетйосыз озон «пасъёс» шедьтйллям* (Н. Самсонов. Агбай. 392). ‘Некоторые обвиняют

подъём в космос, другие ядерные испытания, третьи нашли озоновые «дыры»'. *Нош соослы пумит чук пала кыстйсько фронтысь вуэм сёсырмемъёс, заводысь станокъёс, отын ужасъёс, гуртъёсысь пудоос. Озы тйни: одйгъёсыз – жьыт пала, мукетъёсыз – шунды жьужан пала* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 8). 'А им навстречу на восток тянутся раненые с фронта, станки с заводов, рабочие, скот из деревень. Вот так: одни – на запад, другие – на восток'.

Пример *одйгъёсыз ужасъёс* 'одни рабочие' демонстрирует нам возможность полного согласования (в числе и в падеже) между именем числительным, имеющим выделительно-указательный суффикс, и определяемым им существительным: *Ваньмыз азьло сямен ик кошке: одйгъёсыз воргоронъёс кузьясько, музонъёсыз кылзйсько* (Е. Афонин. Йырмурт. 113). 'Все идет как раньше: одни мужики хозяйничают, другие слушаются'. Такое явление достаточно редко, но встречается в удмуртском языке.

При отсутствии определяемого имени существительного наблюдается субстантивация числительного с выделительно-указательным суффиксом, весьма свободно выступающего в формах косвенных падежей и в форме множественного числа.

3. Порядковые числительные, выражающие десятки, могут использоваться во множественном числе для выражения времени, охватывая примерно десяток лет: *Витьтонэтйос шорын райкомысь Швыденкоез улязы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 144). 'В середине пятидесятых Швыденко выгнали из райкома'.

4. Числительное может иметь маркер множественного числа в том случае, если употребляется для обозначения отметки: *Соиз умой: таяз аре пырисъёслэн аттестатысьтызы ньыль оценокэс лыдэ басьтозы, нош мынам отын «ньыльёсыз» кык гинэ, мукетъёсыз «витьёс»* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 187). 'То хорошо: у поступающих в этом году будут учитывать четыре оценки из аттестата, а у меня там «четверок» только две, остальные «пятерки»'. *Коля кызы но озы «ньыльёс» басьтылйз –*

стипендия вань (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 142). ‘Коля кое-как «четверки» получал – стипендия есть’; *Зэм, азьвыл «нбыль-ёслы»-«витьёслы» дышетскись пияш городын «кыкьёс» октыны кутскиз* (Кенеш, 2007. №11–12: 63). ‘Правда, учившийся раньше на одни «четверки»-«пятерки» мальчик в городе начал получать «двойки»’. В данном случае также очевидна субстантивация.

Несколько иную возможность выступать в форме множественного числа числительное реализует в коми-пермяцком языке, где «при подлежащем во множественном числе они могут принимать показатель множественного числа прилагательного *-ёсь*, например: *Татён морттэс кыка(ёсь)*. ‘Здесь людей двое’» [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 34)]. Подобных случаев использования суффикса множественного числа прилагательных *-эсь (-есь)* в удмуртском языке не наблюдается.

Отсюда вполне обоснованно можно подытожить, что имя числительное удмуртского языка не имеет достаточно ярко противопоставленных форм единственного и множественного чисел. Маркер множественного числа *-ос (-ёс)* употребляется для выражения определенных (иных) семантических отношений, что не свидетельствует о наличии такой грамматической категории как категория числа у имени числительного: в большинстве случаев числительное, имеющее суффикс множественного числа, субстантивируется, изредка, как свидетельствуют примеры, данный суффикс выступает в качестве формообразующего элемента аппроксимативных числительных.

ГЛАВА 4. Синтаксис имени числительного

4. 1. О синтаксических функциях имен числительных удмуртского языка

Имя числительное в удмуртском языке обладает рядом специфических морфологических черт, отличающих его от других частей речи. Но общая картина о числительном как о знаменательной части речи окажется неполной без описания его синтаксических функций, без учета того, как ведет себя имя числительное в составе словосочетания, целого предложения, в связи с другими членами предложения (хотя нередко нами при выявлении принадлежности к той или иной части речи слов, образованных от числительного, учитывался и синтаксический признак, иной раз он оказывался чуть ли не решающим). В связи с этим представляется важным выяснить, какие особенности сближают его с другими частями речи, и что именно является специфическим.

Среди данных синтаксических особенностей прежде всего необходимо отметить то, что имя числительное весьма свободно и последовательно может выступать в роли всех членов предложения, как главных, так и второстепенных.

4.1.1. Числительное в роли подлежащего

Числительное в роли подлежащего чаще всего выступает, когда стоит самостоятельно, вне связи с существительным, и в предложении подразумевается абстрактное число, когда ведется обычный счет: *Кык куиньлы уг люкиськы*. 'Два на три не де-

лится'. *Алигес Гарасьлы дас сизьым тырмиз* (Е. Загребин. Тулыс зор. 326). 'Недавно Герасиму исполнилось семнадцать'.

В качестве подлежащего чаще всего оказывается субстантивированное числительное, замещающее определяемое им существительное: *Озыи ке но, одйгез но пыдес йылысьтыз уг султы* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 55). 'Даже так ни один не встает с колен'. *Уд вала адыми сюлэмез: малы со куд-огзэ аджонтэм каре, мукетсэ гажса, нош куиньметйез со понна вань-а, öвöl-а – номыр кадь уг поты* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 61). 'Не поймешь человеческое сердце: почему оно некоторых ненавидит, другого уважает, а третий для него существует или нет – ему все равно'. *Дас одйг гурт. Соос пöлысь сизьымез Тылошурлы воксё палэнэ пуксьылэмын* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 13). 'Одиннадцать деревень. Из них семь расположены совсем в стороне от Тылошура'. *Куамын кык лэсьтйськисьёс но соослы юрттыны висьямьёс пöлысь дас ньылез чöшатскон договор гожтйзы* (Г. Медведев. Баджым нунал. 42). 'Тридцать два строителя и четырнадцать из числа выделенных им помощников подписали договор о соревновании'.

Абстрактное числительное, свободное от имени существительного, имеет возможность быть подлежащим и в коми языках: кз. *Дас юксё кык вылö*. 'Десять делится на два' [Кя 1998: 223]; кп. *Дас оз янсöтсьы куим вылö остатоктöг*. 'Десять не делится на три без остатка' [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 35)]. Замещая опущенное имя существительное и выступая в качестве подлежащего, числительное в коми-пермяцком языке также употребляется и в маркированной форме с *-а* (данный показатель возможен и с заимствованными из русского языка числительными): *Пятнадцать морт уджалисö, а двенадцатя шоччисисö*. 'Пятнадцать человек работали, а двенадцать отдыхали'.

4.1.2. Числительное в роли сказуемого

Числительное в роли сказуемого может функционировать как в сочетании со вспомогательным глаголом, так и без него. Рассматривая порядок слов в предложении, сказуемым которого является имя числительное, можно обнаружить тенденцию расположения числительного-сказуемого в конце предложения: *Асьсэ санаторийн кино возматэ, нош военнойёслэн залзы **кык**: коть киное пыр, коть танеце* (С. Самсонов. Гожтйсько тынды – сопал дуннее. 58). ‘В их санатории показывают кино, но у военных два зала: хоть в кино заходи, хоть на танцы’. *Нош пияшлэн дул-сюлэм – югыт бабля пилемъёс вылын, малпан **одйг**: эшишо, эшишо* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 22). ‘А настроение у мальчишки – на светлых пушистых облаках, мысль одна: еще, еще’. *Тодйськоды-а, пе, малы адямилэн ымыз **одйг** луэ, кыыз но пельыз – **кык*** (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромом. 61). ‘Знаете-де, почему у человека рот один бывает, рук и ушей – два’. *Соослы, строительстволэсь самой секыт но бад-зым ужъёссэ быдэсьясъёслы, уй но нунал но **одйг**: йырьё, гудо, вортто сюез* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 139). ‘Им, выполняющим самые трудные и большие дела строительства, и день и ночь одна: грызут, копают, возят землю’. *Врач азыын котькудйз адями **одйг** луыны кулэ, висёнлэн рангъёсыз өвёл* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 142). ‘Перед врачом все люди должны быть одинаковыми, у болезни нет рангов’. *Удмуртиысь пияш **кыкетй** луиз, нош куинетй интые потйз Татарстанысь Ильмур Закиров* (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 28-тй август. 5). ‘Мальчик из Удмуртии стал вторым, а на третье место вышел Ильмур Закиров из Татарстана’. *«Яратйсь муртлэн синмыз **сизыым**», – юнме вераллянтэ, дыр* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 75). ‘«У любящего человека глаз семь», – возможно, не зря сказано’.

Оказываясь в качестве сказуемого, имя числительное в удмуртском языке не приобретает никаких специальных маркеров, чаще всего лишь позиционно оказывается в конце предложения, такое же явление наблюдается и в марийском языке: *Иванын йо-*

чаже нылыт. ‘У Ивана детей четверо’ [СМЯ 1961: 121]. В коми-пермяцком языке числительное, выступающее в функции сказуемого, приобретает суффикс *-а (-я)*, показывающий итоговый счет [Кривощекова-Гантман 1985 (по: 2006: 121)]: *Велӧт-чиссез классас тридцатя*. ‘Всего учеников в классе тридцать’.

Заметим, что в удмуртском языке отсутствует согласование подлежащего со сказуемым-числительным и в грамматическом числе, в коми-пермяцком можно отметить и данное явление, что, таким образом, еще больше сближает коми числительное с именем прилагательным: *Нія вӧлісӧ витайӧсь*. ‘Их было пятеро’. *Быдӧсыс курӧггес пятнадцатяӧсь*. ‘Всего куриц пятнадцать’ [Кривощекова-Гантман 1956 (по: 2006: 33)].

Что же касается порядка расположения числительного коми языка по отношению к имени существительному, то перестановка местами (а именно расположение в позиции после существительного) приводит лишь к изменению смысла словосочетания – приобретения значения приблизительного количества, но не влечет изменения синтаксической функции числительного, как это происходит в удмуртском языке: *керку вит* ‘приблизительно пять домов’, *кольть квать* ‘около пяти яиц’, *лун нӧль* ‘дней пять’: *Гарьямӧ метр кык пыдына ыджыт яма, – вись-таліс инженер аслас решение йылісь, – лӧдзам сэтчӧ сруб*. ‘Выкопаем глубиной приблизительно два метра большую яму, – сказал инженер о своем решении, – спустим туда сруб’ [Кривощекова-Гантман 1967 (по: 2006: 71)].

4.1.3. Числительное в роли определения

Числительное достаточно часто выступает в качестве определения: *Будӧсь нылаш но, анаезлэн мадемезъя, син аяз пуктыны кутскиз атаезлэсь кызетӧй арӧсы кызыы быремзэ* (Р. Валишин. Тӧл гурезь. 15). ‘И подрастающая девочка, по словам матери, начала представлять, как погиб ее отец в двадцатые годы’.

Одйг гуын кык гондырьёс уг уло (Е. Загребин. Тулыс зор. 10). ‘В одной яме два медведя не уживаются’. *Сизыым воргоронъёс, кор вылэ пуксыыса, Романовлэсь «Беломорзэ» кыско* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 29). ‘Семеро мужчин, усевшись на бревно, покуривают «Беломор» Романова’.

Являясь определением имени существительного, числительные нередко принимают выделительно-указательный суффикс, и в этом случае наблюдается неполное согласование определяемого с определением – согласование только в форме падежа, но при существительном во множественном числе используется немаркированное данным показателем числительное: *Кыкысьтыз ик возысь мешокъёс гуэ тыремын* (Р. Валишин. Төл гурезь. 9). ‘Из обеих повозок мешки сложены в яму’. *Озыы шуэ педтехникумысь одйгез дышетісьсы* (Р. Валишин. Төл гурезь. 62). ‘Так говорит один их учитель из педтехникума’. *Огзэ педалез зйби, мукетсэ – машина вырзиз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 26). ‘Одну педаль нажал, другую – машина тронулась’. *Пыдын ветлонъяз-ветлонъяз учке но – огаз вашкала урамын Паустовскийлэсь вань томъёссэ кыре поттыса вузало* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 16). ‘Ходил-ходил пешком, смотрит – на одной из старинных улиц продают все тома Паустовского’.

Согласование можно наблюдать и в случае употребления существительного с послелогом, выражающем пространственное отношение. В таком случае числительное, являясь атрибутом существительного, больше грамматически зависимо от семантики послелога: *Одйгаз дöды бöрсьы думемын вал Дэмдор Кымыс но* (Р. Валишин. Төл гурезь. 105). ‘За одними санями привязан был и Дэмдор Кымыс’. *Яке пульёс борды кортöогъёс йыгано, собере нюлэскысь одйгаз, Аркашлэн самой яратоно, чем ветлоно сюрес вылаз кельтоно* (Н. Самсонов. Адзöн. 65). ‘Или к доскам прибить гвозди, затем оставить на одной самой любимой Аркадием дороге, по которой он часто ходит’. *Одйгысьтыз корка бордысь Фаина адзиз выль киноплакатэз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 166). ‘На одном из домов Фаина увидела но-

вый киноплакат'. *Вож буюм капкалэн юбо йыльёсаз куиняз ик левъёс; соос азь пыдъёссэс азьлань куштыса, кузь изнэсо йыр-ёссэс өжыт кырыж возыса кыллэ* (М. Петров. Вуж Мултан. 243). 'На всех трех столбах ворот, покрашенных в зеленый цвет, лвы; они лежат, раскинув вперед передние лапы, немного скривив длинногривые головы'.

Числительное может быть определением не только нарицательного, но и собственного имени существительного: *Галя ватскиз, малы нылъёслэсь бёрсяз лыктэмзэс: татын соос куинь Гальяос выйллям* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 49). 'Галя поняла, почему девочки шли за ней: оказывается, их здесь было три Гали'. *Зэмен но. Огез Иськан кошкиз, зучодем Иськанэз вуиз* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 148). 'И впрямь. Один Иськан уехал, обрусевший Иськан приехал'. *Кык Иськанъёслэн яратонзы одйг вылэм* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 140). 'У двух Иськанов любовь была одна'. *Гавилэн одйг Нюркаез вань, Нюркалэн – одйг Гавиез* (Н. Самсонов. Агбай. 269). 'У Гави есть одна Нюрка, у Нюрки – один Гави'. *Одйг пол соос куинь кузя школабсь гуртазы бертыны потйзы: Нина Кузьминична но кык Галановъёс – атаез но пиез* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 124). 'Однажды они отправились из школы домой втроем: Нина Кузьминична и двое Галановых – отец и сын'.

Как бы парадоксально это ни звучало, но имя числительное может быть определением и отнумеральных слов, иными словами с количественной стороны характеризовать слово, выражающее некое субстантивированное количество. Определяемое слово в таких случаях абстрагируется, субстантивируется: *Лйял вылэ пуксьыса, аттестатме поттй. Отын кык «ныльез»* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 102). 'Усевшись на пенек, достал свой аттестат. Там две «четверки»'. *Бойков но пыриз, картаен шудэмысь дудйз но одйг «вить» басьтйз со, озьы кызь балл люказ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 122). 'И Бойков поступил, перестал играть в карты и получил одну «пятерку», так набрал двадцать баллов'.

4.1.4. Числительное в роли дополнения

Имя числительное выступает в предложении в качестве дополнения при счете, каких-либо вычислениях: *Собере со пась-талазэ огазе ватса но **куиньлы** люк* (Р. Валишин. Төл гурезь. 45). ‘Затем эту ширину сложи воедино и раздели на три’. *Кузпальёс Алексеевъёс егитэсь өвёл ини – кыксылы ик **нбыльдонлэсь** ортчемын, дыр* (Р. Валишин. Төл гурезь. 76). ‘Супруги Алексеевы уже немолодые – обоим, наверное, больше сорока’. В коми языке: *Дасёс юкёй кык вылö*. ‘Десять разделите на два’ [Кя 1998: 223].

Чаще всего в функции дополнения оказывается субстантивированная форма числительного, замещающая подразумевающееся в контексте существительное: *Соин ик **огезлы** но **кыкезлы** мыло-кыдо вазиське [Тагир]* (Р. Валишин. Төл гурезь. 68). ‘Поэтому к одному и второму радостно обращается [Тагир]’. *Куиньметйэз нокинлы уг сёто на* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 126). ‘Третий пока никому не дают’. *Армие кошкыкум, **кыксэ** мертто* (Е. Загребин. Тулыс зор. 9). ‘Когда буду уходить в армию, два посажу’. *Кыксэ быдэстыны удалтоз, дыр. Куинетйеныз вот герзаськи но нокызыы люкиськыны уг быгатйськы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 152). ‘Два, наверное, удастся закончить. Вот с третьим связался и никак не могу расстаться’.

4.1.5. Числительное в роли обстоятельства

Числительное оказывается в предложении в функции обстоятельства, выступая в форме местных падежей: *Нош Павел Игнатъевич тодэ – **куатътонысь** кемалась потэмын ини [Савелий Никифорович]* (П. Чернов. Тулысысен сйзыылозь. 13). ‘Но Павел Игнатъевич знает – уже давно ему [Савелию Никифоровичу] за шестьдесят’. *Уждунмес толэяз **кызь витёзь**, собере **дас витёзь** кулэстйм* (Г. Перевощиков. Ёыбыртты музеймы. 42). ‘Заработную плату в месяц сократили (мы) до двадцати пяти,

затем до пятнадцати’. – *Кöня час? – Куине мынэ, – часэзлэсь жэуась стрелкаоссэ учкиз Гриша* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 31). ‘– Сколько времени? – Третий пошел, – Гриша посмотрел на светящиеся стрелки своих часов’.

Довольно часто числительное, маркированное притяжательным суффиксом, выступая в роли обстоятельства, выражает возраст: *Мон витьтон витям выжыса но асме егит шуисько* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 26). ‘Даже в свои пятьдесят пять (букв. ‘перейдя в мои пятьдесят пять’) я называю себя молодым’. *Чэпак тй ёз гинэ вылэм ай соку Сандыр, дас витьсэ тырмытыса, дас куатяз гинэ потэм* (Г. Перевошиков. Йыбырты музьемлы. 124). ‘Как раз вашего возраста был тогда Саша, пятнадцать исполнилось, шел только шестнадцатый год’ (букв. ‘перешел в свои шестнадцать’). *Кызыы уд пукы, пие, кызыы уд пукы. Тямыстон укмысэтийям потй ини, тямыстон укмысэтийям* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 104). ‘Как не сидеть, сынок, как не сидеть. Мне уже пошел восемьдесят девятый, восемьдесят девятый’.

Таким образом, в синтаксическом отношении числительные удмуртского языка характеризуются тем, что они обнаруживают возможность различного сочетания с другими словами, при этом также принимать все допустимые формы падежной системы удмуртского языка (см. 3.2.2.) и в связи с этим могут являться различными (как главными, так и второстепенными) членами предложения.

4.1.6. Вводные слова

Кроме всего прочего, нельзя упускать из виду и то, что порядковые числительные достаточно часто несут весьма важную текстообразующую функцию, выступая в качестве вводных слов, семантически выражая порядок изложения, мыслей, доводов: *Вот ма. Нырысь ик, мон туннэ бригадир интые кылемын.*

Тод кинэн вераськемдэ. **Кыкетйез**, милемлы лекция лыдзыны од ке лыкты, мын складэ (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 30). ‘Вот что. Во-первых, я сегодня остался вместо бригадира. Знай, с кем разговариваешь. Во-вторых, если не лекции нам читать пришел, иди на склад’. **Нырысь ик**, лач-лач пуктылон сярись сюлмаськиськод. **Кыкетйез**, октон сярись сюлмаськоно (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 125). ‘Во-первых, заботишься о плотной кладке. Во-вторых, нужно позаботиться о сборе’. **Нырысь ик**, куштйськоно луоз музъемез арендае басьянлэсь; **кыкетйез**, уш кошкымон (паймымон) чебер ужни будэтйид, пие (Е. Афонин. Йырмурт. 102). ‘Во-первых, нужно будет отказаться от аренды земли; во-вторых, ты вырастил удивительно красивого жеребца, сынок’. **Нырысь ик**, тросэзлы киязы пычал кутано луоз. **Кыкетйез**, татчы кылемъёсыз фронтэ мынэмъёслэсь но ужзэс быдэсьяно луозы (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 13). ‘Во-первых, многим придется взять в руки ружье. Во-вторых, оставшимся здесь придется выполнять и работу ушедших на фронт’.

4.2. Числительное в составе сложного слова

Еще одна деталь, которую необходимо учитывать при определении синтаксической роли имени числительного в предложении – это возможность числительного оказываться одним из компонентов сложного слова. Здесь возможны различные подходы и трактовки, ибо в настоящее время по правилам удмуртского правописания встречаются как слитнооформленные, так и раздельнооформленные сложные слова. Что касается последних, то в большинстве случаев они все-таки чаще всего воспринимаются как словосочетания, так как именно словосочетание в данном случае является исходной единицей для образования сложного слова. В удмуртском языке этот вопрос является актуальным и спорным, в последнее время исследователи всерьез задумались о подобных конструкциях. Так, Д. А. Ефремов,

рассматривая прилагательные-компози́ты подчинительного типа, приходит к выводу, что сложные слова типа *куиньаресъем* 'трехлетний' целесообразнее писать слитно [Ефремов 2004: 83].

Тому, что подобные конструкции являются именно сложными словами, а не словосочетаниями, исследователь приводит достаточно убедительные доказательства, выделяя следующие особенности прилагательных-компо́зит²¹:

1. «Цельнонаправленность», т. е. элементы композит обозначают одно целостное лексическое значение, каждый компонент конструкции не характеризует один и тот же предмет по отдельности, а только в совокупности: *Нош ньыльдон аресъем казакныллэн вожпотонэз сильтöллэсь но кужмогес вылэм* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 17). 'А злость сорокалетней незамужней женщины оказалась сильнее бури'. *Та фонарь пиялалэсь ньыль сэрго ящик выллем лэсьтэмын* (Р. Валишин. Тöл гурыз. 107). 'Этот фонарь сделан из стекла как четырехугольный ящик'.

2. «Взаимообусловленность и взаимопроникновение» сегментов, в силу чего невозможно опустить какой-либо компонент без потери смысла и цельности слова: *Улэ со [Урванцев] туэ гинэ пунктэм куать сэрго, бадзым коммунальной коркан* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 80). 'Живет он [Урванцев] в построенном в этом году пятистенном большом коммунальном доме'. *Специалистъёслы, механизаторъёслы но егит кузнальёслы ньыль квартираё кык корка пунктэмын* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 7). 'Специалистам, механизаторам и молодым супругам построено два четырехквартирных дома'.

3. «Синтаксическая цельность» – компоненты сложного слова не могут вступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами и выступают как один член предложения: *Кирпич гид кык люкето, соосыз улыно-вылыно юрт герза* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 42). 'Кирпичный хлев из двух отделений, их связывает двухэтажное здание'. *Куинь кузя пуко:*

²¹ Подбор примеров осуществлен нами в соответствии с тематикой нашего исследования.

Зоя куинь аресъем нылыныз татчы вуэм (Р. Валишин. Тӧл гу-резь. 60). ‘Сидят втроем: приехала Зоя со своей трехлетней дочерью’. В первом предложении рассматриваемая конструкция является сказуемым, во втором – определением.

Кроме всего прочего, Д. А. Ефремов отмечает наличие одного самостоятельного силового ударения, мотивированность сложного слова соответствующим словосочетанием и наличие типологически похожих сложных слов в различных языках, в которых при этом и в правописании наблюдается слитноформленность.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что имя числительное выступает в качестве одного из сегментов сложного прилагательного, компоненты которого воспринимаются как единое целое, а не в качестве отдельных элементов. Раздельное написание подобных конструкций лишь влечет за собой возможные разночтения в смысловом отношении, к примеру: *Дас куать аресъем пиосыз военной ужлы дышетыны капчи ӧвӧл* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 93). ‘Шестнадцатилетних мальчишек нелегко обучать военному делу’. *Соин артэ дас ньыль этажен юртъёс сыло* (В. Смирнов. Будо бадярьёс. 112). ‘Рядом с ним стоят четырнадцатизэтажные здания’. Раздельное написание и отсутствие контекста дает вполне обоснованный грамматический повод перевести данные предложения следующим образом: ‘Шестнадцать годовалых мальчишек нелегко обучать военному делу’ или ‘Десять шестилетних мальчишек нелегко обучать военному делу’; ‘Рядом с ним стоят десять четырехэтажных зданий’. Именно слитное написание могло бы избавить нас от подобных разночтений и возможных недоразумений в переводах удмуртских текстов на другой язык.

Данные конструкции, подобно большинству имен прилагательных, имеют также тенденцию к субстантивации, выступая в предложении в таком случае в качестве одного члена предложения: *Со уин вуизы ук ньыль пыдоосыд* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 116). ‘Той ночью появились ведь четвероногие’.

Витътон аресьёсыз но луйло (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 54). ‘Бывають и пятидесятилетние’. *Давай, браток, бертэм поннад озгэ коть аслэсьтыдзэ, витъ кизилиёзэ, пукты, тон понна юом* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромом. 52). ‘Давай, браток, за свое возвращение одну хоть свою, пятизвездочную, поставь, за тебя выпьем’. *Кышкыт адыми, кык ымыроосын пумиськылонлэсь Инмар мед утёз вал* (Е. Афонин. Йырмурт. 136). ‘Страшный человек, упаси Бог встретиться с двуликими’.

Все рассмотренные конструкции образуются по модели числительное + существительное (в большинстве случаев оно оказывается маркированным показателями *-o* (*-ё*) или *-ем*). Суффиксация в подобных случаях также влечет за собой слитное написание, что отмечают, к примеру, в правописании финских сложных прилагательных: «*Jos sanaliittoon (kokonaisuuena) liittyy johdin tai yhdyssanan jälkiosa, jää sananväli pois*»²² [Ikola 2000: 110]. В целом, перед нами оказывается следующая картина: образованное первоначально словосочетание, первым компонентом которого является числительное, вторым – существительное, типа *куинь арес* ‘три года’, подвергается суффиксации с образованием сложного прилагательного – *куиньаресъем* ‘трехлетний’. Таким образом, словообразование идет по модели (числительное + существительное) + суффикс *-o* (*-ё*) или *-ем*.

Как следствие, происходит лексикализация данных словосочетаний, и они приобретают одно целостное, неделимое значение, соответственно, и в предложении они несут одну синтаксическую функцию.

Рассматриваемый вопрос (слитное или раздельное написание сложных прилагательных) кажется вполне разрешимым в пользу первого мнения, если брать во внимание правописание сложного прилагательного, первым компонентом которого является простое имя числительное, а вторым – имя существитель-

²² «Если к словосочетанию (в целом) добавляется словообразовательный суффикс или окончание сложного слова, промежуток между словами стирается».

ное, как в примерах, приведенных выше. Несколько более интересными оказываются случаи, когда первым компонентом подобных конструкций выступает сложное, составное имя числительное или, к примеру, числительное приблизительного значения: *Ми солэн [анайлэн] дас ньыль-дас вить аресъем сузэреныз гинэ кылиськеммы* (П. Чернов. Тулысысен сйзыбылозь. 92). ‘Мы, оказывается, остались только с ее [мамы] четырнадцати-пятнадцатилетней младшей сестрой’. *Ос ваяк усътйське но, быг-быг мугоро, ог куамын аресъем кышномурт пыре* (Р. Валишин. Төл гурезь. 72). ‘Дверь настежь распахивается, и входит полнотелая женщина лет тридцати’. *Тыро шукод бере, талы коть мар но со басьяны яралоз, – ог тямыс-укмыс аресъем пиез пала йырыныз шонтйз со* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 94). ‘Раз говоришь, что будешь платить, хоть пригодится на покупку чего-либо для этого, – кивнул он в сторону сына восьми-девяти лет’. *Урдэсказ жсамак учертыса, Нюра адзиз: вöзаз ог дас – дас ньыль аресъем кык пияшйёс сыло* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 23). ‘Мельком взглянув в сторону, Нюра увидела: рядом с ней стоят двое мальчишек лет десяти-четырнадцати’. *Гуртысь укмыстон процентэз дас ньыль – дас тямыс аресъем егитйёс со понна гинэ уло, дыр* (Е. Панфилова. Мумы. 9). ‘Девяносто процентов деревенской молодежи четырнадцати-восемнадцати лет только для этого, возможно, и живут’.

В финском языке: *ajaa seitsemää–kahdeksaakymppiä* [ISK 2005: 418]. ‘Kirjoituksessa summayhdysosan osia voi kytkeä paitsi yhdys- tai ajatusviivaa myös vinoviiva, esim. *joko/tai -kysymykset*’²³.

Возможно, такой подход к правописанию сложных прилагательных анализируемого типа можно рассматривать как один из вариантов, подходящих и удмуртскому языку: числительные, находящиеся в равноправных отношениях к определяемому слову, писать через косую черту, и через дефис прибавлять существительное, имеющее соответствующие суффиксы: *куинь/*

²³ «В правописании части сложного слова могут быть соединены кроме дефиса и тире также косой линией, например: *joko/tai –kysymykset*».

ньыль-аресъем ‘трех-четырёхлетний’, *огсизьым/тямыс-аресъем* ‘примерно семи-восемилетний’, *даскык/дасньыль-этажъем* ‘двенадцати-четырнадцатипятиэтажный’. Но вопросы правописания для удмуртского языка на сегодняшний день остаются открытыми и весьма актуальными, требующими системного подхода.

Имя числительное может оказаться также и в составе глаголов, отглагольных слов – сложных слов, состоящих из двух компонентов: числительное + существительное. Вербализация словосочетания происходит при одновременном присоединении глагольного суффикса *-яськ-*: *Бен оgez но озьы ѓз ветлы ини – ньыльпыдьяськыса гинэ, вераськыны но шытыртыса сяна ѓз вераське* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 7). ‘Да ни один уже так не ходил – только на четвереньках, да и разговаривали уже только шепотом’. *Кыкпыдьяськемез бере, шонертйськытэк ик, адыми, киосыныз чабкылыса, дйськутсэ сузяны выриз* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 26). ‘После того, как встал на обе ноги (*букв.* ‘однуножился’), так и не выпрямившись, человек, похлопав руками, постарался почистить одежду’.

4.3. О числе имени существительного в сочетании с числительным

В сочетании с количественным числительным в удмуртском языке, как показывают наблюдения и свидетельствует большинство источников, существительные могут стоять как в единственном, так и во множественном числе: *Милям гуртысьтымы Сьѓд Ондыръян шуэм сямен, кык луд кеч сьѓры эн уиськы, оззэ но уд куты* (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 174). ‘Как говорит Сед Ондыръян из нашей деревни, не гонись за двумя зайцами, ни одного не поймашь’. *Ньылез койкаос бушесь, витетйез вылын урдсйн кылле кыче ке адыми* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 20). ‘Четыре кровати свободные, на пятой на боку лежит какой-то

человек'. *Логиновлы кык артысь коммунаосты висъязы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 150). 'Логинову выделили две соседние комнаты'. *Куинь нунал но куинь уй вамышъязы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 52). 'Три дня и три ночи шагали они'. *Тямыстон кык егит пиос но нылъёс, тямыстон кык врачъёс* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 85). 'Восемьдесят два молодых человека и девушки, восемьдесят два врача'.

Частотность употребления существительного в единственном и во множественном числе в сочетании с количественным числительным можно представить в таблице (данные получены методом сплошной выборки):

Таблица 2.

Источники	Чис. + сущ. в ед. чис.	Чис. + сущ. во мн. чис.	Числ.+опр.+ сущ. в ед. чис.	Числ.+опр +сущ. во мн. числе
Господа нашего... 1877	92 % (61)	8 % (5)	80 % (4)	20 % (1)
Munkácsi Bernát... 1896	81% (107)	19 % (26)	41 % (5)	59 % (8)
Кедра Митрей. Секыт зйбет.	81% (105)	19 % (24)	20 % (2)	80 % (8)
Лямин М. Шудбур понна.	81% (123)	19 % (28)	37 % (3)	63 % (5)
Петров М. П. Вуж Мултан.	73% (318)	27% (117)	6 % (1)	94 % (14)
Красильников Г. Тонэн кылысько.	86 % (94)	14 % (15)	-	100 % (5)
Архипов Т. А. Адымилэн чеберез.	69% (184)	31 % (81)	-	100 % (18)
Самсонов Е. Уй пал симфония.	75% (334)	25% (110)	26 % (4)	74 % (22)
Пукроков Ф. Кизили ныл.	83% (153)	17 % (32)	20 % (3)	80 % (12)

В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед.	65% (117)	35 % (63)	-	100 % (12)
Романова Г. Жужыт-жужыт гурезе.	86% (113)	14 % (19)	-	100 % (4)
Итого:	73 % (1731)	27 % (647)	15 % (22)	85 % (127)

Таким образом, исходя из полученных данных, в удмуртском языке существительное в сочетании с числительным в большей степени (73 %) употребляется в единственном числе, хотя со временем широкую распространенность получает и модель числительное + существительное во множественном числе. На наш взгляд, употреблению конструкций подобного типа все-таки большое влияние оказывает русский язык, который занимает довлеющее положение. В данном случае мы можем исключать близость татарского языка, ибо в современном татарском определяемое существительное при числительном также обычно употребляется в форме единственного числа: *бер китап* ‘одна книга’, *биш китап* ‘пять книг’, *ун китап* ‘десять книг’, *й|з китап* ‘сто книг’ [ТГ2 1993: 282]. Синтаксическое сочетание «числительное количественное + существительное в единственном числе» характеризует не только татарский, но и все тюркские языки, например, в башкирском: *утыл китап* ‘тридцать книг’, *алтмыш |й* ‘шестьдесят домов’, *й|l бала* ‘сто детей’. Дословно здесь сказано: ‘тридцать книга’, ‘шестьдесят дом’, ‘сто дитя’ (эти сочетания оказываются буквально идентичными конструкциям удмуртского языка). Поскольку числительное уже дает количественную характеристику предмета, языковая система считает излишним подчеркивать тот же момент формальным показателем множественности [Дмитриев 1948: 89].

Модель типа числительное + существительное в единственном числе характерна всем финно-угорским языкам. У существительного формальное выражение множественности отсутствует, иначе говоря, множественность выражается только

числительными: кз. *квйт морт* ‘шесть человек’, *сё поти* ‘сто жердей’ [СКЯ 1955: 180]; кп. *куим морт мунисö уджавны* ‘три человека пошли на работу’ [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 33)]; мар. *лу книга* ‘десять книг’ [СМЯ 1961: 119]. В языках индоевропейской семьи в подобных случаях используется существительное во множественном числе, это явление оказывает достаточно заметное влияние и на другие языки, так, к примеру, исследователи отмечают воздействие и на финский язык: «Indo-germaanisten kielten vaikutusta on, että ulkomaalais-suomea puhuvat taivuttavat lukusanan jälkeistä nominia monikossa»²⁴ [Koivisto 1994: 190].

Функционирование существительного во множественном числе, как уже было отмечено, возможно в мордовских языках: *Мон раминь кавто книгат*. ‘Я купил две книги’ [Морфология... 1939: 33]; *Школазонк састь работама кафта учительхть*. ‘В нашу школу приехали работать два учителя’ [Рогожина 2000: 150]. При этом современные исследователи предлагают рассматривать сочетания числительное + существительное в качестве единого члена предложения, т. к. синтаксически они не членятся [Рогожина 2000: 150].

Но в удмуртском языке не все существительные, сочетающиеся с числительным, употребляются во множественном числе. Имеются определенные семантические группы существительных – нумеративы²⁵, которые при сочетании с числительным обычно выступают в форме единственного числа. Нумеративы, или нумеративные слова, обозначают не конкретный предмет, являющийся объектом исчисления, а ту счетную категорию, к которой этот предмет относится. Это существительные,

²⁴ «Влияние индогерманских языков в том, что говорящие на иностранном финском склоняют имена после числительного во множественном числе».

²⁵ Некоторые исследователи используют термин мезуративы. Отмечают, что системы мезуративов являются «результатом скрещивания естественных языков с метаязыками точных и естественных наук, экономики» [ККСЕЯ 1990: 20].

обозначающие денежные единицы (*манет* ‘рубль’, *коньы* ‘копейка’, *копейка* ‘копейка’), временные отношения (*ар* ‘год’, *нунал* ‘день’, *уй* ‘ночь’, *толэзь* ‘месяц’, *арня* ‘неделя’, *минут*, *час*, *арес* ‘год’ (при выражении возраста) и т. д.), меры измерения (*грамм*, *килограмм*, *метр*, *тонна*, *гектар*, *литр* и т. д.): ***Куать ар талэсь азьло вал со, та́че ик шулдыр сйзьыл нуналэ*** (М. Петров. Вуж Мултан. 5). ‘Было это шесть лет тому назад, в такой же пригожий осенний день’. ***Туэ дас сизьым арес тырмиз Дашалы*** (М. Петров. Вуж Мултан. 116). ‘Этой весной Даше исполнилось семнадцать лет’. ***Нош тани та уин асьмелы эшишо куамын иськем ортчона*** (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 97). ‘А вот этой ночью нам еще тридцать километров нужно проехать’. ***Кык нунал кустын дивизия куатьтон иськем азьланьскиз*** (М. Лямин. Шудбур понна. 202). ‘За два дня дивизия продвинулась вперед на шестьдесят километров’. ***Куинь сю манет тырим*** (Г. Крайильников. Тонэн кылисько. 238). ‘Мы заплатили триста рублей’.

Функционирование существительных-нумеративов во множественном числе возможно, но в таком случае происходит изменение семантики высказывания, приобретает значение аппроксимативности, ограниченного пределом количества, выраженного числительным: ***Тйледлы эшишо куамын аръёс улыны кулэ на*** (М. Петров. Вуж Мултан. 103). ‘Вам нужно прожить еще лет тридцать’. ***Кбня со [кран], куинь тоннаос жсутэ, дыр*** (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 16). ‘Сколько он [кран], тонны три поднимает, наверное’. ***Захарычлы, нырысь учкемен, кызь вить аресъёс луэ вал сётыны*** (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 42). ‘Захарычу на первый взгляд можно было дать примерно двадцать пять лет’. – ***Кема-а отын улод? – юасько. – Уг тодйськы. Дас часъёсозь, дыр*** (С. Матвеев. Шузи. 32). ‘– Долго ли там будешь? – спрашиваю. – Не знаю. Примерно часов до десяти, наверное’.

Нельзя упускать из виду, что форма *аръёс* ‘годы’ широко используется не только со значением приблизительности, но в сочетании с порядковым числительным также и для выражения

собирающего значения ‘такие-то годы’: *Тон тодйськод-а, кӧня философъёсты быдтйзы асьмелэн куамын сизыметй аръёсы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 188)? ‘А ты знаешь, сколько философов погубили у нас в тридцать седьмые годы?’ *Куатьтонэтй аръёсы колхозын вал шоры ѓзгес учке ни* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 31). ‘В шестидесятые годы в колхозе на лошадь особо уже не смотрели’. *Быдъым ожмаськонлэсь азьло, куамынэтй аръёсы, татысь котырак интыез пыраны-потаны луонтэм нюлэсьёс чоктаса возиллям ай* (Н. Самсонов. Агбай. 344). ‘До великой войны, в тридцатые годы, здесь всю местность кругом покрывали непроходимые леса’.

Нумеративы могут функционировать во множественном числе и в таком случае, если это сочетание является определенным лексическим единством, т. е. при отсутствии числительного существительное в данной конструкции не употребляется, оказывается семантически ущербным: *Витътон аресьёсыз но луыло* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 54). ‘Бывают и пятидесятилетние’.

В качестве нумеративных слов порой могут выступать и вполне исчисляемые существительные, выражающие в семантическом отношении конкретные предметы, например, *ведра* ‘ведро’, *мешок* ‘мешок’, *тусьты* ‘миска, тарелка’, *пуньы* ‘ложка’ – чаще всего это существительные, обозначающие какие-либо ёмкости, вместительность которых известна, или предметы, имеющие определенный объём, размер, вес: *Та мусо нылъёслы одйг бидон йӓл вайыны кулэ вал* (Е. Загребин. Тулыс зор. 7). ‘Этим милым девушкам нужно было принести один бидон молока’. *Евдоким гур ыме кык-куинь кобы ву пальккиз но, омыр кӧня ке пол пильылйськиз кадъ* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылзъ. 89). ‘Евдоким плеснул в печь два-три ковша воды, и воздух, казалось, будто несколько раз треснул’. *Со понна, пе, йӓыны стакан спирт сётмыса лэзиз [Брянская]* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылзъ. 109). ‘За это-де она [Брянская] отправила полстакана спирта’. *Чукнаяз няньтэк гинэ одйг чаша чай юиз [Бутаров]*

(Г. Медведев. Бадзым нунал. 11). ‘Наутро даже без хлеба выпил [Бутаров] чашку чая’. *Сютэм улійсь Пчелин Подпругинлэсь одійг суқыри няньзэ лушкам* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 113). ‘Голодающий Пчелин украл у Подпругина один каравай хлеба’. *Палагей дас кык стакан тамакен бадзымзэгес [додды] лэсьтытэк ойлась* (П. Чернов. Дор. 11). ‘Пелагее пришлось сделать большего размера [сани] за двенадцать стаканов табака’.

Нумеративы выступают своеобразным качеством исчисляемого предмета, и, таким образом, для отдельных категорий слов употребляются только им одним свойственные обозначения: скот исчисляется по головам (*дас йыр ыж* ‘десять голов овец’), зерно – по мешкам (*куинь мешок чабей* ‘три мешка пшеницы’), суп – по тарелкам (*кык тусьты шыд* ‘две миски супа’) и т. д.

Примечательно, что в сочетании с количественным числительным нумеративы используются в единственном числе и в иранских языках, в то время как остальные существительные принимают прямую форму множественного числа: мундж. *ponj miX* ‘пять дней’, *Xi ráy ver* ‘три раза’, *bist čorák rūyn* ‘двадцать чораков масла’ [ОИЯ 1987: 188].

По данным, которые приведены в таблице 2, можно еще отметить, что в конструкции числительное + определение (прилагательное, причастие, местоимение) + существительное в большинстве случаев (по полученным методом сплошной выборки результатам 85 %) имя существительное выступает в форме множественного числа, например: *Соин йырин шат куке кык матысь адымиос пумиськызы кыдёкысь француз шаерын* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 137). ‘Разве поэтому два близких человека встретились в далеком французском крае’. *Заводлы кык бадзымесь корпусьёс лэсьтыны кутскемын вал* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 11). ‘Было начато строительство двух больших корпусов для завода’. *Кык жіужыт но мечі гурезьёсыз сайкыса, юнматэм карьёс лэсьтйллям* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 25). ‘Прочистив склоны двух высоких и крутых гор, по-

строили укрепленные городища'. *Мыным аслым но корка дорысьтымы кык веськрес, жужыт, бабылес мйы кызыпуос азын али ке но возыт* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 46). 'Мне и самой до сих пор стыдно перед двумя стройными, высокими, кудрявыми старыми березами, стоящими у нашего дома'.

На наш взгляд, доминированию такой формы способствует тот факт, что первичным по образованию является конструкция определение (прилагательное, причастие, местоимение) + существительное. Затем с целью дистрибуции нескольких объектов и единственного объекта существительное приобретает маркер множественного числа, например: *горд сяьска* 'красный цветок' – *горд сяьскаос* 'красные цветы'. Маркированное существительное указывает на множественность рассматриваемого предмета, а числительное, которое присоединяется впоследствии, лишь уточняет данное количество. Существительное же, в свою очередь, уже не утрачивает показатель множественного числа. Это подтверждается и тем, что невозможным оказывается перемена мест прилагательного и числительного в рассматриваемой синтаксической конструкции: «...the position of a numeral must be outside that of an adjective unmarked for plurality. Put simply, *red five houses* is illformed because a collection cannot be red; but *five red houses* is OK, because individual objects, such as houses, can be red»²⁶ [Hurford 1987: 220].

Кроме того, наши наблюдения приводят к расхождению с выраженной в научной грамматике мыслью о том, что «существительное *мурт* 'человек', следующее за числительным, тоже не употребляется в форме множественного числа» [ГСУЯ 1962: 151], поскольку оно может функционировать в данной позиции как в

²⁶ «...позиция числительного должна быть внешней по отношению к прилагательному, не имеющему показатель множественности. К примеру, *red five houses* (букв. 'красный пять домов') невозможно, так как коллекция не может быть красной; но *five red houses* 'пять красных домов' верная конструкция, так как индивидуальные объекты, как дома, могут быть красными».

единственном, так и во множественном числе: *Зэм ик, удыс дурын дас мурт ара* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 17). ‘Действительно, на полосе жнут десять человек’. *Шурдо шур дурысь куинь кызъёс дорын куинь муртъёс* куазь пильмаськемез учкыса сыло (М. Петров. Вуж Мултан. 168). ‘У трех елей у реки Шурдо три человека стоят, наблюдая, как погода становится пасмурной’. *Шаплы лыжникъёсты дас мурт бырйы* (М. Лямин. Шудбур понна. 144). ‘Быстрых лыжников десять человек выбери’.

Также, как показывают наблюдения и фактический материал, в форме единственного и множественного числа в сочетании с числительным может употребляться и слово *адями* ‘человек’: *Кема сылӓз со [Одоть], шур сьӓры выжем куинь адямиос пала учкыса* (М. Петров. Вуж Мултан. 11). ‘Долго стояла она [Одоть], глядя в сторону трех людей, перешедших за реку’. *Кыдӓкысь кизилиос лек учко кык адямиослӓсь* такем шулдырьяськемзӓс (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 7). ‘Далекие звезды гневно смотрят на такое веселье двух людей’. *Кык адями интые, азбар шоры тӓрен юдӓм сӓль кылиз* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 120). ‘Вместо двух людей в середине двора осталось разрубленное топором мясо’.

Выразим употребление *мурт* – *муртъёс*, *адями* – *адямиос* в таблицах:

Таблица 3.

Источники	<i>мурт</i>	<i>муртъёс</i>
Господа нашего... 1877	100 % (9)	-
Гаврилов Б. Произведения...	60 % (3)	40 % (2)
«Гудыри» 1925	91,7 % (11)	8,3 % (1)
Кедра Митрей. Секыт зйбет.	100 % (8)	-
Петров М. П. Вуж Мултан.	83,4 % (5)	16,6 % (1)
Красильников Г. Тонэн кылисько.	100 % (3)	-
Архипов Т. А.	100 % (2)	-

Адымилэн чеберез.		
«Удмурт дунне» 2001	100 % (8)	-
Итого:	88,4 % (49)	11,6 % (4)

Таблица 4.

Источники	<i>адями</i>	<i>адямиос</i>
Гаврилов Б. Произведения...	100 % (4)	-
Кедра Митрей. Секыт зйбет.	100 % (1)	-
Петров М. П. Вуж Мултан.	-	100 % (3)
Красильников Г. Тонэн кылисько.	-	100 % (2)
Архипов Т. А. Адымилэн чеберез.	-	100 % (6)
«Удмурт дунне» 2001	100 % (11)	-
Итого:	59,2 % (16)	40,8 % (11)

Подводя итоги данного раздела, на основании анализа полученных данных, можно сделать вывод о том, что в современном удмуртском языке существительное в сочетании с именем числительным в большей степени употребляется в единственном числе, хотя довольно широкое распространение получила и модель числительное + существительное во множественном числе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как самостоятельная часть речи имя числительное удмуртского языка занимает промежуточное положение между существительным и прилагательным, ибо одни грамматические характеристики сближают числительное с именем существительным (возможность приобретения всех падежных форм при выражении отвлеченного числа, употребление с послелогоми, присоединение притяжательных суффиксов, выполнение одинаковых синтаксических функций), другие признаки числительных оказываются общими с особенностями имен прилагательных (осуществление связи с определяемым существительным путём примыкания, использование выделительно-указательного суффикса с последующим изменением по падежам и согласованием с поясняемым существительным и др.).

Основной словарный фонд числительных современного удмуртского языка состоит из 20 самостоятельных неделимых слов (*одйг* '1', *кык* '2', *куинь* '3', *ныль* '4', *вить* '5', *куать* '6', *сизьым* '7', *тямыс* '8', *укмыс* '9', *дас* '10', *кызь* '20', *куамын* '30', *ныльдон* '40', *витьтон* '50', *куатьтон* '60', *сизьымдон* '70', *тямыстон* '80', *укмыстон* '90', *сю* '100', *сюрс* '1000'), если же включить сюда инерациональные названия типа *миллион*, *миллиард*, *биллион* и др., вошедшие через русский язык, то и в этом случае их состав окажется лишь на несколько единиц больше.

Необходимо отметить следующее: как самостоятельная часть речи числительное характеризуется специфичностью словарного состава и словообразования. Имена числительные представляют собой замкнутую, непополняемую группу слов, они образуются только от собственных основ (иногда с помощью

вспомогательных частей речи), но никогда не нарушается та системность, которую они составляют.

Именно по этой причине в состав числительных не включаются слова-квантификаторы с неопределенно-количественным значением, как *трос*, *уно*, *данак*, *лачак* ‘много’, *ичи*, *ёжыт* ‘мало’. Данная лексико-грамматическая группа слов, исходя из морфологических и синтаксических функций, а также основываясь на том, что их лексическое значение несколько отличается от основной семантики имени числительного, выражающего точное количество, абстрактное число может быть отнесена, на наш взгляд, либо к прилагательным, обозначающим количественный признак, либо к количественным наречиям. Зависит это от того, со словом какой части речи синтаксически связана рассматриваемая словоформа – с существительным или глаголом (а также и с отглагольными формами).

Примечательно, что другие части речи не могут быть словообразовательной базой для имен числительных, хотя сами имена числительные при определенных условиях с использованием различных деривационных суффиксов и лексикализации могут стать основой для образования других частей речи.

Рассмотрев вопрос о происхождении имен числительных, мы можем отметить, что *одйг* ‘1’, *кык* ‘2’, *куинь* ‘3’, *нбыль* ‘4’, *вить* ‘5’, *куать* ‘6’, *кызь* ‘20’, *сю* ‘100’ унаследованы удмуртским языком от финно-угорского языка-основы. Для выражения значения ‘десять’ в финно-угорском языке-основе использовалось слово **tɛnɔ*, сохранившееся в современном удмуртском *куамын* ‘30’; реликты допермского **m2ns* сохранились в современных *тямыс* ‘восемь’, *укмыс* ‘девять’; также в допермский период использовалась форма **tɛnɔ*, выступающая в качестве составного компонента названий десятков *нбыльдон* ‘сорок’, *витьтон* ‘пятьдесят’, *сизыьмдон* ‘семьдесят’, *тямыстон* ‘восемьдесят’, *укмыстон* ‘девяносто’; а лексема *дас* ‘10’ была заимствована в общепермский период. Для выражения больших величин (миллионов, миллиардов и т. д.) предки удмуртов, судя

по материалам письменных памятников, использовали различные комбинации с числительными *сю* ‘100’ и *сюрс* ‘1000’,

К обозначению количественной характеристики примыкает также нулевая множественность – выражение полного отсутствия. В удмуртском языке нулевое множество обозначается как с помощью собственно-удмуртских лексических средств (местоимений, числительного *одйг* (*но*) ‘(ни) один’), так и посредством заимствования из русского *ноль* / *нуль*.

В современном удмуртском языке лексема *одйг* ‘один’ может быть одинаково использована для выражения как числа предметов мысли в количестве одного, так и для указания на неопределенный предмет, явление, субъект действия. Исходя из этого, слово *одйг*, выступающее со значением ‘один, некий, какой-то’, на наш взгляд, можно в подобных случаях квалифицировать как неопределенное местоимение, таким образом, наблюдается переход: имя числительное → местоимение.

Для выражения единиц второго и следующего десятков в финно-угорских языках используются различные способы: аддитивный (регредидентный, ингридидентный, прогредидентный) и изредка субтрактивный. В удмуртском языке представлен регредидентный способ – по схеме “*дас* ‘десять’ + единица”, сочленяющий наименования единиц с наименованием десятка предыдущей ступени: *кызь куать* ‘двадцать шесть’, *сизьымдон вить* ‘семьдесят пять’. В памятниках письменности удмуртского языка и диалектах также представлено соединение десятков и единиц союзом *но* ‘и’: *кызь но куать* (букв. ‘двадцать и шесть’). Названия сотен и тысяч образуются мультипликативно: *кык сю* ‘двести’, *витьтон сюрс* ‘пятьдесят тысяч’.

Классификация имен числительных делает необходимым учет особенностей их употребления в составе предложения и выявление их лексико-грамматических характеристик. На основании этого в удмуртском языке можно выделить количественные (собственно-количественные, приблизительные, дробные, собирательные) и порядковые числительные.

Выделяя разряд собственно-количественных числительных в отдельную группу, мы руководствуемся тем, что формы данной группы в семантическом отношении не несут в себе каких-либо дополнительных значений, кроме количественных. Это числительные, которые служат основой для образования других разрядов как количественных, так и порядковых числительных, а также от них с помощью различных средств формируются и слова отнумерального происхождения, относящиеся к другим частям речи.

От имени числительного с помощью различных деривационных суффиксов образуются существительные, прилагательные, счетно-личные местоимения, наречия, числительное может оказаться в составе сложных слов (прилагательных, существительных, глаголов).

Среди количественных числительных особого внимания заслуживает группа числительных приблизительного счета, отличающаяся семантически (выражает значение неточного, приблизительного счета, ограниченного обозначенным количеством), морфологически (имеется достаточно широкий спектр синтетических и аналитических способов выражения данного значения) и синтаксически (можно отметить ряд особенностей употребления числительных данной группы с именами существительными).

Дробные числительные представляют собой один из разрядов количественных числительных, обозначающих не целое число и целые предметы, явления, а их части. В финно-угорском праязыке разряд дробных числительных, по-видимому, отсутствовал, ибо во всех современных языках представлены разнообразные способы их образования, не сводимые к праязыковым моделям, хотя зачастую они оказываются типологически сходными по своей структуре.

На основании анализа сочетания числительного и существительного нами выявлено, что существительное, сочетаясь с числительным, в большей степени в современном удмуртском

языке употребляется в единственном числе, хотя довольно широко распространена и модель числительное + существительное во множественном числе.

Классифицируя числительные удмуртского языка по их морфологической структуре, на наш взгляд, можно выделить три группы: 1) простые, состоящие из одного корня или имеющие какой-либо суффикс: *сизьым* ‘семь’, *куинь* ‘три’, *витьтон* ‘пятьдесят’, *куатетй* ‘шестой’; 2) сложные, состоящие из двух и более основ: *тямыстон кык* ‘восемьдесят два’, *кык сю укмыстон куать* ‘двести девяносто шесть’, *вить-куать* ‘пять-шесть’; 3) составные, содержащие в своей структуре слова разных категорий: *куать но жсыны* ‘шесть с половиной’, *витьтон ёрос* ‘около пятидесяти’.

Компоненты сложного числительного могут находиться в разных отношениях по отношению друг к другу. Среди сложно-сочиненных числительных в удмуртском языке выделяется несколько видов: 1) аддитивное соединение десятков и единиц, сотен и десятков и т. д.: *дас куинь* ‘тринадцать’, *витьтон куать* ‘пятьдесят шесть’; 2) мультипликативное образование названий сотен, тысяч: *кык сю* ‘двести’, *куать сюрс* ‘шесть тысяч’; 3) комбинация равноправных компонентов аппроксимативных конструкций: *тямыс-укмыс* ‘пять-шесть’, *сизьымдон-тямыстон* ‘семьдесят-восемьдесят’, *ньылё-витё* ‘около пяти-шести’; 4) особые случаи сочетания существительного с числительным: *нунал-кык* ‘день-два, несколько дней’, *ар-кык* ‘год-два, несколько лет’.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- авест.* – авестийский язык
азерб. – азербайджанский язык
арийск. – арийские языки
бавл. – бавлинский говор удмуртского языка
бес. – бесермянский язык
венг. – венгерский язык
вепс. – вепсский язык
вод. – водский язык
доперм. – допермский язык
др.-инд. – древнеиндийский язык
иж. – ижорский язык
индо-евр. – индоевропейская семья языков
ит. – итальянский язык
к. – коми язык (см. кз.)
казах. – казахский язык
кам. – камасинский язык
канл. – канлинский говор удмуртского языка
кар. – карельский язык
каракалт. – каракалпакский язык
кбалк. – кабардино-балкарский язык
кз. – коми-зырянский язык (см. к.)
кирг. – киргизский язык
кркм. – кырымасский говор удмуртского языка
крупф. – краснотурфимский диалект удмуртского языка
кп. – коми-пермяцкий язык
кукм. – кукморский говор удмуртского языка
кя. – коми-язьвинский диалект
лат. – латинский язык
лив. – ливский язык
манс. – мансийский язык
мар. – марийский язык
моки. – мокша-мордовский язык

монг. – монгольский язык
морд. – мордовские языки
нар. – наречие
нем. – немецкий язык
нен. – ненецкий язык
нч. – нижнечепецкий говор удмуртского языка
общеперм. – общепермский язык-основа
осет. – осетинский язык
праарийск. – праарийский язык
правенг. – правенгерский язык
праманс. – прамансийский язык
праоб.-уг. – праобско-угорский язык
прахант. – прахантыйский язык
прил. – имя прилагательное
раннеперм. – раннепермский язык-основа
рус. – русский язык
саам. – саамский язык
селькуп. – селькупский язык
среднеперс. – среднеперсидский
суц. – имя существительное
сч. – среднечепецкий говор удмуртского языка
тат. – татарский язык
тати. – татышлинский говор удмуртского языка
туркмен. – туркменский язык
удм. – удмуртский язык
узб. – узбекский язык
урал. – уральский язык-основа
ф.-у. – финно-угорский язык-основа
фин. – финский язык
хак. – хакасский язык
хант. – хантыйский язык
чув. – чувашский язык
эрз. – эрзя-мордовский язык
эст. – эстонский язык

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

АзбукаГ – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дпттей чтенію на ихъ нартчїи. (По Глазовскому). – Казань: Въ типографїи Императорскаго Казанскаго Университета, 1847. – 174 с.

АзбукаС – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дпттей чтенію на ихъ нартчїи. (По Сарапульскому). Казань, Въ типографїи Императорскаго Казанскаго Университета. 1847. 194 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречіе / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 4). – 441 с.

Ар-Серги Вячеслав. Тулкымъёс вылын – пыжед: Повесть, веросьёс, кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 224 б.

Архипов Т. А. Адымилэн чеберез: Роман. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. – 288 б.

Архипов Т. А. Лудзи шур дурын: Роман. Нырысетй люкетэз. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 176 б.

Архипов Т. А. Лудзи шур дурын: Роман. Кыкетй люкетэз. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. – 370 б.

Афонин Е. Г. Йырмурт: Тодэ ваёнъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 208 б.

Блинов П. Улэм потэ: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 167 б.

Букварь для крещеныхъ вотяковъ. Гожтет тодыте. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. – Казань: Типографія Коковиной, 1882. – 38 с.

Валишин Р. Г. Инвожо уйшоре но пиштэ: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 154 б.

Валишин Р. Г. Тёл гурезь: Повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 276 б.

Васильев Н. В. Кин тон, атай? Веросьёс но повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 124 б.

Гавриловъ – Гавриловъ Б. Произведения народной словесности, обряды и повтрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

Господа нашего... – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матфея. Милям Господь Иисус Христослэн чын Евангеліез. Матфей гоштэм Евангеліе. – Казань: печатано въ типографіи Коковиной, 1877. – 82 с.

ЕвангеліеГ 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелистовъ Матфея и Марка. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нартчія. – Казань: печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 234 + 135 с. // Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Глазовское наречіе / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 3).

ЕвангеліеС 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Матфея. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нартчія. – Казань: печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 234 с. // Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Сарапульское наречіе / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 4). – 441 с.

Емельянов Л. П. Кудпала берга дунне питран: – Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1999. – 248 б.

ЗК – Золотые косы: Коми пермяцкіе народные сказки на русскомъ и коми-пермяцкомъ языке. Сост. В. В. Климов. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1993. – 184 с.

Инвожо. – 2007. – № 5–6.

Кедра Митрей. Зурка Вужгурт: Повесть // Секыт зйбет: Роман, повестьёс, веросьёс, кылбурьёс, поэма, тодэ ваён. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 137–281-тй б.

Кедра Митрей. Секыт зйбет: Роман // Секыт зйбет: Роман, повестьёс, веросьёс, кылбурьёс, поэма, тодэ ваён. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 15–137-тй б.

Кенеш. – 2007. – № 11–12.

КНП – Коми народные приметы / Сост. В. М. Кудряшова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 192 с.

Коми легенды и предания / Сост. Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. – 240 с.

Коновалов М. Вурьысо бам: Роман // Гаян: Романъёс но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 231–374-тй б.

Красильников Г. Д. Вуж юрт: Дилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 412 б.

Красильников Г. Д. Арлэн кутсконэз: Роман // Тонэн кылисько: Роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 6–192-тй б.

Красильников Г. Д. Пыртос: Верос // Тонэн кылисько: Роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 379–386-тй б.

Красильников Г. Д. Тонэн кылисько: Повесть // Тонэн кылисько: Роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 192–346-тй б.

Лыдзонь. Азбука для вотскихъ дпттей. Составиль священникъ Николай Блиновъ. – Вятка: Въ типографіи губернскаго правленія, 1867. – 24 с.

Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 463 б.

Матвеев С. В. Шузи: Роман, повесть, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 б.

Мадьяров Г. Аналтэм сяська: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 186 б.

Медведев Г. С. Бадзым нунал: Роман. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 268 б.

Нянькина Л. С. Ваёбыж кар: Веросьёс, повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 176 б.

Панфилова Е. В. Мумы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 64 б.

Первошиков Г. К. Гужем лымы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 264 б.

Первошиков Г. К. Сюлэмтэм дунне: Повестьёс. Дилогия // Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 711–773-тй б.

Первошиков Г. К. Тодды куака: Роман // Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 431–710-тй б.

Петров М. П. Вуж Мултан: Роман. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 360 б.

Петров М. П. Зардон азын: Повесть. Люкам сочинениос. Нылетй томез. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 240 б.

Пукроков Ф. П. Кизили ныл: Роман, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 312 б.

Романова Г. В. Жужыт-жужыт гурезе...: Верос сузьет. Серемес веросьёс, выжыкыльёс, сценкаос. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 160 б.

Садовников В. Е. Кошкизы но – оз берытске: Повесть, очерк, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 144 б.

Самсонов Е. В. Зор бере: Веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1966. – 164 б.

Самсонов Е. Уй пал симфония: Повестьёсын роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 274 б.

Самсонов Н. Агбай: Веросьёс, повестьёс, роман. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 416 б.

Самсонов Н. Адзон: Повесть, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 76 б.

Самсонов С. А. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее: Повесть, веросьёс, очерк, тодэ ваёнъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 384 б.

Священная история Ветхаго и Новаго завтта. На вотяцкомъ языкт. Изданіе православнаго миссионерскаго общества. – Казань: Печатано въ типографіи Коковиной, 1877. – 190 с.

Смирнов В. Е. Будо бадярьёс: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 200 б.

Удмурт дунне. Республиканская газета на удмуртском языке.

Чернов П. К. Дор: Повестьёс. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 256 б.

Чернов П. К. Тулысьсен сйзьылозь: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 б.

Широбоков С. П. Чукдор: Пьеса. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 52 б.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алатырев В. И. Удмурт числительнойёслэн историзы // Удмурт кыллы дышетйсьёслы юрттэт (Удмурт кыллы дышетйсьёслэн ужан опытысьтызы) / Дышетйсьёслэсь тодонлыкэс жутонаъя институт. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. – 52–67-тй б.

Алатырев В. И. Основные пути и способы развития лексики удмуртского языка // Алатырев, В. И. Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – Т. 1. С. 6–170.

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмурт-зуч словарь. Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: Рус. яз., 1983. – С. 563–591.

Андреев И. А. Чувашский язык // Языки народов СССР: Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 43–65.

Андреев И. А. Чувашский язык // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 480–491.

Анцыферов С., Корольков А. Ёжыт дышетскем'ёслы лыд'ясыкыны дышетскон книга. – М.: Центриздат, 1931. – 88 б.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1981. – С. 5–44.

Бабинцев А. С. Морфология сярсы // Удмурт кыл ужпум'ёс сярсы материал'ёс. – Ижевск: Удмуртгиз, 1937. – С. 27–28.

Балашица Й. Венгерский язык. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 276 с.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: Структура слова и механизм агглютинации. – М.: Наука, 1979. – 276 с.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: словосочетание и предложение. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 229–239.

Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Часть II. – Томск, 1995. – 284 с.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1949. – 206 с.

Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск, 1953. – 272 с.

Быконя В. В. Историко-этимологическая интерпретация словообразовательных моделей сложных числительных “8” и “9” в селькупских диалектах // Финно-угроведение. – 1995а. – № 3–4. – С. 64–78.

Быконя В. В. Словообразовательные типы составных числительных в диалектах селькупского языка // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995б. – С. 295–298.

Быконя В. В. Структура наименований круглых десятков в диалектах селькупского языка // Linguistica Uralica. – 1996. – № 3 (XXXII). – С. 201–215.

Быконя В. В. Становление собирательных числительных в диалектах селькупского языка // Финно-угроведение. – 1997. – № 2. – С. 53–63.

Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Русский язык / Под ред. Н. С. Валгиной. – М.: Логос, 2001. – 528 с.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 460 с.

Гаврилова В. Г. Способы выражения количества предметов в марийском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2003. – 20 с.

Гаврилова В. Г. Количественность в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 36–38.

Гаврилова В. Г. Об основном средстве выражения неопределённо малого количества в марийском языке // Марийская филология: Ученые записки историко-филологического факультета. Выпуск 7 (Посвящен 75-летию профессора Ивана Степановича Галкина) / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 22–25.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть 1. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 204 с.

Галкин И. С. Об одной из форм имен числительных в марийском языке // Советское финно-угроведение. – 1965. – № 3. – С. 193–197.

Ганиев Ф. А. Современный татарский литературный язык: Суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Дом печати, 2005. – 360 с.

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. – Вятка, 1921. – 55 с.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева; Под ред. проф. Д. В. Цыганкина. – Саранск, 1980. – 432 с.

Горбушин М. В. Удмурт кыл: нач. школары учебник. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. – 80 б.

Горохов П. Д. Учебник удмуртского языка. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 232 с.

Грюнберг А. Л. Мунджанский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа / Отв. ред. В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1987. – С. 155–236.

ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 496 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Гуя Я. Морфология хантыйского языка // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – С. 303–332.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Дмитриева Ю. Образование и происхождение количественных числительных в мансийском и венгерском языках // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 51–52.

Дудников А. В. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1990. – 424 с.

Егоров А. В. Словарь терминов по информатике и информационным / компьютерным технологиям на удмуртском языке для общеобразовательных школ. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2011. – 48 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. – Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. – 160 с.

Ефремов Д. А. К вопросу о сложных прилагательных удмуртского языка и их правописании // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Международного симпозиума. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 73–85.

Ефремов Д. А. Имя прилагательное в удмуртском языке / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – 124 с.

Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 440 с.

Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 94–110.

Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка (для нерусских школ). – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1933. – 117 с.

Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. – 47 с.

Журавлева А. Н., Ившин В. Н., Федорова Л. П. Анай кыл. 6-тй класс: Удмурт кылэз ляб тодйсь пинальёслы гожьяськон но лыдзйськон книга. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 224 б.

Зайцева М. И. Грамматика вепского языка: Фонетика и морфология. – Л.: Наука, 1981. – 362 с.

Зимин В. С. К вопросу о соотношении сложных слов и словосочетаний в коми языке // Историко-культурные связи пермских народов. (По данным фольклора и языка). Межвузовский сборник научных статей. – Ижевск, 1981. – С. 24–35.

Игнаева Р. П. Способы выражения категории количества именами числительными в марийском языке // Финно-угроведение. – 1996. – № 2. – С. 79–84.

Игнаева Р. П. Классификация имен числительных в марийском языке (Проблема статуса и функции): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1997. – 16 с.

Игнаева Р. П. Классификация имен числительных в марийском языке (Проблема статуса и функции): Дис. ... канд. филол. наук, Йошкар-Ола 1997. Рец. И. В. Тараканов // *Linguistica Uralica*. – 1999. – № 1 (XXXV). – С. 71–74.

Игнаева Р. П. Нулевая множественность в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 71–73.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 228 с.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. – Ижевск, 2005. – 581 с.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 26–61.

Кельмаков В. К. О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка – Ижевск, 1984. – С. 18–23.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003а. – 276 с.

Кельмаков В. К. «Удмурт дунне»-лэн но Удмурт дуннелэн гождьаськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс: Азыпечатлос / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003б. – 98 б.

Кельмаков В. К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. – 240 с.

Кельмаков В. К. Шонересь-а гождьаськонысьтымы шонер-тэтъёс?: Лекциослы но семинаръёслы материалъёс / Удмурт кун ун-т. Удмурт кылосбур факультет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2008. – 93 б.

Керт Г. М. Саамский язык // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 203–247.

ККСЕЯ – Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко, С. А. Швачко, Е. И. Букреева и др. – Киев: Наукова думка, 1990. – 284 с.

Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Марийский язык). – М.: Наука, 1987. – 160 с.

Коведяева Е. И. Марийский язык // Языки мира: Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев. – М.: Наука, 1993. – С. 148–174.

Кочеткова Л. И. Этимология числительного «семь» в финно-угорских языках // Актуальные вопросы мордовской

филологии. Вып. 2: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Водясовой Л. П.; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2003. – С. 30–33.

Кривощекова-Гантман 1956 – Кривощекова-Гантман А. С. К вопросу о категории имен числительных в коми-пермяцком языке // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривощекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – С. 31–39.

Кривощекова-Гантман 1967 – Кривощекова-Гантман А. С. Порядок слов в коми-пермяцком языке // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривощекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – С. 64–81.

Кривощекова-Гантман 1985 – Кривощекова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривощекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – С. 111–144.

КРК 2000 – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор: 31 000 кымын кыв / Россияса наукаяс Академиялön Урал юкönса Коми наука шöринлön Кыв, литература да история институт; Л. М. Безносикова редакция улын. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанин, 2000. – 816 л. б.

Кротовъ 1785 – 3. Кротов. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ

Захарёю Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Кузакова Е. А. Имя числительное в восточно-мансийском диалекте // *Linguistica Uralica* XXVI – 1990 2. – С. 109–112.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Том I. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 412 с.

Куприянова З. Н., Хомич Л. В., Щербакова А. М. Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ. – Л., 1961. – 288 с.

КЭСК – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т. языкозн.; Коми филиал. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Кя – Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г. В. Федюнова. – М.: Издательство ДиК, 1998. – 608 с.

Липатов С. И., Алямкин Н. С. Числительное в мокшанском литературном языке и диалектах и проблема его орфографии // *Актуальные вопросы мордовского языкознания.* – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. – С. 86–94.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Лямин М. А. Удмуртский язык для неудмуртов. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. – 157 с.

Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. 1.: Введение. Фонетика. Морфология / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 306 с.

Майтинская К. Е. К вопросу о категории двойственного числа в уральских языках // *Советское финно-угроведение.* – 1968. – № 3. – С. 153–163.

Майтинская К. Е. О древнейших сложных количественных числительных // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia.* 150. – Helsinki, 1973. – S. 211–217.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1979. – 264 с.

Майтинская К. Е. Венгерский язык // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 256–280.

Миллеръ Г. Ф. Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ. – Въ Санктпетербургѣ: Издѣвеніемъ Императорской Академіи Наукъ, 1791 года. – 110 с.

МК – Мокшень кяль. Морфология: вузонь мокшень и финно-угрань отделенияень тонафнихненди учебник / Серматфтиф Н. С. Алямкинонь кядяла. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. – 236 с.

Могилинь 1786 – М. Могилин. Краткой отяцкія грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1998. – 203 с. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Морфология... – Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. – Саранск: Мордгиз, 1939. – 154 с.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.

Насибуллин Р. Ш. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 62–84.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.

Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1963. – 248 с.

Никольская Г. Н., Тараканов И. В. Удмурт кыл. 6–7 классъёслы. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 248 б.

ОИЯ – Основы иранского языкознания: Новоиранские языки. Восточная группа / А. Л. Грюнберг, М. И. Исаев, Т. Н. Пахалина, В. С. Расторгуева, А. Л. Хромов, Д. И. Эдельман; АН СССР, Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1987. – 720 с.

ОКК – Öñя коми кыв. Морфология / Дасьтöма филология-я кандидат Г. Ф. Федюнёва кипод улын. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. – 544 с.

Палласъ П. С. Сравнительные словари встхъ языковъ и наречій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азиатскіе языки. Часть вторая. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Типографіи у Шнора 1789 года // Peter Simon Pallas. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Band 2. Nachdruck der Ausgabe St. Petersburg 1789. – Hamburg: Buske, 1978. – 494 с.

Перевощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка. Синтаксис, лексика, морфология // Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: ГИИНС, 1948. – С. 369–446.

Перевощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь. – М.: ГИИНС, 1956. – С. 1271–1360.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика: Фонетика но морфология. 5–6 классъёслы. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. – 119 б.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика: Фонетика но морфология. 5–6 классъёслы. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. – 198 б.

Правила – Правила удмуртской орфографии и пунктуации. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1954. – 104 с.

РГ – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

Рогожина В. Ф. Субстантивированные числительные и прилагательные в роли подлежащего в мокшанском языке // Финно-угристика 4: Межвуз. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск: Типография «Красный октябрь», 2000. – С. 150–155.

Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П. Мансийский язык: Учебное пособие для пед. училищ. – Л.: Просвещение, 1984. – 223 с.

РЯ – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская Энциклопедия, Дрофа, 1997. – 703 с.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 156 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 390 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – 264 с.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1986. – 306 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э. Р. Тенишев, В. Д. Аракин, Г. Ф. Благова и др.; АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

СКЯ 1955 – Современный коми язык / Коми филиал АН СССР. Под ред. проф. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – Часть 1: Фонетика, лексикология, морфология. – 312 с.

СЛРЯ – Современный литературный русский язык / Под ред. Леканта П. А. – М.: Высшая школа, 1996. – 462 с.

Смолькина Л. И. История изучения имен числительных в мордовских языках // Проблемы марийской и финно-угорской

филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «МГПИ им. Н. К. Крупской». Кафедра марийского языка и литературы. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 68–78.

СМЯ 1961 – Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

Соловар В., Спирякова Л. Имя числительное в хантыйском языке // Финно-угроведение. – 2000. – № 2. – С. 66–72.

Сочинения... – Сочинения принадлежащая къ грамматикт вотскаго языка. Въ Санктпетербургт при Императорской Академїи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

СРЯ1 – Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.

СРЯ2 – Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. II: Морфология. Синтаксис / Под ред. Дибровой Е. И. – М.: Академия, 2001. – 704 с.

СТЛЯ – Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология / Ред. коллегия: Х. Р. Курбатов, Л. Т. Махмутова, Л. П. Смолякова, Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1969. – 384 с.

ТГ2 – Татарская грамматика. Т. 2. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 397 с.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В. И. Лыткин. – М., 1965. – 324 с.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21: Филология. – С. 159–196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970. – 288 с.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – С. 97–228.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.

Тимерханова Н. Н. Словарь математических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2011. – 46 с.

Удморт. Руководство к изучению Вотского языка. – Ижевск: Удкнига, 1924. – 120 с.

УКДЮ – Удмурт кылэз дышетоньын юрттэт / Отв. ред. М. В. Горбушин. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. – 84 б.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов, Росси Федерациясь дышетонья но тодосья м-во, ФГБОУ ВПО "Удмурт кун ун-т", Удмурт кылобур фак., Удмурт кылъя но сое дышетон амальёсья каф. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 406 б.

УРС – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; – Ижевск, 2008. – 925 с.

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.

Ушаков Г. А. Числительной: стилистикаез но методикаез // Удмурт кылъя но литература урокъёс. – Ижевск, 1988. – С. 67–80.

Ушаков Г. А. Грамматические категории удмуртского языка // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10.–15. 8. 1995. Part III. Sessiones sectionum. Phonologia & Morphologia. – Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1996. – С. 224–228.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Том III. – М.: Прогресс, 1971. – 828 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1968. – 214 с.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / Под ред. И. С. Галкина. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саранский филиал, 1990. – 336 с.

Федюнева Г. В. Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка): Серия препринтов «Научные доклады» Коми науч. центра УрО РАН, вып. 241. – Сыктывкар, 1990. – 60 с.

Федюнева Г. В. Структурные типы коми наречий // Грамматика и лексикология коми языка / Труды Ин-та яз., лит. и ист. Вып. 58. – Сыктывкар, 1995. – С. 99–121.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 248–344.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Языки мира: Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев. – М.: Наука, 1993. – С. 174–208.

Хелимский Е. А. Селькупский язык // Языки мира: Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев. – М.: Наука, 1993. – С. 356–372.

Хонти Л. Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев. – М.: Наука, 1993. – С. 301–320.

Хонти Л. Числительные в угорских языках // *Linguistica Uralica*. – 2003. – № 3 (XXXIX). – С. 175–182.

Эк – Эрзянь кель: Морфемика, валонь теевема ды морфология: Вузонь эрзянь ды финнэн-угрань кужотнесэ студентнэнь тонавтнемапель. – Саранск, 2000. – 280 с.

Эрнитс Э. К происхождению числительного 'один' в разных семьях языков // Советское финно-угроведение. – 1973. – № 3. – С. 161–173.

Юдакин А. П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков. – М.: ГЛАС, 1997. – 391 с.

ЯЗ – Языкознание. Большой энциклопедический словарь // Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1998. – 685 с.

Яковлев И. В. Удмурт кыл рад'ян: Элементарная грамматика вотского языка. – Ижевск: Удкнига, 1927. – 88 б.

Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. – Helsingissä, Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1896. – 48 s.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. – Suomalais-ugrilainen seura, Helsinki, 2000. – 376 s.

Fischer J. E. Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil // Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya. – Frankfurt am Main, 1995. – 252 s.

Givón T. On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // Folia linguistica historica. Acta Societatis Linguisticae Europaea. Tomus II / 1. – Mouton, 1981. – P. 35–53.

Greenberg J. H. Generalizations About Numeral Systems // Universals of Human Language. Volume 3. Word Structure. – Stanford University Press, Stanford, California. 1978. – P. 249–297.

Honti L. Uralilaisten kardinaalilukusanojen rakenteista // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. 81. – Helsinki, 1987. – S. 133–150.

Honti L. Permiläiskielten '8' ja '9' // Virittäjä. – Helsinki, 1988. – S. 171–176.

Honti L. Die Bezeichnungen der 10 und ihrer Vierfachen in den uralischen Sprachen // Linguistica Uralica XXVI – 1990 2. – S. 99–108.

Honti L. Die Grundzahlwörter der Uralischen Sprachen. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1993. – 356 s.

Honti L. 9 = 9! (Ein Beitrag zur Lösung des Rätsels der 'neun' im Nordsamojedischen) // *Linguistica Uralica*. – 1996. – № 2 (XXXII). – S. 124–127.

Hurford J. R. Language and Number. The Emergence of a Cognitive System. – Basil Blackwell Ltd. Oxford, 1987. – 324 p.

Ikola O. Pieni nyky-suomen opas / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. – Turku, 2000. – 228 s.

ISK – Iso suomen kielioppi / Päätoimittaja Auli Hakulinen. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. – 1698 s.

Kenesei I., Vago R. M., and Fenyvesi A. Hungarian. – London and New York, Routledge, 1998. – 474 p.

Koivisto H. Ulkomaalais-suomen syntaksia // *Folia Fennistica & Linguistica*. – Tampere, 1994. – 224 s.

Koivulehto J. Varhaiset indoeurooppalaiskontaktit: aika ja paikka lainasanojen valossa // Pohjan poluilla. Suomalaisen juuret nykytutkimuksen mukaan. – Helsinki, 1999. – S. 207–236.

Leino P. Polysemia – kielen moniselitteisyys // *Kieli 7: Suomen kielen kognitiivista kielioppia 1.* – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 1993. – 328 s.

MNTESZ 1967 – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. – Akadémiai kiadó, Budapest, 1967. – 1142 s.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XVI + 758 l.

Orbán G. A finnugor nyelvek számnevei. – Bratislava: Készült a Slovenská Grafia könyvnyomdájában, 1932. – 96 s.

Pajusalu R. Viron üks ja kõik // *Virittäjä*. – 2004. – № 1. – S. 2–23.

Parpola A. Indoeurooppalaisten kielten esihistoria ja suomi // *Ennen, muinoin. Miten menneisyyttämme tutkitaan.* Tietolipas 180. – Helsinki, 2002. – S. 138–158.

Rédei 1988a – *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I: Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht Ugrische Schicht. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 1–594 p.

Rédei 1988b – *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band II: Uralische und finnisch-ugrische Schicht. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 595–906 p.

SSA1 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. A ~ K. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. – Helsinki, 1992. – 486 s.

SSA2 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. L ~ P. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. – Helsinki, 1995. – 494 s.

SSA3 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. R ~ Ö. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. – Helsinki, 2000. – 504 s.

Strahlenberg P. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.

Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. Band XIV. – 1914. – S. 81–120.

[*Wichmann Y.*] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.

Wiedemann F. J. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach in der Evangelieübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. – Reval, 1847. – 272 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St. Petersburg, 1884. – 255 S.

Приложение 1

Удмуртский словарь Д. Г. Мессершмидта // Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. С. 156–157.

- 1: *Oddick*
- 2: *Kÿik*
- 3: *Qvÿn*
- 4: *Nyil*
- 5: *Huit*
- 6: *Qââdt*
- 7: *Schishim*
- 8: *Tjæmess*
- 9: *Ogkmæс*
- 10: *Dass*
- 11: *Dass-Oddick*
- 19: *Dass-Ogkmes*
- 20: *Kÿishe*
- 21: *Kÿishe-oddick*
- 29: *Kÿishe-ogkmäss*
- 30: *Qvâmen*
- 31: *Qvâmen-oddick*
- 39: *Qvâmen-ogkmäss*
- 40: *Nÿildan*
- 41: *Nÿildan-oddick*
- 49: *Nÿildan-ogkmæss*
- 50: *Huit-dan*
- 60: *Qâât-dan*
- 70: *Schishim-dan*
- 80: *Tjæmæss-dan*
- 90: *Ogkmæss-dan*
- 100: *Schú*
- 101: *Schun'-oddick*
- 102: *Schuna-Kÿik*
- 109: *Schún'-ogkmæss*

110: *Schuna-dass*
 111: *Schuna-dass-oddick*
 119: *Schuna-dass-ogkmäss*
 120: *Schuna-Kÿishe*
 121: *Schúna-Kÿishe-oddick*
 190: *Schun'-ogkmæs-dan*
 199: *Schun'-ogkmasdan-ogkmæs*
 200: *Kyik-Schú*
 300: *Qvÿn-Schú*
 400: *Nÿil-Schú*
 900: *Ogkmæs-Schú*
 1000: *Schúúrss*
 1100: *Dass-oddick-Schu*
 1110: *Dass-oddick-Schuna-dass*
 1111: *- - - dass-oddick*
 1200: *Dass-Kyik-Schú*
 1900: *Dass-ogkmæss-Schu*
 2000: *Kyik-Schúúrss*
 3000: *Qvÿn-Schúúrss*
 4000: *Nÿil-Schúúrss*
 9000: *Ogkmäss-Schuurss*
 10000: *Das-Schuurss*
 11000: *Das-Oddick-Schúrss*
 90000: *Ogkmäsdan-Schúrss*
 100000: *Schuna-Schúrss*
 200000: *Kÿik-Schuna-__*
 900000: *Ogkmas-S-S-__*
 1000000: *Schúre-Schúrss*
 2000000: *Kyik-Schúre-S-*
 20000000: *Kÿishe-S-S-*
 30000000: *Qvamen-S-S-*
 99000000: *Ogkmesdan-Ogkmæs-Schure-S-*
 100000000: *Schúna-Schúre-Shuarss*

Приложение 2

Strahlenberg, Philipp Johann von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

- 1: *Attik* 'один'
- 2: *Kyk* 'два'
- 3: *Kyn* 'три'
- 4: *Nell* 'четыре'
- 5: *Witt* 'пять'
- 6: *Katt* 'шесть'
- 7: *Zfefem* 'семь'
- 8: *Ssemet* 'восемь'
- 9: *Alnmans* 'девять'
- 10: *Däs* 'десять'

Приложение 3

*Johann Eberhard Fischer. Vocabularium Sibiricum (1747).
Der etymologisch-vergleichende Anteil // Bearbeitet und heraus-
gegeben von János Gulya. Frankfurt am Main, 1995. S. 166–169.*

1:

2: *kük* ‘два’

3:

4: *nill* ‘четыре’

5: *wît* ‘пять’

6: *kwat* ‘шесть’

7: *sisim* ‘семь’

8: *kikjamas* ‘восемь’

9:

10: *doss* ‘десять’

100:

1000: *surss* ‘тысяча’

Приложение 4

Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17]. С. 40–41.

1: <i>Оды́къ</i>	17: <i>Дасъсизы́мъ</i>
2: <i>Кы́къ</i>	18: <i>Дасъкѣамы́съ</i>
3: <i>Квы́нь</i>	19: <i>Дасъукмы́съ</i>
4: <i>Ны́ль</i>	20: <i>Кы́зь</i>
5: <i>Вы́ть</i>	21: <i>Кызьоды́къ</i>
6: <i>Куа́тъ</i>	22: <i>Кызькы́къ</i>
7: <i>Сизы́мъ</i>	30: <i>Куамы́нь</i>
8: <i>Кѣамы́съ</i>	40: <i>Ныльдо́нь</i>
9: <i>Укмы́съ</i>	50: <i>Вытьто́нь</i>
10: <i>Дасъ́</i>	60: <i>Куаъто́нь</i>
11: <i>Дасъоды́къ</i>	70: <i>Сизымы́до́нь</i>
12: <i>Дасъкы́къ</i>	80: <i>Кѣамусто́нь</i>
13: <i>Дасъквы́нь</i>	90: <i>Укмысто́нь</i>
14: <i>Дасъны́ль</i>	100: <i>Сю̀</i>
15: <i>Дасъвы́ть</i>	200: <i>Кыкъ сю̀</i>
16: <i>Дасъкуа́тъ</i>	300: <i>Квынь сю̀</i>
	1000: <i>Сю́ръсъ</i>

Приложение 5

Кротов 3. Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года.

1: *одыгъ, одыкъ* ‘одинъ’; *одыгѣти* ‘первый’; *одыгѣнь*. нартч. ‘поодному’ [153]

2: *кыкъ* ‘два’; *кыкъназы* ‘оба’; *кыкътень*. *кыкътѣнь* ‘двойный’; *кыкътеті* ‘об другой разъ’; *кыкетіезъ* ‘второй, другій’; *кыкъ кыкъ* ‘подва’; *кыкъ той* ‘два дни’; *кыкъполь* нартч. ‘дважды’ [109]

3: *квинь* ‘три’; *квиньметі* ‘третій’; *квинь мой* ‘три дни’; *квиньмѣ* нартчіе ‘натри части’; *квинь поль* нартч. ‘трижды’ [81]

4: *ниль* ‘четыре’; *нилѣті* ‘четвертый’; *ниль ой* ‘четыре дни’; *ниль поль* нартч. ‘четырежды’ [146]

5: *вить* ‘пять’; *витетіезъ* ‘пятый’; *вить-поль* ‘пятью’ [26]

6: *кватъ, куать* ‘шесть’; *кватѣнь* ‘пошести’; *кватѣті* ‘шестый’; *кватъ поль* ‘шестью’ [80]

7: *сизымъ* ‘седмъ’; *сизыметі* ‘седьмый’; *сизымъ. поль* ‘седмью’ [197]

8: *тямысь* ‘восемь’; *тямысь пѣль* нартч. ‘осмью’; *тямысь-этіезъ* ‘восмый’ [229]

9: *укмысь. лѣнь* ‘девять’; *укмысь-етіезъ* ‘девятый’; *укмысь поль* ‘девятью’; [238]

10: *дасъ* ‘десять’; *дасѣ* ‘десятокъ’; *дасъ-этіезъ* ‘десятый’; *дасъ поль* ‘десятью’ [45]

11: *дасъ одыкъ* ‘одиннадцать’; *дасъ одыкетіезъ* ‘одиннадцатый’ [45]

12: *дасъ кыкъ* ‘двенатцать’ [45]

13: *дасъ квинь* ‘тринатцать’ [45]

14: *дасъ ниль* ‘четырнатцать’ [45]

15: *дасъ вить* ‘пятнатцать’ [45]

16: *дасъ кватъ, дасъ куать* ‘шестнатцать’ [45]

17: *дасъ сизымъ* ‘седмнатцать’ [46]

- 18: *дась тямьсь, дась-кямьсь* ‘осмнатцать’ [46]
 19: *дась укмысь* ‘девятнатцать’ [46]
 20: *кызь* ‘двадцать’; *кызь полъ нартч.* ‘двадцатью’;
кызьэти ‘двадцатый’ [108]
 21: *кызьодыкъ* ‘двадцать одинъ’ [108]
 22: *кызь-кыкъ* ‘двадцать два’ [108]
 30: *квамьинъ, куамьинъ* ‘тридцать’; *квамьинэти* ‘тридцатый’ [79]
 40: *ниль дась, нилдбонъ* ‘сорокъ’; *ниль донэти* ‘сороковый’ [146]
 50: *виттоне-тиезь* ‘пятидесятый’ [26]
 60 *кваттбонъ, кватьдасъ* ‘шестьдесятъ’; *кватдасэти*
 ‘шестьдесятый’; *кватдасъ полъ* ‘шестьдесятъ разъ’ [80]
 70: *сизимъдонъ* ‘семдесятъ’; *сизимъдонэтиезь* ‘семдеся-
 тый’ [198]
 80: *тямьсдасъ, тямьстбонъ* ‘восемдесятъ’; *тямьсь*
тонэтиезь ‘восемдесятый’ [229]
 90: *укмыстбонъ* ‘девяносто’; *укмыстонэтиезь* ‘девятыдеся-
 тый’ [238]
 100: *сю* ‘сотня, сто, сотенный’ [209]
 200: *кыкъ сю, кыкъ ся* ‘двѣсти’ [110]
 300: *квинь сю* ‘триста’ [82]
 400: *ниль сю* ‘четыреста’ [146]
 500: *виттбонъ* ‘пять сотъ’²⁷ [26]
 600: *кватъ сюполъ* ‘шестьсотъ разъ’ [80]
 700: *сизимъ сю* ‘семь сот’ [198]
 800: *тямьсь сю* ‘восемь сотъ’ [229]
 900: *укмысь сю* ‘девять сотъ’ [238]
 1000: *сюрсь* ‘тысяча’; *сюрсь полъ* ‘тысячу разъ’ [211]

²⁷ Вероятно, автором при переводе допущена неточность в разграничении понятий ‘пятидесят’ и ‘пятьсот’, ибо форма *виттонэтиезь* ‘пятидесятый’ уже приведена безошибочно.

Приложение 6

Могилинъ М. Краткой отяцкія грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201. С. 61.

- 1: *одыкъ*
- 2: *кыкъ*
- 3: *квинь*
- 4: *ниль*
- 5: *вить*
- 6: *кватъ*
- 7: *сизымъ*
- 8: *тямысь*
- 9: *укмысь*
- 10: *дасъ*
- 11: *дасъ-одыкъ*
- 12: *дасъ-кыкъ*
- 20: *кызь*
- 21: *кызь-одыкъ*
- 30: *квамынъ*
- 40: *нильдѡнъ*
- 50: *виттѡнъ*
- 60: *кваттѡнъ*
- 70: *сизимъдѡнъ*
- 80: *тямысьтонъ*
- 90: *укмысьтонъ*
- 100: *сю*
- 1000: *дасъпуй, стрсъ*
- 10000: *дасъ-сюрсъ*
- 100000: *сурсъ-сю*

Приложение 7

Г. Ф. Миллеръ. Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ. Въ Санктпетербургѣ. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1791 года.

- 1: *одикъ* 'один'
- 2: *кюкъ* 'два'
- 3: *квинъ* 'три'
- 4: *нилль* 'четыре'
- 5: *витъ* 'пять'
- 6: *кватъ* 'шесть'
- 7: *сисимъ* 'семь'
- 8: *кикьямасъ* 'восемь'
- 9: *укмюсъ* 'девять'
- 10: *дасъ* 'десять'
- 11: *дасъ-одикъ* 'одиннадцать'
- 12: *дасъ-кюкъ* 'двенадцать'
- 20: *кюсъ* 'двадцать'
- 21: *кюсъ одикъ* 'двадцать один'
- 30: *квामюнъ* 'тридцать'
- 40: *нилль-донъ* 'сорок'
- 50: *витъ-донъ* 'пятьдесят'
- 60: *кватъ-донъ* 'шестьдесят'
- 70: *сизимъ донъ* 'семьдесят'
- 80: *кикьямасъ-донъ* 'восемьдесят'
- 90: *укмюссъ-донъ* 'девяносто'
- 100: *ссу* 'сто'
- 200: *кюкъ-ссу* 'двести'
- 300: *квинъ-ссу* 'триста'
- 1000: *сурсъ* 'тысяча'
- 2000: *кюкъ-сурсъ* 'две тысячи'
- 10000: *дасъ-сурсъ* 'десять тысяч'

Приложение 8

П. С. Палласъ. Сравнительные словари встхъ языковъ и наречій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть вторая. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Типографіи у Шнора 1789 года // Peter Simon Pallas. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Band 2. Nachdruck der Ausgabe St. Petersburg 1789. Hamburg: Buske, 1978. С. 476–477.

1: *Отыкъ*

2: *Кыкъ*

3: *Квинь*

4: *Ниль*

5: *Вить*

6: *Куать*

7: *Сизымь*

8: *Кіямись*

9: *Укмысь*

10: *Дась*

100: *Сью*

1000: *Сьюрсъ*

Приложение 9

Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Мат}ея. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. 234 с.

1: *одыгъ* ‘один’ [17]; *первой* ‘первый’ [176]; *азьнырысь-эзь* ‘первый’ [165]

2: *кыкъ* ‘два’ [9]; *кыкътэти-эзь* ‘второй’ [176]

3: *квинь* ‘три’ [88]; *квиньмэти* ‘в трех местах’ [212]

4: *ниль* ‘четыре’ [119]; *нилэти* ‘четвертый’ [108]

5: *вить* ‘пять’ [107]

6: *кватъ* ‘шесть’ [126]

7: *сизимъ* ‘семь’ [118]

8:

9: *укмысь* ‘девять’ [136]; *укмысэти* ‘девятый’ [226]

10: *дасъ* ‘десять’ [20]

11: *дасъ одыгъ* ‘одиннадцать’ [150]

12: *дасъ кыкъ* ‘двенадцать’ [58]

20:

30: *квामынъ* ‘тридцать’ [92]

40: *нильдонъ* ‘сорок’ [15]

50:

60: *кватътонъ* ‘шестьдесят’ [92]

70:

80:

90: *укмыстонъ* ‘девяносто’ [136]

100: *сю* ‘сто’ [92]

1000: *сюрсъ* ‘тысяча’ [121]

Приложение 10

Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дпттей чтенію на ихъ нартчїи. (По Сарапульскому). Казань, 1847.

1: *од-игъ*, *одыгъ* ‘один’ [22]; *нырысь* ‘первый’ [17]; *нырысь первой* ‘первый’ [25]; *од-игтэмъ* ‘до единого’ [43]

2: *кыкъ* ‘два’ [50]; *кыктэт-и* ‘второй’ [139]; *кыктэт-іязь* ‘во второй’ [17]; *кыкто* ‘близнецы’ [37]; *кыкназыикъ* ‘они оба’ [78]

3: *квинь* ‘три’ [30]; *квиньме-тіязь* ‘в третьей’ [17]; *квиньмет-и* ‘третий’ [25]; *квиньмоинъ* ‘в течение трех дней’ [132]

4: *ниль* ‘четыре’ [71]; *нилет-іязь* ‘в четвертой’ [17]

5: *вить* ‘пять’ [120]; *вите-тіязь* ‘в пятой’ [17]

6: *кватъ* ‘шесть’; *кватет-іязь* ‘в шестой’ [17]; *кватіой* ‘в течение шести дней’ [18]

7: *сизимъ* ‘семь’ [28]; *сизимэт-и* ‘седьмой’ [17]

8: *тямысь* ‘восемь’ [125]; *тямысой* ‘в течение восьми дней’ [84]

9: *укмысь* ‘девять’ [46]; *укмысэт-изэ* ‘девятый’ [150]

10: *дасъ* ‘десять’ [157]; *дасэт-изэ* ‘десятый’ [152]

11: *дасъ од-игзэ* ‘одиннадцать (вин. п.)’ [157]

12: *даскыкъ* ‘двенадцать’ [56]

20: *кызь* ‘двадцать’ [126]

30: *квामынъ* ‘тридцать’ [105]

40: *нильдонъ* ‘сорок’ [55]; *нильдоной* ‘в течение сорока дней’ [29]; *нильдонэт-и* ‘сороковой’ [85]

50: *витьтонэт-и* ‘пятидесятый’ [48]

70: *сизимдонъ* ‘семьдесят’ [73]

90: *укмыстонъ* ‘девяносто’ [73]

100: *сю* ‘сто’ [73]

300: *квиньсю* ‘триста’ [59]

600: *кватъсю* ‘шестьсот’ [50]

1000: *сюрсь* ‘тысяча’ [50]

Приложение 11

Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелистовъ Мат}ея и Марка. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета. 1847. 234+135 с.

1: *одыгъ* ‘один’ [24]; *азъ-нырысь* ‘первый’ [143]; *первой* ‘первый’ [176]; *увазынырысь* ‘первый’ [18];

2: *кыкъ* ‘два’ [29]; *кыктэтиезъ* ‘второй’ [50]; *кыкънаизъ* ‘оба’ [58]; *кыкътоинъ* ‘в течение двух дней’ [204]; *кыкэнь* *кыкэнь* ‘по два’ [39]; *кыкъ-той* ‘в течение двух дней’ [109];

3: *квинь* ‘три’ [88]; *квиньмэти* ‘третий’ [124];

4: *ниль* ‘четыре’ [119]; *нилети* ‘четвертый’ [108];

5: *вить* ‘пять’ [107]

6: *кватъ* ‘шесть’ [64]; *кватъэти* ‘шестой’ [128];

7: *сизимъ* ‘семь’ [118]; *сизимэти* ‘седьмой’ [174]; *сизимназы* ‘они семеро’ [96];

8:

9: *укмысь* ‘девять’ [136]; *укмысьэти* ‘девятый’ [128];

10: *дасъ* ‘десять’ [4]; *дасъэти* ‘десятый’ [182]; *дасо* ‘десяток’ [82]

11: *дасъ одыгъ* ‘одиннадцать’ [151]

12: *дасъ кыкъ* ‘двенадцать’ [58]

20:

30: *квामынъ* ‘тридцать’ [92]

40: *нильдонъ* ‘сорок’ [15]

50: *вительтонъ* ‘пятьдесят’ [46]

60: *кваттонъ*, *кватътонъ* ‘шестьдесят’ [92]

70: *сизимдонъ* ‘семьдесят’ [139]

80:

90: *укмыстонъ* ‘девяносто’ [136]

100: *сіо* ‘сто’ 92; *сю* ‘сто’ [92]

1000: *сюрсь* ‘тысяча’ [108]

Приложение 12

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotja-kischen Wörterbuche. Reval, 1851. S. 97–98.

1: *og, odyg; odygäti* /// *nyrys, waЩ'nyrys, waЩ'nerys, aЩnyrys*

waЩ'nyrys' – увазьнырысь – увазьнырызь – увазнерысь – увазнарысь

2: *kyk; kyktäti*

3: *kyjn'; küjn'mäti*

4: *nil'; nil'äti*

5: *wit'; wit'äti*

6: *kwat'; kwat'äti*

7: *siЩim; siЩimäti*

8: *t'amys; t'amysäti*

9: *ukmys; ukmysäti*

10: *das; dasäti*

11: *das odyg; das odygäti*

12: *das kyk; das kyktäti*

20: *küjЩ; küjЩäti*

25: *küjЩ wit'*

30: *kwamyn*

40: *nil'don*

50: *wit'don*

60: *kwat'don*

70: *siЩimdon*

10000: *das s'urs*

80: *t'amysdon*

5000: *wit' s'urs (wit'don puj)*

90: *ukmysdon*

10000: *das s'urs*

100: *s'u*

20000: *küjЩ s'urs*

101: *s'u odyg*

102: *s'u kyk*

200: *kyk s'u (kyk puj)*

300: *küjn' s'u (küjn' puj)*

1000: *s'urs*

Приложение 13

Лыдзонь. Азбука для вотскихъ дѣтей. Составилъ священникъ Николай Блиновъ. Вятка: Въ типографіи губернскаго правленія, 1867.

- 1: *одыкъ* 'один'
- 2: *кыкъ* 'два'
- 3: *квинь* 'три'
- 4: *ниль* 'четыре'
- 5: *вить* 'пять'
- 6: *квать* 'шесть'
- 7: *сизимъ* 'семь'
- 8: *тямысь* 'восемь'
- 9: *укмысь* 'девять'
- 10: *дасъ* 'десять'
- 11: *дасъ одыкъ* 'одиннадцать'
- 12: *дасъ кыкъ* 'двенадцать'
- 13: *дасъ квинь* 'тринадцать'
- 14: *дасъ ниль* 'четырнадцать'
- 15: *дасъ вить* 'пятнадцать'
- 16: *дасъ квать* 'шестнадцать'
- 17: *дасъ сизимъ* 'семнадцать'
- 18: *дасъ тямысь* 'восемнадцать'
- 19: *дасъ укмысь* 'девятнадцать'
- 20: *кызь* 'двадцать'
- 30: *квामынъ* 'тридцать'
- 40: *нильдонъ* 'сорок'
- 50: *витьтонъ* 'пятьдесят'
- 60: *квать тонъ* 'шестьдесят'
- 70: *сизимъ тонъ* 'семдесят'
- 80: *тямысь тонъ* 'восемдесят'
- 90: *укмысь тонъ* 'девяносто'
- 100: *сю* 'сто'
- 200: *кыкъ сю* 'двести'

300: *квинь сю* ‘триста’
400: *ниль сю* ‘четыреста’
500: *вить сю* ‘пятьсот’
600: *кватъ сю* ‘шестьсот’
700: *сизимъ сю* ‘семьсот’
800: *тямысь сю* ‘восемьсот’
900: *укмысь сю* ‘девятьсот’
1000: *сюрсь* ‘тысяча’

Приложение 14

Священная история Ветхаго и Новаго завѣта. На вотяцкомъ языкѣ. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. Казань: Печатано въ типографіи Коковиной, 1877.

1: *ог, одик, одиг* ‘один’ [3]; *первой* ‘первый’ [23]; *одигды, одикды* ‘один из вас’ [26]

2: *кык* ‘два’ [8]; *кыкэти* ‘второй’ [3]; *кыкназы* ‘оба’ [5]; *кыклапалаз* ‘с обеих сторон’ [38]; *кыктой* ‘в течение двух дней’ [126]

3: *кюу* ‘три’ [9]; *кюумети* ‘третий’ [4]; *кюумойсын* ‘за три дня’ [23]; *кюумой* ‘в течение трех дней’ [54]

4: *нюк* ‘четыре’ [9]; *нюлети* ‘четвертый’ [4]

5: *вит* ‘пять’ [30]; *витети* ‘пятый’ [4]

6: *куат* ‘шесть’ [13]; *куатети* ‘шестой’ [5]; *куатойсын* ‘за шесть дней’ [5]

7: *сижым* ‘семь’ [9]; *сижымэти* ‘седьмой’ [5]

8: *җамыс* ‘восемь’ [149]; *тямыс* ‘восемь’ [113]; *җамысэти* ‘восьмой’ [73];

9: *укмыс* ‘девять’ [84]

10: *дас* ‘десять’ [12]; *дасэти* ‘десятый’ [12]

12: *дас кык* ‘двенадцать’ [42]

20: *кыж* ‘двадцать’ [16]

30: *куамын* ‘тридцать’ [24]

40: *нюкдон* ‘сорок’ [9]; *нюкдонэти* ‘сороковой’ [77]

50: *виҗтон* ‘пятьдесят’ [88]; *виҗтонэти* ‘пятидесятый’ [40]

70: *сижымдон* ‘семьдесят’ [52]

80: *тямыстон* ‘восемьдесят’ [13]; *җамыстон* ‘восемьдесят’ [73]

100: *җу* ‘сто’ [19]; *җу* ‘сто’ [89]

1000: *җурыс* ‘тысяча’ [38]

Приложение 15

Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Писаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. Казань: Типографія А. А. Коковиной, 1880. 189 с.

1: *одик* [7]; *ок* [8]; *одиг* [15]; *ог* [42] ‘один’; *первой* [21] ‘первый’

2: *кык* ‘два’ [6]; *кыктэтіез* ‘второй’ [61]

3: *кюН* ‘три’ [3]; *кюНмэтіез* ‘третий’ [61]

4: *нюл* ‘четыре’ [22]; *нюлэтіез* ‘четвертый’ [62]

5: *виТ* ‘пять’ [23]

6: *куаТ* ‘шесть’ [41]

7: *џижым* ‘семь’ [61]

8:

9: *укмыс* ‘девять’ [15]

10:

11:

12: *дас кык* ‘двенадцать’ [25]

20:

30: *куамын* ‘тридцать’ [72]

40: *нюлдон* ‘сорок’ [54]

50:

60: *куаТтон* ‘шестьдесят’ [72]

70: *џижымдон* [24]; *џижёмдон* [68] ‘семьдесят’

80:

90:

100: *џу* ‘сто’ [51]

1000: *џурыс* ‘тысяча’ [23]

Приложение 16

Букварь для крещеных вотяковъ. Гожтет тодыте. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. Казань: Типографія Коковиной, 1882.

- 1: *одик* ‘один’
- 2: *кык* ‘два’
- 3: *кюу* ‘три’
- 4: *нюк* ‘четыре’
- 5: *вит* ‘пять’
- 6: *куат* ‘шесть’
- 7: *сижём* ‘семь’
- 8: *тамыс* ‘восемь’
- 9: *укмыс* ‘девять’
- 10: *дас* ‘десять’
- 11: *дас одик* ‘одиннадцать’
- 12: *дас кык* ‘двенадцать’
- 20: *кыж* ‘двадцать’
- 30: *куамын* ‘тридцать’
- 40: *нюкдон* ‘сорок’
- 50: *виТтон* ‘пятьдесят’
- 60: *куаТтон* ‘шестьдесят’
- 70: *сижёмдон* ‘семьдесят’
- 80: *тямыстон* ‘восемьдесят’
- 90: *укмыстон* ‘девяносто’
- 100: *су* ‘сто’
- 1000: *сурыс* ‘тысяча’

Приложение 17

Torsten G. Aminoff. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Helsingissä, Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1896. 48 s.

1: *og, odig J; ok, odik K; odigeti*

2: *kyk J; kōk K; kykteti J; kōkteti K;*

3: *küiñ, kuiñ; kuiñmeti*

4: *ñul' J; ñül' K; ñul'eti*

5: *vit'; vit'eti*

6: *kwat'; kwat'eti*

7: *śízým J; śízōm K; śízýmeti J; śízōmeti K*

8: *t'amys J; t'amōs K; t'amýseti J; t'amōseti K*

9: *ukmys J; ukmōs K; ukmyseti J; ukmōseti K*

10: *das; daseti*

11: *dasodig; dasodigeti*

12: *daskyk J; daskōk K; daskykteti J; daskōkteti K*

20: *kyž J; kōž K; kyžeti J; kōžeti K*

21: *kyžodig J; kōžodik K; kyžodigeti J; kōžodigeti K*

30: *kwamyn J; kwamōn K; kwamýneti J; kwamōneti K*

40: *ñül'don; ñül'doneti*

50: *vit'ton; vit'toneti*

60: *kwat'ton; kwat'toneti*

70: *śízýmdon Vj.; śízōmdon K; śízýmdoneti Vj.; śízōmdoneti K*

80: *t'amyston Vj.; t'amōston K; t'amýstoneti Vj.; t'amōstoneti K*

90: *ukmyston V.; ukmōston K; ukmýstoneti V.; ukmōstoneti K*

100: *śu; śueti*

102: *śukyk Vj.; śukōk K; śukykteti Vj.; śukōkteti K*

200: *kyksu Vj.; kōksu K; kyksueti Vj.; kōksueti K*

1000: *śurys Vj.; śurōs K; śuryseti Vj.; śurōseti K*

Приложение 18

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.

- 1: *og, ok, odi3g* (Sar., Mal.), Jel. *odig*, Kaz. *odik* [66]
- 2: *ki3k*, Kaz. *ke3k* (*ki3kt-*, *ki3k-*) [147]
- 3: *kwiń*, Kaz. *küń* (*kwińm-*, *küńm-*) [236]
- 4: *ńi3L*, Jel. *ńiL*; Kaz. *ńüL* [528]
- 5: *viT* [669]
- 6: *kwaT* [232]
- 7: *śi3i3m*, Jel., Mal. *śi3im*; Kaz. *śi3e3m*, *śi3em* [456]
- 8: *Tami3s*, Kaz. *Tame3s* [409]
- 9: *ukmi3s*, Kaz. *ukme3s* [83]
- 10: *das* [388]
- 20: *ki3ź*, Kaz. *ke3ź* [156]
- 30: *kwami3n*, Kaz. *kwame3n* [234]
- 40: *ńi3Ldon*, *ńiLdon*, *ńüLdon* [528]
- 50: *viTton* [669]
- 60: *kwaTton* [232]
- 70: *śi3i3mdon*, *śi3imdon*, *śi3im-das* [456]
- 80: *Tami3ston*, *Tame3ston* [409]
- 90: *ukmi3ston*, Kaz. *ukme3ston* [83]
- 100: *śu*, Kaz. *śü* [468]
- 1000: *śurs* [475]

Приложение 19

[Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

1: *og* G J MU U; *odig* G M J MU U; *odiG*, *od4g* G; *odik* MU U; *oig* B [181]

2: *k4k* G B U; *k2k* M J MU; *k4kt-* U; *k2kt-* M J; *k2k-* J [109]

3: *kuxiñ* G B M J MU U; *kuN* J; *kuⁱN* U [142]

4: *ñuuL* G MU U; *ñuuòL* G; *ñ2L* M J MU; *ñiL* U [179]

5: *viT* G B M J MU U [317]

6: *k&aT* G B M MU U [142]

7: *śiž4m* G B U; *śiž2m* M J MU [236]

8: *Tàm4s*, *T@am4s* G; *Tòàm2s* M MU; *Tòam2s* J; *Tòam4s* U (< **k2kjà* -*m2s*) [271]

9: *uk-m4s* G U; *2k-m2s* M; *uk-m2s* J MU; *uk'-m2s*, *ug'-m2s*, *uG-m2s* MU [181]

10: *das* G B SI M J MU U [30]

20: *k4ž* G; *k2ž* M J MU; *kuž* U [118]

30: *k&àm4n* [142]

40: *ñuuL-don* G B MU; *ñuuòL-don* G; *ñ2L-don* M J MU; *ñiL-don* U [179]

50: *viTton* B M J MU U; *viTton* MU [317]

60: *k&aTton* G MU; *k&aTton* M U [142]

70: *śiž4m-don* G U; *śiž2m-don* M J MU [236]

80: *T@am4s-ton* G; *Tòàm2s-ton* M; *Tòamis-ton* MU; *Tòam4s-ton* U [271]

90: *uk-m4s-ton* G U; *2k-m2s-ton* M; *uk-m2s-ton*, *uG-m2s-ton* MU [181]

100: *śu* G M JI; *śuu* B M J MU U [238]

1000: *śurs* G M J U; *śurs* G B M MU; *śur2s* MU [241]

Научное издание

Стрелкова Ольга Борисовна

**Имена числительные удмуртского языка
История и типология**

Монография

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. __. Усл. изд. л. __

Тираж 50 экз.

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7(3412)500-295. E-mail: editorial@udsu.ru